

Кают-компания

НОМЕР 8 (35)

**Дальневосточный морской
литературный журнал**

2014

ДВ морской литературный журнал «КАЮТ-КОМПАНИЯ»
Издание Союза российских писателей

Учредитель и главный редактор Б.С. Мисюк
Контент-редактор С.Б. Мисюк
Спецкор Д.А. Бабченко

На 1-й стр. обложки –

Подписано в печать 29.07.2014

Макет и вёрстка:
Редакция журнала

Координаты редакции:
690089, г. Владивосток, ул. Днепропетровская, 18 – 53.
Тел. (423) 236-8188, e-mail: misyuk@front.ru

Отпечатано в типографии издательства «Роза ветров».

Тираж 500 экз.

Общественная редколлегия

П.И. Осичанский, президент ДВ Ассоциации морских капитанов.
В.П. Бутов, президент Морского эколог. фонда по предотвращению загрязнения морей и портов ДВ региона.
Е.А. Фёдоров, КДП (капитан дальнего плавания).
С.Г. Лагунов, КДП.
С.Н. Мицкевич, КДП и заслуженный работник культуры РФ.
Е.Е. Пермяков, поэт, инженер-технолог ОАО «Океанрыбфлот».

Содержание

<i>Горячая тема</i>	4
<i>Уроки морских катастроф</i>	
П. Осичанский, Столкновение у о. Скрыплёва	9
<i>Экоморе</i>	18
<i>Однажды в кают-компании</i>	
Л. Татарин, Секрет командарма	23
Л. Круткина, Судьба военного моряка Савицкого	29
<i>Поэзия и проза</i>	
Н. Матвеева, стихи	46
Н. Щербаков, Фейерверк во льдах	48
П. Ткаченко, Лики яви	70
С. Шкляева, стихи	81
А. Акулов, Фёдорович, р-з	89
Б. Чернышёв, Поездка к морю, р-з	96
Т. Алёшина, В порту всегда ветер, продолжение	117
Л. Васильев, Не пущать!, эссе	137
Е. Фёдоров, Сатисфакция, р-з	145
Т. Черкасова, стихи и рассказ «Чудо за 10 рублей»	152
<i>Наша публицистика</i>	78, 111, 172
<i>Это интересно</i>	
Через океан на «Караане»	99
Гениальный и безотносительный	103
Е. Головнёва, Легко ли быть молодым художником?	106
<i>Детский сад</i>	
К. Аносова, Урок географии, р-з	170
<i>Сатира и юмор</i>	
И. Иванов, «Письмо с флота»	161
<i>Память</i>	
Н. Рубцов.....	174

Горячая тема***Владимир КОСТРОВ*****ВОЗВРАЩЕНИЕ**

Вновь с горы Митридат моря дальнего виды,
И рубцуются раны войны и беды,
Снова в лоно России вернулась Таврида
Афродитой прекрасной из пенной воды...

Никогда уже больше ты нас не покинешь,
Больше нет у истории этой вины.
Возвратился к нам Крым, словно сказочный Китеж,
Возродилось единство великой страны!

Крым отцов и дворцов, дивных роз тёмно-алых,
Бороздящих моря боевых крейсеров,
Православных святых и святых адмиралов
И богатых хозяйских татарских дворов.

Мы ошибки учтём и невзгоды осилим,
По всему побережью зажжём маяки,
Мы возложим цветы к адмиральским могилам,
В безымянные воды опустим венки...

Рей, Андреевский флаг, в севастопольской сини!
Словно вольная чайка, расправив крыла,
На надорванной карте великой России
Градом Китежем снова Таврида взошла!

...Населению, составлявшему этнографическое большинство и имеющему свою особую традиционную идентичность, предполагалось навязать новое имя, новую конфессию, новое историческое и культурное самосознание. Вместо привычного со Средних веков осознания себя русскими, то есть частью

Руси, навязать представление о себе как об «украинцах»; отринуть всю свою городскую культурную традицию как якобы чужую; отказаться от представления о себе как о православных, заменив это абстрактным «общехристианским» самосознанием. По сути, украинские националисты предлагали провести полномасштабный этноцид восточнославянского населения, с тем чтобы создать из этой «этнографической массы» новый народ. И им это в значительной мере удалось, хотя и не во всём и не со всеми.

В основе украинского национализма лежит программа этноцида, поэтому он просто обречён на радикальность. Эта заложенная в нём форма мысли порождает особый тип мышления: носитель этой идеологии просто не хочет и не может считаться с реальностью. Он знает, каковой реальность должна быть, и готов не останавливаться ни перед чем, чтобы она стала соответствующей идеологии украинства. То, что ради этого подчас требуется просто уничтожение объекта воздействия, не должно никого останавливать.

Фраза: «У нас нет проблем с русским языком, у нас есть проблемы только с украинским!» – знакома, думаю, всем. Заговорить реальность – это такой способ отрицать её на уровне слов. «Если не хотят быть украинцами, пусть уезжают в Россию» – это убеждение не может быть поколеблено вопросом, как же столько миллионов человек, население по крайней мере половины страны, может уехать в другую? Такой реальности просто нет места в украинской картине мира. И это настойчивое отрицание другой части страны рано или поздно должно было вылиться в политическое поле, найти своё выражение в структуре политической жизни.

Есть такой детский стишок: «Если взрослого мышца взять и, бережно держа, напихать в него иголок, то получите ежа. Если этого ежа, нос заткнув, чтоб не дышал, где поглубже бросить в реку, то получите ерша. Если этого ерша ...» и т.д., который заканчивается весьма ценной формулировкой: «Впрочем, он, наверно, сдохнет... но идея хороша!» Вот это как раз тот ход мысли, который свойственен украинскому национализму. И мы сейчас всё это наблюдаем в полной мере: украинские националисты сами уничтожают единую Украину, потому что не хотят считаться с её разнообразием.

Есть только один способ сохранить территориальную целостность Украины (конечно, уже без Крыма) – это сесть за стол переговоров и выполнить все те условия по федерализации, которые ставит движение юго-востока страны. Но для «свидомых украинцев» это абсолютно неприемлемо. Реальность отрицается: это всё происки России, это её агенты, это внешние силы. Жечь их калёным железом – единственный рецепт.

Такова и идея евроинтеграции Украины, которая была заложена в самой идеологии украинства и продолжает навязываться стране до сих пор. Она не считается с реальностью, с тем, что украинская экономика такие манипуляции просто не перенесёт. «Но идея хороша!»...

Юго-востоком движет не столько идея русского воссоединения или особая любовь к России, сколько усталость от украинизации, абсурда, от желания всё переиначить. Его жители хотят жить соответственно себе. Как в одном из продолжений того стихка: «Чем вам не угодил? Он себе спокойно жил. Бросьте думать о плохом, не бывать мышу ежом!»

Олег Неменский, «Калёным трезубом» (ЛГ №17 2014)

Ставшее результатом украинского кризиса охлаждение отношений с США и ЕС может пойти на пользу и внутреннему развитию нашей страны, и её внешней политике. При определённых условиях, конечно. «Растущей изоляции» России у Запада не получится, а вот желание системно заняться выстраиванием отношений и с соседями на пространстве бывшего СССР, и со старыми центрами силы на Востоке и Юге, а также с новыми перспективными партнёрами в Азии, Латинской Америке, Африке у нас точно возрастет. К этому желанию ещё бы и умение...

Именно здесь – в формулировании идеи собирания земель вокруг себя и справедливого устройства мира в целом, идеи, альтернативной современным глобалистским рецептам, видится главный ключ и к упрочению международных позиций нашей страны, и к её собственному становлению как великой нации.

Мих. Демурин, публицист (ЛГ №20 2014)

Никакой племенной ненависти между велико- и малорусскими нет. Она развивается искусственно лишь в интеллигентских кружках, да и то у одних малороссов: у великороссов же нет решительно и мысли о неприязненных отношениях к своим южным соседям... Ненависть эта выдумывается в Киеве, в Варшаве, в Кракове, во Львове, по понятным соображениям.

Проф. **Вас. Модестов**, 1882 г.

Трагедия в московской школе поставила чрезвычайно трудный вопрос: почему это сделал отличник, победитель олимпиад, юноша из вполне благополучной семьи? Ответ на него необходимо искать безотлагательно, поскольку этот дикий и ужасающий случай произошёл вслед за многочисленными актами агрессии в среде подростков, как правило, зафиксированными ими же на видеокамеры.

Да, по уровню насилия наша школа далеко позади США и Европы. Слава богу, у нас ещё не было примеров массового расстрела учеников и педагогов отморозками, решившими таким образом прославиться на весь мир или «отмстить» неразумным одноклассникам и преподавателям за действительные или придуманные обиды. Однако, учитывая дегуманизацию российского образования, этому отрадному факту остаётся лишь удивляться.

За расстрелом учителя виден главный порок нынешней школы,

перед которой поставлена цель «производства успешных цивилизованных потребителей». Нынешние подростки находятся под мощным влиянием рекламы, проповедующей сугубо материальные ценности и внушающей, что они «этого достойны». Самое страшное для члена потребительского общества, напроочь отвергнувшего христианские заповеди, – быть неудачником. Кстати говоря, Иисус Христос с точки зрения нынешней морали и является таким вот типичным «лузером», нищим и вызывающим издевательские насмешки.

Существует разительное несоответствие между правами и обязанностями школьников, провоцирующее их на самые безответственные поступки, и никаких действенных мер против малолетних правонарушителей учебное заведение применить не может. Труд учителя утратил свой сакральный смысл. Теперь преподаватели – не авторитетные наставники, призванные сеять «разумное, доброе, вечное», а массовики-затейники, лакеи, вынужденные пресмыкаться перед заплачившими за их услуги потребителями.

Всё это означает, что национальная система образования находится на грани полного разрушения. Первый удар был нанесён по высшей школе, когда в каждом райцентре вдруг появились университеты и академии, затем почти прикончили профтехобразование, что лишило нашу промышленность квалифицированных рабочих. Теперь в оборот взята средняя школа, демонстрирующая, правда, совершенно невероятную сопротивляемость непродуманным реформам и быстро интегрирующая в себя действительно прогрессивные новации.

Отбросив «теорию заговора», зададимся вопросами: почему вместо подготовки и воспитания гармонично развитых граждан, любящих своё Отечество и готовых трудиться во имя его блага, школа должна добиваться прежде всего высоких процентов при сдаче выпускниками ЕГЭ и ГИА?..

Если бы во главу угла была поставлена живая работа педагога с учениками, и двойка на экзамене воспринималась бы просто как честная констатация низкого уровня знаний испытуемого, а не как ЧП с оргвыводами, то, глядишь, не перегревались бы мозги подростков и не рос бы уровень их агрессии, приводящий современных «гамлетов» к решению поистине «рокового вопроса»: убить или не убить?

Учёба должна быть интересной и посильной работой, а не наказанием или развлечением. Ничего трагического не должно быть ни в двойке, ни в оставлении на второй год. Между прочим, второгодниками были Иван Бунин, Николай Гумилёв, Иосиф Бродский. Этот список можно продолжить. Только добросердечная, доверительная обстановка, которая, может быть, ещё сохранилась в отдельных учебных заведениях, в состоянии превратить школу действительно в храм духовности, культуры и науки. И не «успешные» эгоисты, а честные труженики, бескорыстные подвижники и герои, готовые пожертвовать всем ради ближних своих, способны возродить Великую Россию.

Виктор Пахомов (ЛГ №17 2014)

Сегодня идеи бандеровцев покорили практически полностью две трети Украины, захватили (во всех смыслах) Киев, совершили национальную революцию, ведут национальную, этническую войну, строят национальное государство.

Надо глядеть правде в глаза: это большая часть нынешнего украинского народа. Всех возрастов и категорий. И народ этот глубоко ненавидит русских и Россию. Увы, это тоже правда.

Эта ненависть иррациональна и неизлечима, как болезнь проказа, она есть системный элемент бандеровского организма, без которого ему не выжить. Глупо заниматься в этой связи самокопанием или самобичеванием, выискивать мнимые вины русских перед украинцами. Поражённую гангреной конечность не печат, её ампутируют, чтобы спасти весь организм.

У врачей это называется «ценой потери».

Если окончательно победят бандеровцы, если Украина сохранится как единое целое, то ей суждено будет пройти через тотальную зачистку любых проявлений русскости. Через повальные люстрации (комитет по люстрации при правительстве уже создан майданом), чистки, посадки, выдавливание из страны и вообще полномасштабный русский этноцид. В итоге лет через десять на всей территории Украины – от Львова до Одессы – установится не просто недружеское, а крайне антирусское, антироссийское, враждебное нам по всем направлениям внутренней и внешней политики государство. Оно превратится в главный рычаг давления Запада на Россию, а по мере усиления востребует от нас не только Крым, но и Кубань, часть Воронежской, Курской, Ростовской областей и т.д.

Надо ясно понимать: такое государство уже возникло в принципе, его целенаправленно поддерживает Запад, и оно не «рассосётся» и не изменит свою основу – антирусскую сущность. Вопрос стоит только о его размерах и могуществе.

В наших интересах, естественно, чтобы эти размеры и могущество были минимальными. Эту угрозу надо блокировать в зародыше. Да, украинцы имеют право на своё государство. Но не за русский счёт и не во вред нам.

Александр Севастьянов, политолог (ЛГ №26 2014)

Уроки морских катастроф

Пётр ОСИЧАНСКИЙ

Столкновение у острова Скрыплёва

*В упор не видели друг друга оба судна
И ненавидели друг друга обоюдно.*

Вл. Высоцкий.

21 октября 1981 года в одиннадцати кабельтовых мористее острова Скрыплёва в хорошую видимость столкнулись сухогруз «Рефрижератор-13» с дизельной торпедной подводной лодкой Тихоокеанского флота «С-178». Через несколько секунд лодка затонула.

ПЛ «С-178» под командованием капитана 3-го ранга Валерия Маранго возвращалась на базу и подходила к острову Скрыплева в надводном положении со скоростью 9 узлов. Погода была отменной: дул слабый юго-восточный ветерок силой до 6 метров в секунду, волнение моря – 2 балла, видимость – отличная. На лодке держали генеральный курс 5 градусов, что являлось кратчайшим путем до базы. Правда, этот курс проходил прямо через полигон Тихоокеанского флота, куда вход без предварительно полученного разрешения был запрещен. Но в тот вечер там никого не было. На ходовом мостике субмарины находилось 11 человек: вахтенная служба, а также свободные от вахты офицеры, поднявшиеся на свежий воздух покурить. Командир отпустил старпома ужинать, а сам принял управление лодкой на себя. «Добро» на вход от диспетчерской службы береговых постов было получено, и лодка направлялась к входным воротам порта. Но, как выяснилось впоследствии, такое же «добро», но уже на выход, получило судно «Рефрижератор-13», принадлежащее Крайрыболовпотребсоюзу, что было явным отступлением от Правил. Правила требовали, чтобы рейд был закрыт до тех пор, пока «единица» не проследует до места назначения.

Вахтенный гидроакустик, обнаружив на курсе цель, доложил на центральный пост, но командир не обратил внимания на доклад, так как было время смены вахт и на центральный непрерывно шли доклады с боевых постов от вновь заступивших. К тому же на мостике царила та беспечная обстановка, которая часто бывает при возвращении домой из длительного рейса или после удачно проведенных учений, что и было в случае с ПЛ «С-178». Опытные

капитаны в таких случаях требуют всех посторонних оставить мостик и не мешать судовождению, дабы бдительность вахтенных не притуплять. Повышенное внимание на подходе к порту вообще, а к порту Владивосток в частности, требуется хотя бы потому, что на фоне ярких городских и огней портовых кранов очень сложно вычлнить ходовые огни встречных судов: они теряются на их фоне.

Акустику никто не отрепировал, и он надоедать своим докладом никому не стал, полагая, что на мосту и без него разберутся. А вскоре он и вовсе потерял контакт с «Рефрижератором-13» – слишком малым было расстояние до него, и вспомнил о цели лишь тогда, когда субмарина, приняв удар в моторный отсек слева, в районе 99-102 шпангоутов, стала резко крениться на правый борт. Удар был настолько силен, что лодка была буквально разрезана форштевнем встречного судна на две неравные части по 6-му отсеку, а все находившиеся на верхнем мостике подводники, в основном офицеры, вмиг оказались за бортом. Лишь сигнальщики навсегда остались на своем боевом посту: их раздавило насмерть вмятым ограждением рубки.

Не прошло и минуты, как ПЛ «С-178», приняв в себя свыше 130 тонн забортной воды, затонула на глубине 32 метра, имея крен на правый борт около 30 градусов и дифферент на корму 7 градусов. Часы остановились в 19.45 на широте 43 градуса и долготе 131°58'.

К месту катастрофы спасатели прибыли только через три часа, и действия их, как всегда, отличались не просто низкой эффективностью при отсутствии профессионализма, но и обычной советской неорганизованностью. Дыхательных аппаратов у спасателей оказалось недостаточно, чтобы предоставить их подводникам для оставления затонувшей субмарины. К тому же они умудрились порвать винтами телефонный кабель аварийного бую – единственную ниточку, связывавшую подводников с внешним миром. Поэтому с руководством штаба флота было всего лишь несколько сеансов связи.

Почти трое (!) суток продолжались спасательные операции. Отсутствие связи затрудняло координацию действий по спасению моряков, подводники и водолазы просто не понимали друг друга. К тому же стало сказываться длительное пребывание в экстремальных условиях. Холод, кислородное голодание, неопределенность – все это не внушало оптимизма, но моряки держались, готовились к всплытию. Старший помощник капитана каплей Сергей Кубынин и механик Валентин Зыбин, как могли, подбадривали личный состав, проводили занятия по использованию дыхательных аппаратов, инструктажи по выходу через торпедные аппараты. Ведь важно было не только выбраться наружу, но и не получить баротравму легких, не заболеть кессонной болезнью.

Утром 22 октября к месту аварии прибыла лодка-спасатель «Комсомолец Узбекистана» для оказания практической помощи пострадавшим. Долгие поиски

«С-178»), маневрирование – на все это ушло почти семнадцать часов. Наконец «Комсомолец Узбекистана» лег на грунт рядом с «С-178», но водолазы завели трос-проводник совсем не с того борта, как было договорено, и подводники, выходявшие на поверхность через торпедные аппараты, так и не смогли его найти. Лишь 6 человек смогли воспользоваться барокамерой лодки-спасателя. Спасатели не страховали людей, выходявших на поверхность из лежащей на грунте субмарины самостоятельно, теряли из виду уже всплывших, так как наблюдение за водной акваторией в районе катастрофы организовано не было.

Авария была тщательно расследована, виновников судил военный трибунал. Как это и было принято в советской традиции, нашли крайних – командира подводной лодки капитана 3-го ранга В.А. Маранго и вахтенного старшего помощника капитана «Рефрижератора -13» В.Ф. Курдюкова. Их приговорили к длительным срокам лишения свободы. Ни диспетчерские службы военно-морского флота, грубо нарушившие порядок плавания по акватории порта, ни спасатели в обвиняемые не попали. Сергей Кубынин не согласился с таким решением трибунала, особенно в части наказания командира лодки, писал кассации, но приговор остался в силе. В знак протеста старпом Кубынин уволился из военно-морского флота

Эта авария показала слабость спасательных служб флота, их неготовность к действиям в экстремальных ситуациях. Но остался открытым вопрос: почему произошло столкновение? Ведь корабли столкнулись не в самом узком месте пролива и, находясь на виду друг у друга, обязаны были разойтись чисто. То, что один из них – «Рефрижератор -13» – так и не увидел подводной лодки до самого момента столкновения, свидетельствует лишь об одном – отсутствии надлежащего наблюдения на мостике. В 19.30 старпом обнаружил огни по правому борту и классифицировал их как огни рыболовного судна. Это типичная ошибка судоводителей торгового флота. Одновременно ему доложили об обнаружении цели на экране радиолокатора по пеленгу 167 градусов. При этом пеленг не менялся, дистанция быстро сокращалась. Налицо опасность столкновения.

Какие действия предпринял старпом?

Никаких.

Точно такое же обвинение следует отнести и к командованию субмарины, на ходовом мостике которой, кроме командира, находились и другие офицеры, а также сигнальщики. Наблюдение, кроме того, велось и с помощью акустических средств. И все же встречного судна, свою опасность и смерть, никто не заметил. Командир субмарины увидел огни приближающегося судна тогда, когда предпринимать что-либо было бесполезно. Он успел отдать команду: «Право на борт! Осветить судно прожектором!», но это были слишком запоздалые команды. И результат – 32 погибших подводника: 16 – в момент столкновения, 16 – в процессе спасения.

Столкновение дизель-электрохода «Оленёк» с танкером «Генерал Шкодунович»

Кто долго раздумывает, не всегда находит лучшее решение.

31 октября 1979 г. в 05.53 мест. времени в проливе Большой Бельт у берегов Дании произошло столкновение дизель-электрохода «Оленёк» Дальневосточного морского пароходства с танкером «Генерал Шкодунович» Новороссийского пароходства. На мостиках обоих судов находились капитаны и их старшие помощники. Суда получили значительные повреждения, «Оленёк» загорелся, потушить его не удалось, и он, потеряв мореходность, был оставлен экипажем и впоследствии отбуксирован в Ленинград. 4 человека погибли, а остальные 95 членов экипажа и экспедиции (судно направлялось в Антарктиду, имея на борту 41 члена 25-й Советской Антарктической экспедиции и 2136 тонн груза для нужд полярников) были спасены датскими и шведскими судами.

Рейс д/э «Оленёк» начался во Владивостоке ещё в середине августа. За два с половиной месяца произошло немало событий, которые так или иначе влияли на физическое и психологическое состояние моряков и капитана в первую очередь. В Мурманске из-за острых желудочных коликов его вынуждены были госпитализировать. Причиной желудочных и сердечных расстройств является, как известно, долговременное нервно-психическое напряжение. Скорее всего, такое напряжение капитан испытал во время нелёгкого ледового плавания в Арктике 1979 года, когда судно следовало северным морским путём из Владивостока в Мурманск, затем в Ленинград. На сложных участках плавания капитаны, как известно, находятся на мостике по 12 часов, чередуя эту вахту либо с дублёром капитана, либо с опытным старшим помощником. К моменту, когда надо было принимать ответственные решения для избежания столкновения со «Шкодуновичем», на судовых часах «Оленька», которые показывали московское время, было 07.45, капитан находился на мостике 11 часов 45 минут.

До столкновения в проходе Эстер-Реннен события на «Оленьке» развивались следующим образом. Судно следовало курсом 341° со скоростью 11 узлов. Ветер юго-восточного направления достигал силы 6-7 баллов, море 4-5 баллов, видимость около 4-х миль. На траверзе буя «Е-20» судно должно было лечь на курс 10°, но капитан решил подождать с поворотом, чтобы окончательно пройти скалистую банку с глубиной над нею 6,7 метра. В этот момент визуально с д/э «Оленёк» могли наблюдать красный бортовой огонь парома «Стена Олимпиака» и зелёный бортовой «Генерала Шкодуновича». Оба эти судна были обнаружены ранее с помощью радиолокатора, когда дистанция до них составляла 5 миль, однако элементов движения определять не стали. Сейчас до них было

чуть более 2 миль, причём, паром шёл на 3-4 кбт позади «Шкодуновича» (см. рис. 1).

«Генерал Шкодунович» в это время подходил к бую «W-19» курсом 145° со скоростью около 12 узлов и начал плавный поворот вправо, а пройдя буй, лёг на курс 160°. На дизель-электроходе этот поворот заметили, но зелёный бортовой был виден всё ещё отчётливо, в то время как красный едва брезжил.

Капитан «Оленька» Иванов зашёл в штурманскую рубку посмотреть на обсервованную точку, вернулся в рулевую рубку и снова отчётливо увидел зелёный бортовой огонь танкера и красный бортовой парома. Пора было ложиться на новый курс 10°, но Иванов медлил. Он попросил старпома определить место судна и, когда тот нанёс его на карту, спросил, достаточно ли места слева. (См. рис.2). В этот момент он дал «стоп» машине, затем «полный назад». Когда же старпом ответил, что слева места достаточно, капитан дал машине «полный ход вперёд» и скомандовал рулевому: «Лево на борт».

На танкере, ожидая от дизель-электрохода изменения курса вправо, дали пять коротких предупредительных сигналов, дублируемых светом, попытались вызвать встречное судно по УКВ, но так как реакции не последовало, легли на курс 185°, затем почти сразу же на 195° (см. рис. 3). И когда стало ясно, что «Оленёк» вправо не поворачивает, на «Шкодуновиче» положили руль «право на борт» и дали «самый полный задний ход». Но предотвратить столкновение не удалось. Танкер «Генерал Шкодунович» ударил форштевнем дизель-электроход «Оленёк» в правый борт в районе миделя под углом 100 градусов (см. рис. 4).

Можно по мельчайшим деталям разбирать эту аварию, чтобы установить все пункты Правил, Наставлений и Устава, которые были нарушены судоводителями обоих судов. Что, собственно, и было сделано экспертами по требованию прокуратуры. Можно даже попытаться определить степень вины каждого из участников аварии в процентах, но вряд ли это добавит что-то к пониманию причин аварии.

Рискнём сделать предположение, что капитан дизель-электрохода «Оленёк» Иванов в течение всего рейса испытывал серьёзные нервно-психические стрессы, не уделяя внимания восстановлению своего психологического состояния и по этой причине не мог адекватно оценить сложившуюся в проливе Эстер-Реннен ситуацию. Он заиклился на зелёном бортовом огне идущего навстречу по своей полосе движения танкера, долго раздумывал над принятием решения, и это помешало ему вовремя лечь на свой курс 10°. А ещё до этого не были приняты меры для определения элементов движения, анализ которых мог бы подсказать ему, что встречное судно идёт по своей полосе движения. Судоводители дизель-электрохода не только не заметили сигналов встречного судна, но и сами не предприняли никаких действий для того, чтобы обратить на себя его внимание, связаться с ним по УКВ. В ситуации опасного сближения действия капитана были замедленными и нерешительными: «Оленёк» сначала приблизился, а

потом и пересёк линию разделения движения, выйдя на встречную полосу движения, а в последний момент во избежание столкновения капитаном был выбран наихудший в сложившейся ситуации манёвр отворота влево на полном переднем ходу.

Нерешительно действовали и судоводители танкера «Генерал Шкодунович». Эта нерешительность проявлялась даже в том, как на танкере поворачивали: плавно, в несколько этапов, в то время как хорошая морская практика и Правила МПСС говорят о том, что любые изменения курса и скорости, предпринятые во избежание столкновения, должны быть достаточно большими. Капитан танкера Мальцев, так же как и его коллега с дизель-электрохода, видел, что существует опасность столкновения, но меры для предотвращения опасности были запоздалыми и неполными, не использовались, например, якоря для быстрой и полной остановки судна. На танкере, вероятно, царила растерянность после столкновения, контроль за местом судна и окружающей средой не вёлся, что привело к навалу на маяк. Не были предприняты меры для спасения членов экипажа и экспедиции аварийного дизель-электрохода, этим занимались экипажи иностранных судов. А последнее обстоятельство стало той самой каплей, которая переполнила чашу косвенных обвинений судоводителей танкера, и переросло в прямое обвинение с возложением вины и на капитана Мальцева за столкновение.

Авария была всесторонне исследована, капитаны были осуждены на разные сроки тюремного заключения. Причём, первый суд не посчитал вину капитана танкера заслуживающей тюремного заключения, он даже не был отстранён от должности, но жалобы капитана дизель-электрохода, доказывающего свою невиновность, привели к тому, что, в конце концов, спустя годы, суд пересмотрел старое решение, и оба капитана были присуждены к тюремному заключению.

Во Владивостоке с размахом отметили 25-летие парусника «Паллада».

4 июля 2014 парусное учебное судно «Паллада» отметило своё 25-летие. В этот день на борту собрались члены первого экипажа парусника. За четверть века УПС «Паллада» посетило 107 портов 37 стран мира. На нём побывало более 14 тысяч курсантов, кадет и юнг морских учебных заведений со всей России. Фрегат построен в Польше на Гданьской судовой верфи в 1989-ом, флаг был поднят 4 июля 1989 года.

«Как у каждого человека есть день, когда он появился на свет, так и у нашего парусника сегодня день рождения. Ведь ровно 25 лет назад на нём был поднят флаг», - отметил в приветственной речи капитан судна Николай Зорченко.

За праздничными столами собрались члены первого экипажа судна. Эти люди положили начало основным традициям на «Палладе». Например, на борту признано чествовать новобрачные пары.

Памятными подарками и медалями были награждены все те, кто отдал значительную часть жизни работе на судне. Многие пришли со своими супругами, детьми и внуками.

Также по приказу ректора «Дальрыбвтуза» Георгия Кима денежными

премиями в размере от 10 до 25 тысяч были награждены все, кто более 5 лет отработал на «Палладе».

Капитан – Николай Кузьмич Зорченко

Родился 23 мая 1954 года, в Новосибирской области.

С совершенноб60летием, дорогой капитан!

Окончил Дальневосточное мореходное училище, судоводительский факультет. В феврале 1975-го получил свой первый диплом штурмана малого плавания, а вместе с ним и должность третьего помощника капитана в очень активно работавшем тогда научно-исследовательском флоте.

- В 1981 году стал старшим помощником, а в 1984 году — капитаном.

- С 1993 по 2010 год — капитан учебного парусного судна «Паллада».

- С 2011 по 2013 год - капитан барка «Седов».

- В 2012-2013 годах барк «Седов» под командованием капитана Зорченко совершил кругосветное плавание «По следам Крузенштерна».

Женат. Супруга – Алла. Дочь Марина с мужем Денисом – офицеры милиции.

Награждён правительственными наградами: Орденом «За морские заслуги», медалью «За отличие в морской деятельности» Морской коллегии при Правительстве РФ, медалью «300 лет Российскому флоту», нагрудным знаком «Почётный работник рыбного хозяйства», удостоен звания «Заслуженный работник рыбного хозяйства», отмечен почётными грамотами руководителя Федерального агентства по рыболовству, ректора Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, главнокомандующего ВМФ РФ, командующего ТОФ.

Парусный фрегат «Паллада» под командованием Николая Зорченко отправился в кругосветное плавание 2 ноября 2007 года. Путешествие посвящалось 190-летию кругосветного плавания российских кораблей под командованием Беллинсгаузена и Лазарева, а также 50-летию начала российских

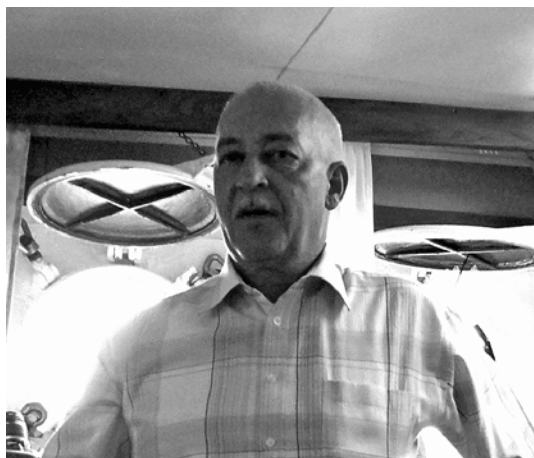
исследований Антарктиды. Кроме того, поход парусника призван был отдать дань уважения российским первооткрывателям и исследователям Мирового океана.

Курс «Паллады» проходит через основные точки Тихого, Атлантического, Индийского океанов, непосредственно связанных с российской историей. Участники кругосветного похода посетили районы Мирового океана, которые были открыты российскими моряками в XIX и XX веках, а также места захоронений русских мореплавателей за границей. В память о предках, сыгравших значительную роль в истории России, установлены мемориальные доски.

За 280 суток «Паллада» прошла 34 400 морских миль и посетила 19 стран мира.

Завершилось кругосветное путешествие во Владивостоке 11 августа 2008 г. В этот день рано утром парусник пришвартовался к причалу родного порта, где его ждали почётные гости, профессорско-преподавательский состав Дальрыбвтуза, курсанты и студенты университета, родные и близкие моряков-дальневосточников.

Парусный мастер Александр Дерябин

Экоморе

Кругосветка тримарана на солнечных батареях

Нефть, соляр – всё, чем движется миллионный флот, наполняет и льяла, желоба вдоль бортов в машинном отделении и трюмах, которые затем спокойно опорожняют за борт. Вот отчего рассказ об уникальном судне на солнечных панелях вместо рубрики «Это интересно» попал сюда, в «Экоморе».

ТУРАНОР ИЗ РИВЕНДЕЛЛА: КРУГОСВЕТКА

Когда вы читаете эти строки, крупнейшая в мире яхта на солнечной энергии Туранор, должно быть, уже завершила свою кругосветную экспедицию и покачивается у причала в бухте Монако. 600 дней и 50 000 километров вокруг Шарика позади.

Туранор из Ривенделла

Длина / с кормовой откидной панелью: 31/35 м

Ширина макс. / с боковыми откидными панелями: 15/23 м

Высота над ватерлинией: 6,1 м

Осадка: 1,55 м

Крейсерская скорость яхты Туранор равна 14 км/ч; макс. скорость: 26 км/ч

Площадь фотоэлектрического генератора в развёрнутом виде: 536,65 м².
Площадь монокристаллического кремниевого элемента: 141 см²
Количество элементов / модулей: 38 000 / 825
Максимальная мощность: 93,5 кВт/ 127 л.с.

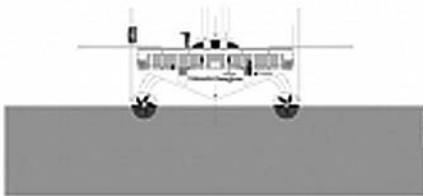
Запасной парашют

На самом деле Солнце – не единственный источник энергии на борту *Turanor*. Согласно предписанию экспертов *Germanischer Lloyd* и требованиям страховой компании, в целях безопасности силовая установка яхты была оснащена двумя аварийными дизельными генераторами и небольшим запасом топлива. Перед отплытием из Монако они были опечатаны при свидетелях швейцарским адвокатом Домиником Кристеном. Миссия *PlanetSolar* будет признана успешной только после того, как тот же Кристен объявит о целостности печатей на финише.

Покоритель океанов: Многоликий X-маран

Несмотря на то что экипаж кругосветки - всего шесть человек, теоретически «*Turanor*» способна принять на борт до 200 пассажиров.

1. «*Turanor*» построена по схеме катамарана. Это позволяет сделать корпус судна максимально широким и плоским, предоставив максимум площади для фотоэлектрических панелей.

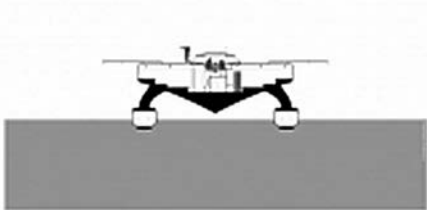
2. Масштабная модель корпуса яхты испытана в аэродинамической трубе. Обводы судна доведены до совершенства в гидродинамическом бассейне.

Обтекаемая форма сводит к минимуму усилие, необходимое для приведения лодки в движение.

3. Катамаран или тримаран – трудно сказать. В штиль центральный корпус яхты парит в воздухе, не касаясь водной глади. Но в шторм поплавки-волнорезы частично уходят под воду, и лодка опирается на воду «все телом». «Туранор» стремится пройти сквозь волны, вместо того чтобы покорно качаться на них вверх-вниз.

4. По завершении рекордного плавания «Туранор» станет шикарной прогулочной яхтой.

Хайтек по старинке

Строительство Turanor, в котором приняли участие более 100 инженеров и техников, началось в декабре 2008 года и потребовало 68 000 человеко-часов. Как ни странно, изготовление эксклюзивных яхт из дорогого высокотехнологичного сэндвича с формообразующим силовым слоем из конструкционного пенопласта и внешней карбоновой обшивкой – это грязная ручная работа. Уровень механизации даже на самых передовых верфях минимален. Так, в распоряжении команды Мюллера имелся лишь огромный 5-координатный фрезерный станок Stamma для изготовления матриц, пропиточный аппарат и компрессор, применяемый для вакуумной инфузии (пропитки большой площади сэндвича эпоксидной смолой) или для вакуумной компрессии (выдавливанию излишков смолы из деталей, пропитанных вручную). Но эта техника использовалась лишь изредка. 90% времени рабочие орудовали обычными молотками, малярными кистями и валиками, брусками, обёрнутыми наждачкой, а также шпателями всевозможных форм и размеров.

Кожа да кости: облегчённый корпус «Туранор»

Без единого гвоздя: в корпусе Turanor нет ни одного разъёмного соединения на болтах или заклёпках.

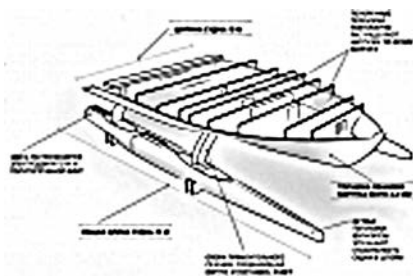
Зоны сопряжения силовых опор центрального моста судна с боковыми поплавками, которые во время плавания испытывают максимальные нагрузки на сжатие, скручивание и сдвиг, усилены несколькими слоями нетканого карбонового полотна Sigrafil.

Диаметр полупогружного гребного винта – 1970 мм

Сборка солнечной яхты на верфи Knierim Yachtbau заняла 16 месяцев

Однажды в кают-компании

Леонид ТАТАРИН

СЕКРЕТ КОМАНДАРМА

Большой автономный траулер «МАРШАЛ КРЫЛОВ» после пяти лет трудной работы в Тихом и Атлантическом океанах ошвартовался у причала порта Калининград. Вместе с родственниками моряков на причале нас встречали сын Маршала – Юрий Николаевич Крылов с дочерью.

По старой морской традиции, с момента постройки каждому кораблю назначалась Крёстная Мать – символическая покровительница экипажа. На эту роль была избрана внучка Крылова Н.И. с красивым морским именем Марина.

Моряки собрались в салоне экипажа на торжественное собрание. Юрий Николаевич и Марина подарили для музейного уголка парадный мундир Маршала СССР Крылова с двумя золотыми звёздами Героя Советского Союза, золотыми погонами и золотым шитьём на рукавах и воротнике. Охотничье ружьё, двустволка немецкой фирмы «Зауэр», с которой Николай Иванович в свободное время любил ходить на охоту, фуражку, полевые погоны, удостоверение на имя депутата Верховного Совета СССР, много фотографий – прекрасное пополнение судового музея!

Но самое интересное – рассказ Юрия Николаевича об одной из самых загадочных и самых успешных операций, которую Николай Иванович лично сам разработал, подготовил и провёл в 1945 году в войне с Японией, когда был командующим Пятой Армией.

Юрий Николаевич сам был непосредственным участником этой операции.

Практически все, даже самые мелкие армейские операции Великой Отечественной войны многократно описаны, исследованы журналистами, писателями, военными историками – начиная от рядового Виктора Астафьева, который “смело” критиковал действия Сталина и Жукова после уничтожения СССР, кончая “судьями” Млечиным и Сванидзе, взявшимися от имени “Суда истории” судить великих полководцев.

Но, как ни странно, военные операции полководца Крылова очень мало обсуждаются и описываются, хотя их значимость в общей картине войны недооценить невозможно. Хотя бы тот факт, что в самом начале войны Николай Иванович, будучи начальником штаба Приморской Армии, был награждён орденом Ленина за организацию обороны Одессы – редчайший случай для того времени, когда наша Армия терпела поражения и отступала.

Пятая Армия Крылова и Одиннадцатая Армия Галицкого К.Н. первыми

вышли на границу с Германией – оба командарма получили звания Героев Советского Союза за боевые подвиги в операции «Багратион». Во время Восточно-Прусской операции, когда Гитлер направил три армии для спасения окружённых под Кёнигсбергом фашистов, Пятая Армия преградила им путь у города Хайлигенбаль (ныне Мамоново Калининградской обл.) на узкой Балтийской Косе, обеспечив успех нашим войскам, штурмующим крепость, которую Гитлер считал неприступной. Вместе с 11-й армией очищали от фашистов Земландский полуостров.

Уже много лет на Площади Василевского в Калининграде, на мемориальном комплексе, где крупными буквами перечислены все генералы, Герои СССР, участники штурма – до сих пор нет имени Николая Ивановича КРЫЛОВА! Несколько раз моряки «МАРШАЛА КРЫЛОВА» обращались в горсовет Калининграда, потом в мэрию, в Совет ветеранов с предложением увековечить имя знаменитого полководца – чиновники обещали оперативно решить вопрос, даже одну из новых улиц Калининграда собирались назвать именем Маршала Крылова, но...

Из рассказа Юрия Николаевича Крылова.

Сразу после взятия Кёнигсберга, когда войска-победители готовились к штурму Берлина, Пятая Армия была тайно погружена в эшелоны и направилась на Восток.

Зачем? Почему? Никто ничего не знал. Приказы не обсуждаются. Приказы выполняются.

В Москве, в Ставке Верховного Главнокомандующего, Николай Иванович получил подробные инструкции: его Пятая Армия должна быть на направлении главного удара. Вся информация – устно, без права передачи третьим лицам. После беседы – в путь! На Восток!

По прибытии в район дислокации Николай Иванович лично сам, вместе с группой штабных работников и командиров дивизий, полков пешком, на лошадях, на самолёте, осмотрели участок будущих действий Армии. Перед ними был хребет Большой Хинган, за которым находились Третья и Пятая армии Японии в составе Квантунской Армии.

Предстояло взять штурмом прекрасно укреплённый рубеж в короткие сроки, с минимальными потерями выйти в район города Муданьцзян и штурмом овладеть им. Согласно имевшимся данным, через хребет в нескольких местах были пробиты тоннели с хорошими дорогами. Но тоннели и перевалы были заминированы. Во всех тоннелях имелись артиллерийские точки. Пушки были на рельсах – в случае артобстрела или налёта нашей авиации они откатывались вглубь тоннеля. Закончится обстрел или налёт, пошла пехота – пушки выкатываются обратно и бьют по наступающим. Вдоль хребта был пробит тоннель, по которому японцы на «кукушках» доставляли на каждую точку боезапас и свежие силы. В случае необходимости они всегда могли взорвать всю систему обороны заранее

заложенной взрывчаткой, чтобы не пропустить советскую армию через горы.

Поняв, что стандартный план с налётом авиации, артподготовкой, штурмом «в лоб» не даст результата, Николай Иванович разработал свой план операции. Изложил его Маршалу Василевскому в личной беседе «с глазу на глаз». Маршал, внимательно выслушав, сам принять решение не смог. Но разрешил обратиться по спецсвязи к Сталину.

План состоял в следующем: штурмовать в лоб с молодым пополнением, в основном 1927 года рождения – идти на громадные потери живой силы, да и риск огромный не гарантирует успеха «с налёту».

Николай Иванович решил просить согласие Сталина отобрать по лагерям, расположенным в ближайших районах сибирской тайги, около двух тысяч осуждённых за не слишком крупные преступления – пьянки, мародёрство и прочее, сопутствующие быстрому продвижению по захваченной территории. Большинство из таких заключённых имели солидный боевой опыт, а строгость законов военного времени и даже короткое время пребывания в тюрьме достаточно встряхнули совесть у абсолютного большинства преступников. Командарм решил сформировать из них ударный батальон, вооружив этих воинов только ножами, чтобы они могли тихо, без единого выстрела, снять охрану тоннелей, не допустив их подрыва. Сразу оговаривалось, что в случае успеха всем будут выданы чистые документы, достойные получают награды, погибшим – воинские почести, как погибшим за Родину.

Сталин дал согласие, попросив только не брать политзаключённых и предателей, которые раньше добровольно переходили на сторону врага.

Василевский, выслушав подробный отчёт о разговоре со Сталиным, задумчиво спросил:

- Николай Иванович, у тебя брючный ремень достаточно крепкий?
- Конечно. А почему такой вопрос?
- Потому, что в случае провала тебе придётся искать, на чём повеситься...

Началась серьёзная проработка операции с офицерами штаба, с командирами дивизий, полков. В отдалённом районе тайги был построен макет хребта, учебный полигон. Николай Иванович поехал по ближайшим лагерям, отбирал подходящих кандидатов, обращая внимание на тех, кто раньше воевал в горах, имел навыки альпинизма, хорошо умел работать ножом. За короткий срок было отобрано больше двух тысяч человек. Всем была выдана новая форма, обувь, хорошие армейские ножи. Но почти все попросили разрешения отдавать новую обувь, ножи, ремни солдатам в обмен на ношенную, но не скрипящую обувь. Новые ножи – на самодельные, но удобные для руки, новенькие блестящие ремни на потёртые, но крепкие брезентовые.

Несколько дней подряд Николай Иванович лично отработывал с «уголовниками», как они сами себя называли, подробные действия начальной

работы, требуя скрупулёзного исполнения каждой мелочи – буквально «на брюхе» проползав все трассы, скалы и холмы. И люди ему верили – слушались беспрекословно. И, что интересно, внимательнейшая, аккуратнейшая японская разведка ничего не сумела ни заподозрить, ни разузнать ни с самолётов, ни с помощью местных жителей, многие из которых работали на японцев ещё с давних времён.

Наконец поступил долгожданный сигнал. На всех участках огромного фронта советско-японской войны началась мощная артподготовка, авиация обрабатывала заранее разведанные огневые точки врага. Только на участке, на котором должны были наступать воины Крылова, царила необычная тишина. Командование 5-й японской армии, готовое к жестоким сражениям, артобстрелу, налётам бомбардировщиков, нервничало – почему русские задерживаются с наступлением?

А в это время «уголовнички» работали ножами...

Прошло немного времени, и Николаю Ивановичу доложили, что секретная операция завершилась полным успехом – все тоннели захвачены, электропроводка к зарядам взрывчатки обрезана, и в тоннели, на перевалы можно пускать танки, артиллерию, пехоту. С нашей стороны погибли шесть человек.

Когда японские генералы опомнилось и поняли, что произошло, наши танки и пехота уже штурмовали Муданьцзян.

На всю операцию планировалось 18 суток. Но на седьмые сутки командарм Крылов рапортовал о выполнении боевого задания. Когда Маршал Василевский докладывал в Москву о текущей обстановке, Сталин спросил:

- Как дела у «Пятого»?
- Пять баллов!
- Представляйте к званию Героя!
- У него уже есть одна Звезда!
- Ничего, вторая ему не помешает!

В официальных документах успех Николая Ивановича в войне с японцами объяснялся туманно: «...в условиях проливного дождя, незаметно...». Скорее всего, историкам «не рекомендовали» писать о том, что Крылов Н.И. использовал мужество и боевой опыт «уголовничков», которые буквально вырезали ножами всю охрану тоннелей и перевалов, несколько тысяч самураев, приготовившихся драться с русскими. Все участники войны отмечали, что Сталин чётко выполнил все обещания, данные Крыловым бойцам, которым вернули звания, награды, которых уже никто не называл уголовниками – в строй вернулись воины-победители!

После войны Николай Иванович командовал Дальневосточным Военным округом. У него в подчинении находился Тихоокеанский флот, для которого он очень много сделал, лично проверяя боеготовность каждого корабля. Потом он был командующим Московского военного округа.

Во время запуска одной из ракет на космодроме «Байконур» погиб командующий Ракетных войск стратегического назначения Маршал Неделин М.И. Встал вопрос о назначении нового командующего. Министр обороны Маршал Малиновский Р.Я. предложил на эту должность кандидатуру Крылова. Кадровики принесли Министру письменное заключение, в котором говорилось: «Крылов Н.И. не имеет академического образования, нет смысла назначать его на такую высокую должность». На этой бумаге появилась жирная, красная резолюция: «Крылов в академиях не нуждается». Так Николай Иванович стал командующим самого грозного вида оружия нашей страны.

Может быть, по этой причине, поскольку должность была одной из самых секретных, фамилия Крылова редко появлялась в открытой печати. Особенно, когда он лично принимал участие в размещении наших стратегических ракет на территории Кубы во время Карибского кризиса.

На нескольких фотографиях, которые Юрий Николаевич подарил для нашего музейного уголка в 1987 году, Николай Иванович с Фиделем и Раулем Кастро в форме рядового кубинской армии. Есть фотографии с президентами разных стран на космодроме Байконур, с Брежневым и Косыгиным, с космонавтами, с известными учёными, на встречах с избирателями перед выборами в Верховный Совет СССР.

Когда нашу Родину начали уничтожать под прикрытием лозунгов «Перестройка! Гласность! Демократия!», мощнейший флот страны уничтожался, распродался, приватизировался разными лукавыми фирмами, иностранными компаниями. Не удалось избежать этих потрясений и большому автономному траулеру-заводу «МАРШАЛ КРЫЛОВ». В октябре 1993-го судно было передано в аренду компании «Фрахта и транспорта» – пошли работать в район Шетландских островов. Во время жестоких зимних ураганов там погибли три английских траулера, два танкера, рядом с нами погибли большой рыболовный траулер «Луноход» из Риги, выброшенный ураганом на скалы острова Брессей, калининградский супертраулер «Бородинское поле», погибла плавбаза «Пионерск» из Калининграда. До мая 94-го мы работали в районе Шетландских островов, потом у южных берегов Ирландии, где во время весеннего урагана в апреле 94-го был выброшен на мель большой автономный траулер из Клайпеды.

«МАРШАЛ КРЫЛОВ» сумел обойти все рифы, мели, скалы, ураганы и вернуться в родной порт с выполнением всех планов.

В порту на судно начались набеги новых временных «хозяев», которые больше заботились не о сохранении судна, ремонте и подготовке к новым рейсам, а старались что-либо стащить лично для себя. Некоторые пытались унести из судового музея уникальное охотничье ружьё, с которым Николай Иванович охотился в свободное время в окрестностях Байконура, на Кубе. Другие устраивали пьянки на судне и хотели обязательно сфотографироваться в маршальском мундире, заявляя, что теперь они хозяева всего. Когда я пытался

прекратить эту вакханалию, не разрешил новым хозяевам забирать экспонаты из судового музея, они потребовали у судовладельца – Калининградской базы «Тралфлот» заменить капитана, дав краткую, но исчерпывающую характеристику: «Не деловой!». Меня перевели капитаном на плавбазу «Яркий луч».

С большим трудом мне удалось забрать охотничье ружьё и парадный китель Маршала Советского Союза и временно спрятать в Калининградском областном историческом музее. После двухтысячного года «деловые ребята» от имени новых хозяев начали преследовать меня с требованием вернуть им ружьё и мундир Маршала Крылова, предлагая даже заплатить до ста тысяч долларов. Кто-то запустил легенду, что это ружьё перед войной было в охотничьем домике Геринга под Кёнигсбергом, что на Кубе из него стреляли и Че Гевара, и Фидель, и Рауль... За ружьём и мундиром началась настоящая охота. Понимая, что «деловые» не успокоятся, пока не добьются своего, я позвонил младшему сыну Маршала Крылова Борису Николаевичу и передал ему ценные экспонаты.

Во время войны с Японией Борис Николаевич, тогда ещё подростком, водил автомобиль-полуторку по военным дорогам, подвозил снабжение, так как водителей не хватало. Принимали участие в войне и старший сын Юрий Николаевич – водил грузовики, и дочь – Лидия Николаевна – санитаркой в госпитале.

Сейчас Борис Николаевич, окончивший Академию Связи, занимается системой спутниковой связи «Глонас».

В конце 2007 года траулер-завод «МАРШАЛ КРЫЛОВ» был продан частному предпринимателю из Литвы, который в 2008-ом провёл ремонт и модернизацию судна в порту Лас-Пальмас. Сейчас большой автономный траулер работает у побережья Африки в зонах Мавритании и Марокко. Работает успешно, но уже под флагом Белиза, а не России. И на его бортах написано: «MARSCHAL KRYLOV».

На Тихом океане есть ещё один «МАРШАЛ КРЫЛОВ». Это единственный корабль, оставшийся от когда-то огромного «Морского космического флота» СССР. Это большой научный корабль, водоизмещением 24300 тонн, длиной 211 метров, с экипажем 396 человек. Кроме этого корабля, остался из «Морского космического флота» в Калининграде «Космонавт Виктор Пацаев», но он стоит на вечном приколе у причала «Музея Океана» как экспонат. Остальные корабли этого космического флота проданы за границу, порезаны на металлолом, уничтожены, а деньги разворованы.

Корабль измерительного комплекса «МАРШАЛ КРЫЛОВ» – единственный, кто продолжает нести космическую вахту на просторах Мирового океана под флагом нашей Родины.

Людмила КРУТКИНА

СУДЬБА ВОЕННОГО МОРЯКА САВИЦКОГО, ВЫПУСКНИКА ТОВВМУ

Как и остальные выпускники Тихоокеанского высшего военно-морского училища военных и послевоенных лет, **Валентин Григорьевич Савицкий** оказался на острие многих исторических событий второй половины двадцатого века, хотя имя его стало широко известно мировой общественности только после смерти, в связи с раскрытием документов о Карибском кризисе, испытании нового оружия, новой техники. Завеса секретности в нашей стране долго скрывала лица конкретных людей, превращала их в безликую массу, которая пугала своей бесформенностью и неопределённостью весь мир. Завеса секретности позволила через много лет трактовать исторические события кому как выгодно. Это ж дело безнаказанное, потому как многие участники тех событий не дожили до гласности и не смогут сказать ни слова в своё оправдание.

Я случайно наткнулась в Интернете на британский фильм «Василий Архипов. Человек, который спас мир», сценарист и режиссёр Рик Грин, при участии российского телевидения. Фильм о Карибском кризисе 1962 года. По утверждению авторов фильма, командир советской подлодки «Б-59» Савицкий, находясь в Карибском море, будто бы услышал шум взрывающихся бомб и решил, что началась война. И будто бы в крайнем стрессовом состоянии решил запустить атомную торпеду по американским кораблям, однако присутствующий на корабле начальник штаба бригады капитан 2 ранга Архипов на правах старшего офицера отменил приказ командира. Особенно колоритен в этом фильме был герой, советский командир подлодки Савицкий. Актёр Мартин Макдугалл мастерски исполнил роль плохого парня, этакого злобного гориллоподобного мордоворота без намёка на какую-нибудь извилину в голове. В противоборстве с хорошим парнем, умным красавцем, по сценарию другим советским начальником Архиповым, который всеми силами борется за мир во всём мире, плохой парень явно проигрывал.

Я как раз работала над книгой о выпускниках ТОВВМУ первых послевоенных лет. Искала их по всей России, в том числе и в Санкт-Петербурге. Здесь я познакомилась с интересным человеком, полковником в отставке Анатолием Павловичем Маскадыней. В Петербурге он живёт-здравствует и поныне. Выпускник ТОВВМУ 1948 года, военный моряк, он не побоялся освоить новую специальность – в 60-70-е годы, в расцвет освоения космоса, командовал зенитно-ракетной бригадой на Байконуре. Рассказывая об учёбе в военно-морском училище, своей жизни и службе, Анатолий Павлович немало тёплых слов посвятил своему закадычному другу, однокурснику Валентину Григорьевичу Савицкому.

Их курсантская дружба длилась всю жизнь, пока Савицкий был жив. И другие однокурсники говорили о Савицком с нескрываемым уважением. Их курс был на редкость дружным. Ветераны встречались до 2006-го, пока были силы. Нашла я и близких людей Савицкого, вдову его и дочь, те проживают в Калининграде, где похоронен Валентин Григорьевич. Они мне любезно предоставили фотографии, отрывки из его дневников.

Британская версия образа Савицкого совсем не соответствовала портрету, сделанному на основе воспоминаний его друзей, родственников, однокурсников, сослуживцев, публикаций историков и журналистов. Застенчивый, крайне спокойный, уравновешенный человек родом из простой семьи рабочего-железнодорожника. Приятное лицо с тихой улыбкой, располагающее к общению. Не суетлив, не болтлив, в слове крепок, если пообещал, значит, обязательно выполнит. Про такого на Руси говорили: «Надёжный мужик». Выдуманный киношный герой, злодей-монстр на западный манер, совершенно не походил на оригинал.

Детство Валентин Григорьевич провёл в посёлке на станции Буря, в ста семидесяти километрах от Благовещенска, в большой и дружной семье. Отец – Григорий Иванович 1877 г. рождения. Из украинского местечка Балта Хмельницкой области. Семья была крайне бедная, потому Григорию Ивановичу пришлось уйти в город и зарабатывать самому себе на пропитание. Работал преимущественно в железнодорожных мастерских. Пытливый паренёк вырос до машиниста паровоза. Так по рельсам он и проколесил всю жизнь. Его стаж работы на железной дороге составил 36 лет. Если б не паралич в 1937-ом, работал бы и дальше. Умер он в 1948 году. А в начале двадцатого века Григорий Иванович устроился на работу в КВЖД. Китайская Восточная железная дорога соединяла тогда кратчайшим путём Байкал с Владивостоком. Проходила магистраль по китайской земле, по Маньчжурии. Официально территория с 1932 года называлась Маньчжоу-Го, так как находилась под патронатом, а скорее была оккупирована Японией. Японцы не признавали русских в Маньчжурии и старались удалить их с железной дороги. Но для Советского Союза КВЖД была жизненно необходима. Ведь железной дороги до Владивостока через Хабаровск в те годы ещё не было. Строительство БАМа неоправданно затянулось. По посёлку Буря тогда ходили всякие байки о строителях магистрали, заключённых с примитивной техникой (кайло, лопата, тачка). Лишь в особо непроходимых местах проводились взрывные работы. Позже Валентин Савицкий, проезжая поездом по равнинам и горам Дальнего Востока, Забайкалья, оглядя Байкал, любуясь великолепными пейзажами, не раз вспоминал рассказы отца об этих местах. Тот всегда удивлялся, сколько же труда нужно было положить для создания такой важной для страны артерии. Удивлялся, как у байкальского участка заключённые каменотёсы в 30-50 метрах от железнодорожного полотна высекли на скале огромный бюст Сталина, который в шестидесятые годы, годы

разоблачения культа личности вождя, был уничтожен.

Со своей будущей женой Григорий Иванович познакомился на Дальнем Востоке в начале двадцатого века. Вера Николаевна родилась в 1888 г. на Южном Сахалине, который в то время был японским. Девушка должна была ехать в Японию, в Нагасаки, но что-то случилось, и она оказалась в России. Здесь-то и встретила свою судьбу. Молодая семья отправилась в Китай, на КВЖД. Всю себя Вера Николаевна посвятила домашнему хозяйству и воспитанию детей. Семейство-то было немалое – семь сынов и три дочери (из них двое умерли в младенчестве), и всех их надо накормить, одеть, обучить.

Первенец появился у четы Савицких в 1905 году в Китае, в Харбине. Там же родились ещё два сына. Позже семья вернулась в Союз. Валентин появился в семье шестым, 12 марта 1927 года в посёлке городского типа при небольшой станции Буряя, где отец работал машинистом на дальневосточном участке железной дороги. Природа вокруг великолепная, и климат нормальный для проживания. С севера от проникновения холодных ветров посёлок закрывает горная цепь. И река Буряя рядом со своим притоком Тюкан. Дом, в котором родился и жил Валентин Григорьевич с братьями и сёстрами, был казённым, отдельная двухкомнатная квартира в одноэтажном деревянном доме. Григорий Иванович понимал – тесно и в 1937-ом затеял строительство дома с огородом в двадцать семь соток на окраине посёлка. По замыслу, дом должен быть рубленным из хороших брёвен. Но случилось так, что завезённые на участок брёвна разворовали. Пришлось строить дом из шпал. Однако закончить строительство Григорий Иванович не успел.

Немало трудностей, лишений выпало на долю детей Григория Савицкого. Особенно в первые месяцы войны. Из трудоспособного населения остались в доме только женщины и два подростка. Чтоб прокормиться, они обрабатывали свой большой огород, работали по хозяйству. Валентин много чего умел, отец научил разным премудростям: и печи перекалывал, и сено перелопачивал, и много чего приходилось делать пареньку в военное лихолетье. Но были и хорошие моменты. После работ Валентин с братом и друзьями бегал на речку купаться, рыбачить. Особенно хорошо отдыхалось, если удавалось выехать в Гомелевку. Эта деревенька живописно гляделась на местности в двадцати километрах от станции. Буряя там широко разливалась перед впадением в Амур.

Отец был постоянно в разъездах. На воспитание детей у него, конечно, не хватало времени. Детей любил, но не баловал, потому им не раз попадало от его широкого солдатского ремня. Но – за дело, ребятишки это понимали. И потому семья была дружная. Почти все дети Савицких получили средне-специальное и высшее образование.

Старший сын Савицких, Михаил, тот, что родился в Харбине в 1905-ом, был талантливым инженером. Новатор в радиотехнике и фотографии, когда эти науки только зарождались в России. Прошёл Отечественную, имел

научные труды по вопросам восстановления разрушенных во время войны железнодорожных мостов. Ещё один сын Григория и Веры Савицких, Леонид родился в районе Харбина, на станции Хантохези (КВЖД). Служил в Красной Армии, участвовал в операциях на Халхин-Голе в июле-августе 1939-го, прошёл всю Финскую войну. Воевал на Брянском, 2-м Прибалтийском, Ленинградском фронтах. В 1944 году был награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом «Красная звезда».

Брат Владимир в 1942-ом уехал во Владивосток, поступил в военно-морскую спецшколу, по окончании стал курсантом Тихоокеанского высшего военно-морского училища, позже младшего брата на один год. После окончания училища служил на морских охотниках за подводными лодками, базировавшихся в Советской Гавани. Службу продолжил на Северном флоте, но попал в 1956 году под «хрущёвское сокращение». Жил в Мурманске, ходил в море на гражданских судах морского флота.

Валентин – самый младший из Савицких. Во всём старался быть похожим на своих братьев. И военную судьбу выбрал, глядя на них. Трое из них защищали Родину, имели награды. Наверно, поэтому в 1943-м подростком-старшеклассником Валентин отправился вслед за братом во Владивосток. На подготовительный курс ТОВВМУ. За год до этого семья осиротела – умерла мать. Годы учёбы во Владивостоке пришлось на самое тяжёлое время, военное. Кроме занятий, вахт курсантам приходилось много работать на достройке корпуса училища. Присягу Валентин принимал 1 января 1944-го, и с этого дня пошла его календарная служба на флоте. И всё же годы учёбы остались в памяти, как самое лучшее, незабываемое время, потому что он и его друзья-однокашники были молоды и полны надежд на прекрасное будущее. Они и не подозревали, что впереди их ожидала другая война, Холодная, и некоторые из выпускников ТОВВМУ 1948 года либо погибли в локальных военных конфликтах, либо попали в непростые условия...

После окончания училища курсанты разъехались по новым местам службы, но будущие подводники возвратились во Владивосток для переподготовки в учебном отряде подводного плавания Тихоокеанского флота. В их числе был и Валентин Савицкий. По окончании курсов он получил назначение в 336-й отдельный дивизион подводных лодок 5-го Флота, находившийся в порту Находка (залив Америка), командиром первой боевой части подводной лодки «М-6». В 1950 году его назначили штурманом на подводную лодку «Щ-136», так называемую «щуку», потом старшим помощником. Дивизион подлодок базировался в заливе Владимира, это примерно 60-70 морских миль севернее Находки. В 1954-ом капитан-лейтенант Савицкий стал командиром этой подлодки. Пришло время обзаводиться семьёй. Он женился. Молодой супруге Нине Васильевне на ту пору было всего семнадцать. Новая жизнь начиналась с переезда на запад страны, в Баку, где находилась учебная и сдаточная база новой

подводной лодки. Уже здесь родилась дочка Виктория. Как и у всех молодых военных той поры, у Савицких начались скитания по чужим квартирам. Сначала снимали комнату у армян, потом у русских. Но денег хватало, и молодёжь радовалась жизни. После скудных военных и послевоенных лет они впервые попали в рай. Такое обилие дешёвых фруктов и вина!..

После окончания испытаний новой подлодки Савицкий должен был переправить её на Северный флот. От Баку до Астрахани своим ходом, далее в плавучем доке по Волге до Беломорска, откуда до Богом забытого, по мнению отслуживших там моряков, Северодвинска лодка снова шла своим ходом. Год Савицкий учился в Ленинграде на высших специальных курсах. Вернулся на Северный флот уже в звании капитана 3 ранга, на одну из новейших подлодок.

В 1962-ом его срочно вызвали в штаб флота и предложили командование дизельной подлодкой «Б-59». Предложение неожиданное, если учесть, что бригада лодок должна отправиться в скором времени в длительное и серьёзное плавание в неизвестное место назначения. Как сработается он в походе с экипажем, с которым не было времени познакомиться? Настораживало: почему в спешном порядке сняли прежнего командира? Вопросов много, но военному человеку раздумывать долго не положено. И капитан 2 ранга Савицкий лодку принял. Теперь его судьба крепко вплелась в нить всемирной истории.

В начале 1960-х руководители СССР были всерьёз обеспокоены начавшимся размещением американских ракетных установок вблизи советских границ, особенно в Турции, и начали искать эффективное противодействие угрожающим планам НАТО.

Такое решение было найдено. Необходимо было начать размещение ограниченного контингента советских войск и стратегических сил недалеко от американского берега, на острове Куба. Географическое положение Кубы вблизи США (около 180 км) делало её весьма привлекательной, с военной точки зрения. Первые руководители Советского Союза и Кубинской республики, Хрущёв и Кастро, решили, что лучшей защитой острова Свободы станут привезённые сюда советские ракеты. Тем более, что поводом для защиты Кубы от непрошенных гостей стала состоявшаяся высадка американского десанта в апреле 1961-го на её территории, в Плайя-Хирон. Это было началом плана «Мангуст», подписанного президентом США Кеннеди, по оккупации острова регулярными американскими войсками. В противовес этому плану советская сторона начала разработку своей операции под кодовым названием «Анадырь».

Генерал Грибов, один из основных разработчиков этой операции, в мае 1962-го определил её главную цель – скрытно доставить на Кубу советские ракеты с ядерными боеголовками, а также группу советских войск, чтобы не допустить высадки массового десанта противника на территорию острова Свободы ни с моря, ни с воздуха. Кроме того, требовалось создать условия для нормального пребывания здесь нескольких зенитно-ракетных, артиллерийских,

авиационных, морских и мотострелковых частей и несения постоянного боевого дежурства расчётами четырёхсот ядерных ракет. Даже полевой хлебозавод был предусмотрен в штатном расписании в дислокации советских войск.

Военно-Морской Флот СССР весной 1962 года начал подготовку к операции «Анадырь», засекретив её дополнительным шифром – «Кама». Для участия в операции «Кама – Анадырь» была сформирована 20-я оперативная эскадра подводных лодок, в которую включили 69-ю бригаду из четырёх дизельных торпедных подлодок 641 проекта и одну бригаду из четырёх дизельных ракетных подлодок 629 проекта с тремя баллистическими ракетами на борту каждой. Флагманским кораблём эскадры стала плавбаза подводных лодок «Д. Галкин». Согласно Директиве Министра обороны СССР (июль 1962 года) план действий советского военного флота, кроме демонстрации силы, предполагал ещё и «охрану наших транспортных судов на близлежащих к острову коммуникациях, блокирование минами военно-морской базы Гуантанамо, а также разведку в западных и восточных районах Кубы с целью выявления боевых кораблей, десантно-высадочных средств и недопущение высадки морского десанта противника».

Ночью 8 июля 1962 г. первые транспортные суда с техникой и вооружением покинули причалы СССР и отправились на Кубу. В течение полутора месяцев на остров были скрытно перевезены основные силы сухопутной группировки и ядерные боезаряды. Корабли ВМФ ещё в начале сентября они перешли в губу (бухту) Сайда на Кольском полуострове, загрузились продовольствием и ядерным боезапасом...

К началу октября 1962-го СССР перебросил на Кубу несколько зенитно-ракетных, артиллерийских, мотострелковых, авиационных и морских частей, а также около 400 ракет с ядерными боеголовками. Необычайно высокая интенсивность движения советских судов в июле-августе привлекла внимание американской разведки. Авиационные облёты советских судов стали регулярными. Один американский самолёт так низко пролетел над советским судном, что не смог выйти из пике, упал в море и затонул. А теплоходы «Ангарск», «Индибирка», «Физик Вавилов», «Ленинский комсомолец», «Советская Латвия» и другие – подверглись не только облёту самолётами морской авиации, но и перехвату американскими эсминцами. Чувствовалось и росло напряжение.

Совет Оборона СССР 25 сентября 1962 г. рассмотрел вопрос об участии военно-морского флота в операции «Анадырь». Решили отказаться от надводных кораблей и атомных подлодок, а отправить к острову Свободы только четыре дизельные торпедные подводные лодки 641 проекта «Б-4», «Б-36», «Б-59», «Б-130», которые моряки называли «Букашками», по классификации же НАТО – «Фокстроты». Хотя Хрущёву и министру обороны военные чиновники доложили, что отправлены атомные.

После инструктажа в Москве командир 69-й бригады подводных лодок

контр-адмирал Евсеев неожиданно слёг в госпиталь, и за день до выхода на операцию командиром бригады был назначен капитан 1 ранга Виталий Наумович Агафонов, начальником штаба бригады – капитан 2 ранга Василий Александрович Архипов. Командиры подводных лодок 69-й бригады: «Б-4» - капитан 2 ранга Кетов Р.А. (старший на борту Агафонов), «Б-36» - капитан 2 ранга Дубивко А.Ф., «Б-130» - капитан 2 ранга Шумков Н.А.

О подводной лодке «Б-59» разговор отдельный. Первым её командиром был капитан 2 ранга Енин. Перед началом операции «Анадырь» его неожиданно сместили, а командиром назначили капитана 2 ранга Савицкого. Так что все перипетии Карибских событий выпали на его долю. Старшим на борту «Б-59» назначили начальника штаба бригады Архипова.

К моменту выхода 69-й бригады в Карибское море там уже находилась и незаметно вела разведку дизельная подлодка «Б-75». Бригаде предстояло выполнить специальное задание правительства – совершить скрытный переход через океан и прибыть в новый пункт базирования в одной из дружественных стран. Отдельно с каждым командиром подлодки состоялась беседа. Как позже они вспоминали, им всё-таки заранее дали знать, что бригада будет развёрнута на постоянное базирование в кубинском порту Мариэль. Маршрут похода и порядок применения оружия находился в секретном пакете, который должен был быть вскрыт по сигналу, после отхода от пирса. Эти пакеты были вручены командирам за несколько часов до выхода. О стране нового базирования личному составу разрешалось сообщить только с выходом подводных лодок в Атлантический океан.

Перед самым выходом в море командиры четырёх подлодок тоже провели своё короткое совещание. Им было понятно, что скрытность потребует основную часть времени похода оставаться на глубине. Скорость при таких условиях больше десяти узлов не разовьёшь, потому в заданный район к сроку не добраться. Командиры договорились, что сначала будут нырять, миль пятьдесят идти к северу под водой, затем всплывут и полным надводным ходом пойдут до первого противолодочного рубежа НАТО.

На каждую подлодку погрузили по двадцать две торпеды, одна из которых – с атомной боеголовкой.

Лодки вышли на операцию 1 октября 1962 года из Сайды. Каждая подлодка шла в своей полосе. Никакой связи между собой не поддерживали. Когда всплывали для зарядки аккумуляторов, нередко попадали в девятибальный шторм. Тогда вахтенные офицеры и сигнальщики наверху у рубок стояли пристёгнутые пожарными поясами, чтобы не смыло в океан. Со 2-го по 5-е октября в Норвежском море лодки получили различные повреждения. У «Б-59» вышла из строя наружная захлопка газоотвода дизеля.

Четыре подлодки 69-й бригады успешно преодолели Норвежский противолодочный рубеж и Фареро-Исландский (линия противолодочной

обороны НАТО в Северной Атлантике между Гренландией, Исландией и Великобританией), а также рубеж от острова Ньюфаундленд до Азорских островов. В Саргассово море прибыли в двадцатых числах октября, в район восточнее о-ва Куба. Около Больших Антильских островов командир бригады Агафонов приказал командиру «Б-36» Дубивко максимальным ходом пройти вперёд и, пренебрегая скрытностью, разведать обстановку. Там лодку и обнаружил впервые американский эсминец и двое суток охотился за ней. Когда сели аккумуляторы, пришлось-таки всплыть для подзарядки. Но от преследования американцев лодка на некоторое время всё-таки оторвалась. Лодки проекта «641» являлись улучшенным вариантом немецких подлодок «XXI серии» времён Второй мировой войны, первых лодок, на которых была успешно реализована концепция работы дизеля под водой, дававшая лодкам возможность оставаться незамеченными на переходе и заряжать батареи примерно через каждые сорок восемь часов. При плавании под РДП (работа двигателя под водой) глубина погружения лодки составляла около одиннадцати метров, а выполненная из нержавеющей стали мачта отбора воздуха возвышалась примерно на полтора метра над спокойным морем, обеспечивая поступление воздуха к дизелям. Во время зарядки батарей для хода лодки требовалось два дизеля: один обеспечивал движение лодки, второй заряжал батареи, третий был запасным. При высокой морской волне погружённый в воду клапан, который предотвращает затопление воздухозаборника, часто закрывался. Когда такое случалось, мощные дизели яростно сосали воздух из всех отсеков лодки, создавая сильное разрежение. После этого следовал выхлоп, заставлявший экипаж кашлять на своих постах. Всасывание было настолько мощным, что глаза лезли из орбит и щелкало в ушах. У моряков в таких случаях иногда даже срывало пломбы с зубов.

Экипажи четвёрки советских подводных лодок не знали, что власти США начали готовиться к массовой блокаде острова Свободы ещё в сентябре 1962-го. Были мобилизованы сто пятьдесят тысяч резервистов, в штате Флорида началась массовая эвакуация жителей, а затем к берегам Кубы отправились четыре авианосца, более тридцати кораблей сопровождения при каждом. Это почти 85% надводных сил US-флота Атлантики. Американцы готовились к большой шумихе, они не сомневались, что русские пригонят свои подлодки. Корабли США на подходе к Кубе контролировали каждый квадратный метр, не могло быть и речи о всплытии в дневное время. Поднимались только ночью, на считанные минуты, раз по шесть-семь. Всплывая, видели прямо перед собой силуэты американских кораблей. Глотнув воздуха, снова погружались. Никак не могли толком зарядить батареи. Температура на подлодках стала перекрывать все мыслимые пределы, ведь это южные широты. К моменту прибытия подводных лодок в Карибское море американцы обнаружили размещение ракет на Кубе, и советско-американские отношения достигли критического момента. 22 октября 1962 г. началась морская блокада острова. ВМС США задействовали свыше

двухсот боевых надводных кораблей, до двухсот самолётов базовой патрульной авиации, четыре авианосные поисковые ударные группы с 50-60 самолётами на борту и кораблями охраны. Перед всей этой армадой ставилась одна задача – обнаружить и уничтожить советские подводные лодки. Для их обнаружения была задействована и стационарная гидроакустическая система подводной разведки и наблюдения «СОСУС», а также береговые средства радиоэлектронной борьбы для создания радиопомех в системе управления советских лодок. Практически на всех частотах при начале передачи информации из Москвы американцами включались передатчики помех, что приводило к задержке получения приказаний Генерального штаба ВМФ на срок от нескольких часов до суток. Таким образом, против четырёх дизельных подводных лодок 69-й бригады американские ВМС сосредоточили силы в сотни раз превосходящие советские по боевым возможностям.

Естественно, что при такой насыщенности противолодочными самолётами и кораблями ограниченного района океана вопрос обнаружения дизельных подлодок, вынужденных всплывать для зарядки аккумуляторных батарей, был вопросом времени, что вскоре и произошло. За сотни километров от побережья США их засекли проложенные по океанскому дну подводные гидрофоны американской системы целеуказания «СОСУС», о которой советское командование ничего не знало. А когда факт присутствия в Саргассовом море наших подлодок стал очевидным, деятельность противолодочных сил США ещё более активизировалась. И началось... Не то чтоб всплыть для подзарядки батарей, свежего воздуха глотнуть не давали. А без зарядки нельзя. Базовая патрульная авиация Штатов совершала до ста вылетов день. Перед ней стояла задача – гонять советские подлодки до изнеможения, заставить всплыть и не позволить подойти к острову. Противолодочным самолётам США помогали, во-первых, данные гидрофонов, во-вторых, самолёты сбрасывали радиогидроакустические буи системы «Джулли» и давали серию подводных взрывов для уточнения места цели за счёт отражения лодочным корпусом взрывной гидроакустической волны. О назначении взрывов командиры подводных лодок догадались, особенно после того, как радиоразведчики перехватили донесение самолёта с координатами обнаруженной подводной цели.

Первой была обнаружена «Б-130» 23 октября южнее Бермудских островов. Ночью в Саргассовом море лодке надо было всплыть для подзарядки батарей. Здесь её американцы засекли и стали преследовать по всем правилам боевого преследования, сбрасывая на неё гранаты и взрывпакеты, принуждая к всплытию. Командир Шумков ещё надеялся, что ускользнёт, но акустики доложили: «Один пеленг! Другой! Третий! Дистанция около восьми миль». На лодку вышел авианосец «Эссекс» с десятком эсминцев и кораблей охраны.

Командиру «Б-130» надо было срочно принимать какое-то решение. В голову лезли разные мысли. Возможно, оружие американцы сразу и не

применят, а вот ночной таран вполне может произойти. Потом выдадут за простое навигационное происшествие. Ведь ходовых огней ни с той, ни с другой стороны не включали. Подумав, командир дал приказ на срочное погружение. Едва нырнули метров на семнадцать, как над головой раздался шум винтов эсминца. До его киля метров шесть было, не больше. И – взрыв. Тут же ещё два. Это были гранаты, что на международном своде сигналов означало приказание всплыть. Но первая граната рванула прямо над лодкой, и было полное впечатление, что её атакуют глубинными бомбами. Командир решил до рассвета не всплывать. Корабли ведь прямо над ними, и ночью запросто может произойти столкновение. Решил уклониться. Так до утра и бегал самым малым – полтора-два узла, энергию экономил. Но как бы ни тянул время Шумков, после длительной погони к утру у «Б-130» вышли из строя сразу все три главных дизеля, полностью разрядились аккумуляторы, даже лампочки в отсеках едва светились. Оказались заклиненными и носовые горизонтальные рули. Для ремонта дизелей и подзарядки обесточенных батарей требовалось не менее двенадцати часов.

26 октября дали «пузырь», чтобы обозначить своё место. Но движение продолжили. Спереди, сзади, слева от лодки находились эсминцы. Ближайший оказался в пятидесяти метрах. Пытаясь остановить советскую подлодку, вертолёты опускали по курсу лодки буксируемые ГАС (гидроакустические станции для обнаружения подводной цели) и сбрасывали взрывные устройства. Зависали над мостиком и демонстративно производили киносъёмку. Эсминцы маневрировали вокруг на дистанции 20-50 метров с демонстративным наведением орудий, а при пересечении её курса сбрасывали глубинные бомбы и гидроакустические буи, поднимали флажные сигналы, кричали в мегафон, требовали застопорить ход. С эсминца «Бэрри» подводную лодку снимали на кинокамеру. Как вспоминали позже члены экипажа, они тогда головы в ограждении рубки прятали, осматривались только через иллюминаторы. Авианосец держался на горизонте, опасаясь неожиданной торпеды. Но и в таком эскорте, малым ходом, форсировано заряжая батарею, лодка настойчиво продолжала путь на Кубу. Тогда один из эсминцев развернулся, дал полный ход и пошёл на таран. В нескольких десятках метров от борта круто отвернул, и отбойная волна окатила «Букашку». Это эсминец нервы советских моряков испытывал. Дёргаться было бесполезно, поэтому сигнальщик дал американцам семафор: «Прошу прекратить хулиганские действия!» На всякий случай, если те вдруг пойдут на абордаж, нижняя вахта советской подлодки вооружилась автоматами и пистолетами. Командир попытался связаться с Москвой, но это удалось сделать только с семнадцатой попытки. Одновременно на лодке производили ремонт прямо в море. Спустя некоторое время, удалось ввести в строй один из дизелей, и лодка медленно, трёхузловым ходом, в сопровождении американских кораблей направилась курсом норд-ост, туда, где в районе Азорских островов её уже поджидало советское спасательное судно. Взяв аварийную лодку на буксир, «СС-20» повёл её через штормовую

Атлантику в Кольский залив, домой. Американцы отстали только тогда, когда убедились, что подводную лодку взяли на буксир.

Три другие лодки бригады продолжали попытку прорыва. Через несколько суток участь «Б-130» разделила «Б-36», которой командовал бывалый подводник Алексей Федосеевич Дубивко. Лодка уже вошла в пролив Кайкос, главные ворота в гряде Багамских островов, как неожиданное распоряжение Главного штаба заставило её выйти из пролива и занять позицию поодаль. Это распоряжение и повлияло отрицательно на исход дела. Лодку обнаружили американцы и устроили охоту. После двухсуточного поединка с кораблями-охотниками, разрядив батареи до нуля, «Б-36» всплыла. Эсминец «Чарльз Сесил» тотчас же по светосемафору «участливо» предложил русским помощь, в то же время орудия и торпедные аппараты эсминца были расчехлены, приготовлены к стрельбе и направлены на подводную лодку. Дубивко, поблагодарив американцев за предложение, отказался от помощи, попросил не мешать движению. Хотя отчётливо понимал, что вежливость противника напускная, и его подлодку уже не выпустят из кольца. С авианосца то и дело взлетали вертолёты, чтобы контролировать действия советских моряков. Радиоразведка уже ознакомила Алексея Федосеевича с текстом расшифрованного перехвата личного распоряжения Кеннеди командиру поисковой авианосной группы: «Всплывшую субмарину держать всеми силами и средствами».

Пока лодка находилась в надводном положении под контролем американцев, успели зарядить батареи, отремонтировать то, чего нельзя было починить под водой, и разработать манёвр отрыва. Дубивко, опытный моряк, человек хитроумный от природы, составил окончательный план действий. Главная роль в нём отводилась гидроакустикам. В нужный момент, настроившись на частоту посылок «Чарльза Сесила», они должны были забить приёмный тракт его гидролокатора своими импульсами. А пока, развернув нос лодки в направлении Кубы, Дубивко выжидал. Выжидал очередной смены воздушных конвоиров. Когда дежурная пара Sea King, «Морских королей», улетела заправляться на авианосец, а их сменщики ещё раскручивали на палубе винты, Дубивко скомандовал «срочное погружение». Никогда ещё лодки не погружались столь стремительно. Уйдя за считанные секунды на глубину, Дубивко круто изменил курс и поднырнул под флагманский эсминец. Затем спикировал на двести метров вниз и на полном ходу, описав полукруг, лёг на обратный курс, прочь от Кубы. Всё это время гидроакустики, включив излучатели на предельную мощность, слепили экраны американцев на эсминце. Так и ушла лодка, вырвалась из «клетки».

Подводная лодка «Б-4» тоже была обнаружена противолодочной авиацией, но, имея полную зарядку аккумуляторов, уклонилась от преследования и в надводное положение не всплывала. Ей вообще бы не пришлось ни от кого отрываться, если б не подставило собственное начальство. Оно назначило время всплытия подлодок на сеанс связи в самый разгар дня, когда лодку можно

увидеть с любого самолёта. А самолётов в небе – что комаров в тайге, перископа не высунешь. За пятнадцать минут до всплытия радиометрист докладывал: «Товарищ командир, сигналы самолётной РЛС (радиолокационной станции). Сигнал опасный!», то есть самолёт прямо над головой висит. Срочно нырнули на глубину 80 метров. И хотя флагманский связист протестовал, мол, сейчас по плану сборный сеанс связи с Москвой, командир Рюрик Александрович Кетов принял своё решение, из двух зол (наказание за нарушение дисциплины радиосвязи, либо за потерю скрытности) выбрал скрытность. Правда, командир бригады Агафонов поначалу тоже требовал всплыть. Командир подчинился. Но когда всплыли под перископ, лодку тут же обнаружил американский самолёт. Полетели бомбы. Обстановка серьёзная. Накануне наш радиоразведчик перехватил приказание Кеннеди своему флоту – выгнать русских подводников за шестидесятый меридиан. Командир сделал вид, будто лодка уходит за «рубеж выдворения». Лёг на курс 90, на чистый Ост – и... полный вперёд. Самолёты – за ней, через каждые пятнадцать минут сбрасывали акустические бомбы, чтоб определить, куда она движется. А лодка уверенно шла на выход из горячего района. Тогда американцы успокоились, промежутки между сериями сброса бомб выросли до тридцати минут. Тут-то командир и решил оторваться. Сразу после очередной контрольной «бомбёжки» лодка резко изменила курс и значительно ускорила ход. Однако полного хода трудно было добиться: аккумуляторы подсели. До тропической ночи дотянули на «самом малом». А когда всплыли, преследователей уже не было видно. Самолёты, судя по разрывам бомб, искали «Б-4» на выходе из района, а она находилась уже в районе Багамских о-вов.

Американские противолодочники, озверев от выходов русских подводников, всю отыгрались на третьей «поднятой» субмарине – «Б-59», где командиром был капитан 2 ранга Валентин Григорьевич Савицкий. О том, что происходило наверху, как вырывались из кольца другие подлодки, он не знал. Лишь догадывался. Знал одно – приказ надо выполнить во что бы то ни стало. Но как? Ведь лодки 641-го проекта совсем не приспособлены для работы в тропических условиях. На них отсутствовали кондиционеры воздуха для экипажа, не было системы охлаждения аккумуляторов при зарядке. Высокая влажность в отсеках, высокая солёность забортной воды, высокая температура на отдельных боевых постах гидроакустиков, электриков, мотористов приводили к выходу из строя механизмов. Снижалось также сопротивление изоляции антенных устройств, происходило засоление водяных холодильников, разгерметизация забортных отверстий и кабельных вводов. У нескольких подводников случился тепловой удар. Боцман пожаловался: «Обмороки у трёх моряков». Доктор доложил о потнице в гнойной форме у всех членов экипажа из-за того, что нечем смыть пыль и грязь. Но где её взять, воду? Не хватает даже для питья. Пришлось ограничить потребление пресной воды: всего кружку (250 граммов) в сутки на человека. Савицкий понимал, что это мизер в условиях

сильнейшего потоотделения и обезвоживания организма, но что делать в данной ситуации? Он видел измождённые лица подводников, заросшие чёрной щетиной. Сам в таком же виде. Команда дышала уже не воздухом, а аэрозолем из паров соляра, гидравлики, серной кислоты, сурьмянистого водорода и прочих аккумуляторных газов. Эта адская взвесь разъедала бронхи и лёгкие. Особенно тяжело стало на четвёртые сутки. Температура в некоторых отсеках достигла 50°, в электромоторном переваливала за 60. Вахтенные падали от обезвоживания и отравления углекислым газом, уровень которого в лодке достиг критического предела. Доктор не мог измерить температуру больных, потому что столбики термометров доползли до упора. От духоты у людей раскалывалась голова. Ещё несколько матросов упали в обморок от перегрева. Большинство перебралось в первый отсек, где чуть прохладнее. Там уже надышали так, что количество углекислоты выше всякой нормы, но никто не уходил. Некоторые прижимались к торпедам, те были чуть холоднее окружающего пространства. Но выйти на поверхность моря нельзя. За лодкой постоянно следили два эсминца. Все попытки уйти на большую глубину и оторваться ни к чему не привели. Содержание углекислоты нарастало, а запасы электроэнергии катастрофически падали. Свободные от вахт сидели, не шевелясь, уставившись в одну точку. На вахту уже ползли. Лодка шла самым малым. Электролит разрядился почти до воды. Взрывы бомб сотрясали подлодку постоянно.

- Думаешь, глубинными нас атакуют? – спрашивал Архипов у командира.

Тот засомневался. Слышал, американцы применяют взрывные источники систем обнаружения «Джули-Джезобел», взрывы которых невозможно отличить от взрывов глубинных бомб, но точно определить нельзя, так как на лодке была повреждена часть антенных устройств, приём и передача информации были сильно затруднены. Савицкий с Архиповым, посоветовавшись, наконец, решили: надо всплывать.

Не успели подняться на поверхность, как к «Б-59» стали стремительно приближаться корабли. Как назло, не отдраивался верхний рубочный люк. Внутри лодки накопилось большое избыточное давление, воздух надо сначала стравить. Едва воздух начал выходить со свистом, как центральный пост заволкло туманом. Только отдраили люк, выскочили на палубу, а эсминец уже рядом. Над головой со страшным рёвом пронёсся самолёт. Подлодка оказалась посреди поискового ордера в миле от авианосца «Рэндолф», стоявшего в охранении дюжины крейсеров, эсминцев и фрегатов (корабли охранения – «Бери», «Лоури», «Белл», «Бейч», «Бил», «Итон», «Кони», «Конузэй», «Мерей»). Американцы, будто охотники, увидев зверя в западне, оживились. Самолёты и вертолёты с «Рэндолфа» пронеслись над подводной лодкой на высоте чуть более двадцати метров. При каждом облёте производилась стрельба из авиационных пушек. На лодку спикировал палубный штурмовик «Треккер». Душераздирающий

рѐв моторов, снопы мощных прожекторов оглушили и ослепили командира и всех, кто стоял на мостике. В следующую секунду из-под крыльев самолѐта вырвались огненные трассы, которые вспороли море по курсу лодки. Не успели опасть фонтаны поднятой снарядами воды, как с правого борта пронёсся на высоте поднятого перископа второй штурмовик, подкрепив прожекторную атаку пушечной очередью по гребням волн. За ним пролетел третий «Треккер», его пушки вспороли воду вдоль борта «Б-59». Как потом подсчитали, было произведено около трёхсот выстрелов.

Посчитав, что устрашающее представление испугало русских, к лодке ринулся эсминец «Бэрри». С кормы, справа и слева, подходили ещё три корабля. Они нацелили на «Фокстрот» расчехлённые орудийные автоматы, торпедные аппараты и бомбомѐты. Намерения у них были самые серьёзные. Вот когда Савицкий искренне пожалел, что на лодке 641-го проекта перестали ставить пушки. В ружейной пирамиде второго отсека хранились лишь несколько карабинов для верхней вахты и десятков офицерских пистолетов. Если бы с эсминцев перескочили на корпус абордажные группы, нечем было достойно их встретить. И всё-таки малым ходом, ведя форсированную зарядку батареи, загнанная в кольцо русская субмарина упрямо продвигалась на запад. Весь день эсминцы-конвоиры мастерски давили на психику. Резали курс перед самым форштевнем, заходили на таранный удар и в последние мгновенья резко отворачивали, обдавая лодку клубами выхлопных газов, сбрасывали глубинные бомбы, норовя положить их в такой близости, что от гидравлических ударов в отсеках лопались лампочки и осыпалась пробковая крошка с подволока. При этом американцы чувствовали себя в полной безопасности, так как находились в «мёртвой зоне» для лодочных торпед.

«Б-59» шла в окружении эсминцев, которые перекрывали ей манѐвр по всем рубам. Но время работало на подводников – заряжались аккумуляторные батареи, очищался воздух в отсеках, команда, как могла, отмывалась, доктор накладывал антисептик на язвы. Командир тщательно выбрился. Савицкого подстраховывал начальник штаба бригады Архипов. Вдвоём они придумали оригинальный трюк. Единственное направление, которое американцы не могли преградить, это путь вниз, в глубину. Командир решил использовать это направление.

- Как думаешь, командир, клонут? - улыбнулся Архипов, по-мальчишески радуясь задумке.

- Должно сработать, - спокойно ответил Савицкий, но на душе было тревожно. Первый раз он оказался в такой переделке. Но вида подавать нельзя, вся команда смотрит на него с надеждой.

Представление для американцев было разыграно прямо как по нотам. Парочка русских матросов вытащила на кормовую надстройку подлодки два фанерных ящика. Они бестолково суетились, впихивая туда бумажные листы,

явно пытаюсь избавиться от каких-то избочличающих их документов. Для остратки появился офицер, руководивший операцией. Он размахивал руками и бегал по палубе. Подгоняемые им подводники раскачивали поочерёдно ящики и швыряли в море. Те упорно тонуть не собирались. Офицер и его подчинённые попытались закидать их какими-то банками, но прилично мазали. Злополучные ящики, подхваченные течением, всё удалялись и удалялись от субмарины. Американцы, не дураки, тотчас бросились вдогонку. Когда дистанция между эсминцем «Бэрри» и советской лодкой выросла до пяти кабельтовых (чуть меньше километра), командир «Букашки» дал приказ на срочное погружение. Заранее подготовленная к побегу подлодка в мгновение ока исчезла с поверхности моря. Уйдя на глубину в четверть километра, Савицкий приказал выстрелить из кормовых торпедных аппаратов имитаторы шумов гребных винтов, чтоб отвлечь преследователей. Пока американские акустики гадали, где истинная цель, где ложная, «Б-59» ещё раз изменила курс и глубину, а потом, дав полный ход, навсегда исчезла из поля зрения целой армады кораблей. Когда же американцы извлекли из воды ящики с «компроматом», то увидели лишь размокшие газеты «На страже Заполярья» и конспекты классиков марксизма-ленинизма, которые делал личный состав подлодки при подготовке к политзанятиям.

Ни Савицкий, ни Архипов ещё не знали, что главы СССР и США Хрущёв и Кеннеди уже договорились. А командир измученной подлодки и начальник штаба всё ещё пытались придумать пути решения невыполнимой задачи – прорваться на Кубу. Приказ ведь никто не отменял. Наконец, 27 октября получили разрешение на возвращение домой...

Высшее командование было недовольно результатами операции. Но так как выявилась ошибка в информации, Хрущёву и министру обороны сообщили об отправке на Кубу атомных, а не дизельных подводных лодок, от командиров дизельных отстали. Их вернули к месту службы. Всю информацию об операции в Карибском море засекретили на долгие годы. Ни награждать, ни наказывать не стали. Валентин Григорьевич, да и другие командиры подлодок, обиженными себя не считали. Каких-либо неудобств по службе не испытывали. Вскоре после Карибского кризиса Савицкому было присвоено звание капитана 1 ранга, и он командовал уже атомной подводной лодкой. Имел государственные награды. Получил орден Красной Звезды за освоение новой техники, нового вооружения.

Размышляя о Карибских событиях, Валентин Григорьевич думал прежде всего о любимом своём военно-морском флоте. Поход на Кубу не был безрезультатным. Военные специалисты тщательно проанализировали все детали операции и сделали выводы. По крайней мере, учтён опыт взаимодействия подлодок в отдалённом районе Мирового океана, опыт преодоления новейших средств противолодочных рубежей противника, уклонения от его преследования, определены его методы борьбы с подводными лодками. По результатам того

похода была усовершенствована система связи подлодки с командованием. В дальнейшем советские субмарины дооборудовали применительно к условиям похода в водах тропических широт.

Валентин Григорьевич отслужил на подводных лодках более 20 лет, 16 из них – командиром. В конце шестидесятых, в семидесятых годах – служил на Балтике старшим помощником оперативного дежурного флота. В семьдесят восьмом уволен в запас.

Об участии его в операции в Карибском море вспомнили только в конце 1988 года, когда всех участников тех далёких событий признали воинами-интернационалистами и наградили за мужество и воинскую доблесть, проявленную при выполнении интернационального долга, грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Валентин Григорьевич считал свою жизнь вполне удавшейся. И хотя брак с первой женой распался, ему посчастливилось встретить другую женщину, с которой он прожил счастливо часть своей непростой жизни. Встреча их состоялась в конце шестидесятых годов в Калининграде, куда по состоянию здоровья Савицкий был переведён. Нина Сергеевна заведовала здравпунктом местного политехникума. Воспитал, как родную, приёмную дочь и свою вырастил. Единственно, что его печалило, не уберёг сына от первого брака. Моряк, тот однажды не вернулся с моря, смыло штормовой волной.

Умер Валентин Григорьевич Савицкий в 1999 году. Если б дожил до 2002 года, может, и не придумали бы тогда иностранцы, с лёгкой руки бывшего сослуживца Орлова, страшную историю о попытке уничтожения мира его руками. В год 40-летия Карибского кризиса на Кубе состоялась «конференция примирения», полностью оплаченная Робертом Макнамарой, занимавшим в 1962 году пост министра обороны США. Главной сенсацией конференции стал рассказ бывшего члена экипажа советской дизельной подводной лодки «Б-59» лейтенанта Вадима Орлова. Будто бы при нём состоялся спор командира и начальника штаба бригады. Один хотел запустить торпеду с атомной боеголовкой, что стало бы причиной атомной войны, а другой уговорил его этого не делать, чем и спас мир от уничтожения. И пошло-поехало... Информацию тут же подхватили журналисты. Теперь мир узнал, кто злодей, а кто ангел. Жаль, что и в российских средствах информации тоже раздули ничем не подтверждённую историю, очернили человека. Никто не хотел заметить явные нестыковки в этой сенсации. Первое: Орлов утверждал об экспрессивности и горячности натуры Савицкого, что явно не соответствует характеристикам этого человека. Второе: все четыре командира известных всем подлодок говорили о присутствии на каждой лодке офицера 6-го отдела ракетно-технической базы (в тот раз они вышли в дальнее плавание впервые). Они не подчинялись командиру подлодки и головой отвечали за сохранность торпеды с атомной боеголовкой. Эти офицеры каждый день начинали с проверки пломбы на такой торпедой. Приказ о приведении

заряда атомной торпеды в боевое состояние, зашифрованный особым кодом, мог дать только министр обороны СССР. А кодом владели лишь офицеры секретного отдела. Самостоятельно принять решение на запуск атомной торпеды, тем более в присутствии начальника штаба бригады, тем более с ним спорить?! Савицкого после похода за такие дела сразу бы судили. Все, кто служил в те годы, хорошо знают, как жёстко соблюдались секретные предписания. А Савицкому доверили в дальнейшем атомную подводную лодку, доверяли испытывать новейшую технику, вооружение. Третье: у советских торпед дальность стрельбы не превышала пятнадцати километров. Американские авианосцы держались намного дальше. Так что смысла запускать торпеду не было. Савицкий был грамотным командиром и в таких вещах разбирался. К тому же Вадим Орлов в 1962 году был лейтенантом, командиром группы ОСНАЗ (радиоразведка) на «Б-59» и присутствовать при любом разговоре первых командиров на секретную тему однозначно не мог. Ради красного словца так очернить человека? Вряд ли и Василий Архипов, если б дожил, которому, по версии Орлова, досталась роль спасителя земного, радовался бы такой сомнительной славе. Тем более, в ущерб сослуживцу, с которым пережил немало тревожных минут, с которым вместе нашли удачный выход, как ускользнуть от преследования, и спасли подлодку, её экипаж, самих себя от позора. Жаль, что офицеры российского флота не защитили своего товарища, позволили страшилке об уничтожении Земли простым российским моряком гулять по миру и пугать доверчивых обывателей.

Поэзия и проза*Новелла МАТВЕЕВА***Маяк**

Я истинного, иссиня-седого
Не испытала моря. Не пришлось.
Мне только самый край его подола
Концами пальцев тронуть довелось.
Но с маяком холодновато-грустным
Я как прямой преемственник морей
Беседую. Да, да, я говорю с ним
От имени спасённых кораблей!
Спасибо, друг, что бурными ночами
Стоишь один, с испариной на лбу,
И, как локтями, крепкими лучами
Растаскиваешь темень, как толпу.
За то, что в час, когда приносит море
К твоим ногам случайные дары -
То рыбку в блеске мокрой мишуры,
То водоросли с длинной бахромою,
То рыжий от воды матросский нож,
То целый город раковин порожних,
Волнисто-нежных, точно крем пирожных,
То панцирь краба,- ты их не берёшь.
Напрасно кто-то, с мыслью воровскою
Петляющий по берегу в ночи,
Хотел бы твой огонь, как рот рукою,
Зажать и крикнуть: «Хватит! Замолчи!»
Ты говоришь. Огнём. Настолько внятно,
Что в мокрой тьме, в прерывистой дали,
Увидят
И услышат
И превратно
Тебя не истолкуют корабли.

* * *

Охотское море волною гремит.
Бросками – проносятся чайки.
Вулкан-великан в отдаленье дымит,
Хвалу воскуряя
Камчатке.

Бренча,
Откатилась от крупных камней
Пятнистая галька пугливо:
Во всю ширину развернулся над ней
Оскаленный гребень прилива.

Сейчас
За скалой
Закричит пароход,
Стремительный,
С белой каймою,
И, вздрогнув,
Жующий олень повернёт
Крылатую голову
К морю.

Анатолий КИМ

О своём новом романе «Радости Рая»

Циолковский больше известен в мире и России как отец космонавтики, автор и разработчик ракетных кораблей для межзвёздных путешествий. Но совсем мало известен как создатель удивительной философии. Эта философия стоит в ряду учений таких выдающихся русских натурфилософов, как Фёдоров и Вернадский. Теория монизма, учение Циолковского о живой единой вселенной, поражает воображение невероятной красотой и оптимизмом. По мысли Циолковского, причиной появления космического мироздания и всего, что прилежит к нему, в том числе и такая малость, как разумное человечество на одной крохотной планете, – причиной и целью всей эволюции *живого* Космоса является Вселенская Любовь Творца мироздания, которого Циолковский называет Высшим Разумом и который непостижим для человеческого разума. Вселенная

создана по законам небесной Любви, благодаря чему звёзды в космосе любят друг друга и бережно относятся друг к другу и, законопослушно следуя правилам гравитации, не сталкиваются, но вращаются одна возле другой в галантных орбитальных танцах. Вид звёздного неба потому столь радостен и прекрасен, что хоровод Вселенной пребывает в великом счастье вечной гармонии...

Христианский мотив был в романе тоже направлен в одну сторону – я хотел увидеть в христианстве с его главной идеей – Бог есть Любовь – связь с законом вселенской Любви. Звёзды любят друг друга – на этом стоит Вселенский Дом.

Николай ЩЕРБАКОВ

Фейерверк во льдах

*Памяти Клавдия Валериановича Ардеева,
Героя Труда СССР, капитана дальнего плавания,
лучшего промысловика Мурмана, посвящается.*

«Скорей бы в порт да снова в море». На первый взгляд шутка неуклюжая. Но тот, кому знакома морская жизнь, жизнь рыбака, знает, **о чём** речь. А если серьёзно, это, считай, формула жизни моряка. И его семьи. Горькая, прямо скажем, шутка. Ведь все береговые, хозяйственные, семейные планы моряка зависят от того, сколько **он пробудет на берегу, когда уйдёт** в следующий рейс, куда и на сколько дней или месяцев. И выстраивается цепочка ожиданий. Ожидание прихода и ожидание ухода. Между ними жизнь. Встретились друзья на берегу, первый вопрос – когда пришёл? Второй – когда уходишь? Ещё не прошла радость встречи, ещё не рассказаны друг другу все новости, глаза не привыкли к подросшим детям, а уже известна дата отхода. А что такое стоянка в порту для моряка? Это подготовка к следующему рейсу. Суета, нервотрёпка, неопределённость. Какие уж тут домашние планы. Бесконечные переносы даты отхода вымотают кого угодно. Даже семью. «Да ушёл бы ты уж скорей, что ли». А у него разгрузки, погрузки, ремонты и перешвартовки, перешвартовки.

Но вот, наконец-то. Последний раз подняты на борт швартовые концы, на борту только экипаж, граница закрыта. Причал с родными и друзьями удаляется, превращаясь в береговую черту. По Кольскому заливу пошли, как по проспекту, отмечая знакомые маяки и буи. И вот уже проплыл с правого борта вход в Тюва-Губу, слева на траверзе прощально помигал маяк Сетьнаволоок, а сопки с обоих

бортов покатались за корму. Встретила как родных пришедшая с открытого моря зыбь, качнула пароход раз, другой, положила на борт, и загремело, покатилося по палубе не закреплённое, забытое нерадивым матросом ведро. В рулевую рубку, хлопнув дверью, вошёл ненадолго покидавший её капитан и неожиданно весёлым мальчишеским голосом заявил: «Вот мы и дома!» Форменная куртка расстёгнута, узел галстука отпущен. Дохнул на рулевого свежевыпитой водкой, заглянув через его плечо на картушку гирокомпаса, удовлетворённо хмыкнул и прошёл к центральному иллюминатору. Засунул руки в карманы брюк и задумался, вглядываясь в открывающийся бескрайний горизонт. А над мачтой уже застыли, на прямом крыле скользящие вместе с судном на одном курсе пара белоснежных чаек-попучиков. Вот мы и дома.

Ивану Молчанову, третьему помощнику капитана большого морозильного рыболовного траулера «Плутон», катастрофически не везло с отпусками. Да что уж про отпуска говорить, ему и со стоянками на берегу не везло. За последние четыре года он не встретил на берегу ни одного нового года и ни одного своего дня рождения. Ни своего, ни жены Марии. Родились они оба в декабре с

разницей в три дня. Так вот все декабри за последние четыре года Иван был в море. Фатальное невезение. Такое им было сделано заключение. Ему само слово «фатальное» понравилось. Оно своей красотой и значительностью как бы оправдывало досадную ситуацию. Ну а с чем у Молчанова было всё в порядке, так это с семьёй. С женой ему повезло. Хотя, когда ему это говорили, он отвечал, что мол, неизвестно ещё кому больше повезло. Так конечно любой может сказать, но всем, кто их знал, было ясно, что пара подобралась действительно удачно. Одним словом – Иван да Марья, две половинки одного целого. Жили душа в душу. Никто, никогда не замечал, чтобы они ссорились. Никто не мог бы вспомнить, чтобы Ваня в общении с мужиками о своей подруге что плохое сказал. Это он свою Марию «подругой» называл. Кое-кому понравилось, и стали тоже своих подругами величать. Нет, не то. У Ивана это как-то душевно получалось.

Познакомились они с Машей в первые дни его пребывания в Мурманске. В «Мурмансельдь» Иван прибыл по распределению после окончания мореходки. В период учёбы он уже бывал в этих краях. Проходил здесь парусную практику. Запали в душу южного парня сопки со снежными шапками в летние месяцы, белые полярные ночи и свинцовое море. Что-то он учуял здесь настоящее, достойное мужской работы. Во всяком случае, при распределении, а учился Иван хорошо, было у него право выбора. Была у него возможность уехать работать и на Чёрное море или Балтику. А выбрал Заполярье. В этом, конечно, и романтика и юношеский максимализм, но в основном, по-видимому, судьба. Мария его здесь ждала. Ни больше, не меньше. А познакомились как? Кто-то скажет – случайно. Они считают, закономерно. Оба оказались одновременно в аэропорту Килп-Ярве. Он поехал друга в Ростов провожать, она родителей, в отпуск на юг улетающих. На обратном пути в Мурманск сели в один автобус, рядом. Он что-то спросил, она что-то ответила.

И проговорили так до позднего вечера, а вернее за полночь. Дело было летом, белая ночь им день удлинила. Как-то попытались вспомнить, восстановить в памяти тот день – как приехали, где допоздна ходили. Нет, не помнят. А вот что весь вечер не выпускали рук друг друга, это запомнили. Маше рука Ивана казалась такой большой, удобной и тёплой, что она не прочь была бы вся у него в этой руке устроиться и жить. Она даже изредка меняла руки, пристраиваясь идти с ним, то с одной, то с другой стороны. При этом не забирала своей руки, пока он не брал в свою ладонь её другую руку. Получалось это каждый раз одинаково. Она обходила его спереди, и в какой-то момент они останавливались, держась за руки и глядя друг другу в лицо. Их эта полудетская игра совсем не отвлекала от разговора.

И не скажешь, что они знакомились. У обоих было ощущение, что знают друг друга очень давно. И теперь им надо было так много рассказать друг другу о том, что было с ними, пока жили врозь. Их не удивляло, если на многие вещи у них был одинаковый взгляд. С трудом они расстались в ту первую для них белую

ночь. Целомудрия им хватило только на первую встречу. Ведь родителей не было, самолёт их давно в южные края унёс. На второй день они уже не расстались. И до отхода в море Иван практически переселился к Маше. Тянуло их друг к другу как магнитом, аж искры летели. Любовь у них была горячая, без юной стыдливости. Судьба подарила им и встречу, и уютное свободное родительское гнёздышко. И дочурка, Варенька была у них от этих первых дней и ночей. Одним словом, начали они совместную жизнь с медового месяца, пропустив положенные сроки знакомств, ухаживаний и прочей ненужной суеты.

Иван на берегу не задержался. Недели через две ушёл к Исландии на селёдку, на три месяца. В таких случаях говорят: это, мол, было их первое испытание. Ничего подобного. Им испытаний не требовалось. Испытанию, скорее, подверглась радиосвязь между берегом и промысловиком. Радиограммами они обменивались разве что не каждый день. Первые радиограммы Иван посылал обстоятельные, буквально такого содержания: «Идём район промысла тчк погода штормовая тчк ночной вахте расходились встречных курсах возвращающимся Мурманск пароходом тчк позавидовал тчк они могут скоро увидеть тебя тчк уже скучаю тчк твой Иван». Радист, старый мариман, после нескольких таких посланий, обняв за плечи Ивана, сказал: «Братишка, ты так на одних «тчк» зарплату промотаешь». Ваня поблагодарил за науку и, не уменьшив частоту посланий, сократил тексты до минимума. «Скучаю твой». На берегу Маша быстро сообразила, отчего её Ванечка стал такой сдержанный, и стала отвечать «Жду».

Перед приходом в порт радист, во время душевной беседы на мостике с Иваном, почему-то, тяжело вздохнув, пробурчал, мол, таких женщин, которые за время рейса столько раз радиовали «жду», надо на руках носить. Сам знаю, ответил Иван. Пришли в порт, и Маша в первые минуты объятий и поцелуев, оторвавшись от своего Ванечки, заявила: «Вот мы тебя и дождалась!». Ванечка простодушно спросил, мол, кто это – мы. И тут же всё понял. Потому что Маша, хоть и молчала, но глаза её так сияли, что всё стало ясно, как ясный день. «Так что же ты молчала, не радиовала?», - опешил будущий отец семейства Молчановых. «Хотела сама увидеть, как ты радоваться будешь».

К его приходу Маша сняла комнату в посёлке Роста, и они уже не расставались. Коренная мурманчанка, она жила с родителями в центре города, в хорошей квартире, а переселилась не задумываясь с Иваном в барак. Родители Машины не мешали их счастью. Не осудили за то, что до регистрации они сошлись и жили вместе, по возможности помогали, особенно, когда появилась на свет внучка. Располагал Иван к себе обстоятельностью, ранней практичностью и рассудительностью. Маша к тому времени уже училась на заочном отделении в Ленинграде. И как только стало возможным водить дочку в ясли, устроилась работать в Полярный институт океанографии и рыболовства, ПИНРО. А ещё через пару лет они получили уже свою однокомнатную квартиру в таком же

барачного типа доме.

Впереди, за сопками, сквозь морозную, розовую дымку, вставало солнце счастливого будущего в большой светлой квартире, в окружении любимых детей. Ванечка, конечно, не всегда будет в море ходить. «Полярку» и на берегу платят. Работы они оба не боятся, только б интересно было. Это для них обоих очень важно. Чтобы интересно работать было. Одним словом хотелось жить, благоустраиваться, растить детей и никогда не стареть. Вот так! И каждое лето в отпуск ездить к южному морю. Маша вот всю свою жизнь у моря прожила, в портовом городе, а ни разу в этом самом море ноги не замочила. Обидно сказать, но ведь она плавать не умела. Поэтому все их мечты о счастливом будущем, в конце концов, сводились к возможности поехать к жаркому солнцу и тёплому морю, где «море в Гаграх и пальмы в Гаграх». Где на пляжах горячие от солнца лежаки и зонтики, ледяное мороженое и холодное пиво. А вечерами в приморском парке с кружащим голову названием «Курзал» или «Ривьера» танцы под музыку настоящего оркестра. Неплохо бы джазового. «Представляешь, подружка, идём мы с тобой по парку, вокруг пальмы, олеандры цветут, народ гуляет, после дневной жары с моря прохладный ветерок веточки колыхает, и вдруг за деревьями как грянет «тара-та-та, та-ра-ра-тара-тара чуча!». Мы смотрим, а на плакате написано: «Всего один день в нашем парке играет оркестр Олега Лундстрема! Для моряков из Заполярья вход бесплатный». Марийка прикрывает глаза и «представляет». «А на следующий день, с утра, пораньше мы опять на пляж? Да, Ванечка?». «Ну конечно». Марийка принимает неотразимо-воинственную позу с прищуром и кулачками в бока. «А вот ты знаешь, чем ты меня окончательно сразил в первые дни знакомства?.. Меня сразила... твоя... в общем, когда ты трусы снимал, у тебя граница была... Ну, ты что, не понимаешь? Спина у тебя чёрная была, а попа белая». Ваня тарашит на неё глаза. «Ты загар имеешь в виду?». «Да! И что замечательно, я тоже хочу, чтобы у меня такая граница была!» Ваня хохочет, пытается разобраться, кому она эту границу показывать собирается. Маша сердится, обижается. Но мириться им не было необходимости. Достаточно было несколько секунд поглядеть друг другу в глаза, и они забывали обиды и продолжали мечтать и строить планы.

Хорошо. Планы планами, но для их реализации нужно было, во-первых, уйти в отпуск, во-вторых, летом и в-третьих, вдвоём, одновременно. А теперь попробуйте совместить эти три условия, и вы поймёте, почему они до сих пор не ушли дальше мечтаний и планов.

Ну, вот. А теперь пора рассказать, с чего, собственно, вся эта история началась. С того, что все эти три условия наконец совпали. Первые дни августа. Ванечка идёт в порт с полугодового рейса. Ещё до прихода за две-три недели он начинает радировать подружке, что договорился с капитаном о том, что тот отпускает Ивана на весь срок следующего рейса в отпуск с отгулами. Уж чего-чего, а отгулов у Ивана накопилось воз и маленькая тележка. И на юг съездят,

и Новый год с днями рождения вместе отметят. А у Машеньки каникулы в институте и отпуск на работе. Всё складывалась по наилучшему варианту. Умные люди говорят: август и сентябрь на юге, у моря – бархатный сезон. От одного названия голова кругом.

А теперь представьте себе сборы женщины перед поездкой в отпуск. В первый раз. И всё сама. Ванечка из рейса придёт – всё готово должно быть. Вещи в руки и поехали. Что драгоценное время терять. Вторая половина августа в Заполярье – уже осень. Поди, поверь, что на юге жара стоит. Спешить надо. Родители, друзья, соседи, сослуживцы Машины, все уже знают, что они с Ванечкой на «юга» собрались. Все готовы помочь, советом, делом, искренне, от души. Ей уже всё конечно рассказали: куда лучше ехать, как устраиваться, где питаться, где купаться. Кто-то принёс шапочку резиновую, чтобы волосы не мочить, кто-то «сланцы» - по горячему песку ходить. Для северян это разовые вещи, поэтому отдать другому – только порадоваться. Ивану даже ласты с маской принесли. Маша от одних этих приготовлений счастлива была. За дочку не волновалась – она с бабушкой, дедушкой оставалась. Первый раз её решили не брать с собой. Ехали ведь в неизвестное. Самим надо будет как-то освоиться, научиться отдыхать. А с дочкой ещё успеется, не последний раз.

И Иван никогда ещё не ждал прихода в порт так, как в этот раз. Жил эти дни мечтами и планами. Гром грянул среди ясного неба. За два дня до прихода, на ночной вахте, минут за двадцать до смены, в рубку зашёл капитан. Молча, ничего не спрашивая, не заглянув в штурманскую рубку, не взглянув на приборы, постоял у иллюминатора и направился к выходной двери. Взявшись за ручку, задержался, нашёл взглядом в дальнем, тёмном углу рубки Ивана и, откашлявшись, пробурчал:

- Ты это... загляни ко мне после вахты.

И ушёл. Тихо так, аккуратно за собой дверь закрыл. Надо же, заговорщик. Психолог хренов. И нехорошо, виновато как-то пробурчал. У Ивана сразу в горле ком встал, не проглотить. Что-то случилось. Не в привычках капитана, человека прямого и бесхитростного, темнить. Что случилось?.. Вот, в этом же рейсе. У матроса на берегу, где-то на Урале, мать умерла. Радист зашёл в столовую команды и без подготовки, без всякого вступления, брякнул. Мол, извини, Петя, но я с плохой новостью, мамаша твоя померла. Что ему в голову взбрело, что человеку можно вот так, на голову, такие новости сваливать. Это, по морским законам, должен был или первый помощник, помполит по береговому, или сам капитан сообщать. Ну, матрос там же в столовой с банки и сполз. Судовой врач констатировал сердечный приступ. Передали больного на базу. Там констатировали инфаркт. Полежал несколько дней на базе в санчасти, и отправили человека в порт. Такая вот «оплошность». Первое, что в голову пришло: радиограмма из дома, что-то с родителями. Отец дома побаливал, мать письмо присылала, жаловалась. Мол, не хочет батя идти анализы сдавать,

мало ли что. Может, теперь капитан осторожничает, жалеет Ивана? А вдруг с Марийкой что случилось, или с Варенькой?

И как только поднялся в штурманскую рубку сменяющий его второй штурман, Иван в двух словах объяснил ему обстановку и, пообещав вернуться, заполнить вахтенный журнал и вообще поподробнее поговорить, поспешил в каюту капитана. Постучал и, не ожидая ответа, дернул на себя ручку. Так и есть. В каюте, в креслах расположились старший и первый помощники. Сам разгуливал по каюте, что-то им втолковывая. Все трое повернулись к вошедшему и замолчали. Вот оно... Сейчас что-то сообщат. «Радостное».

- Ты садись, Ваня.

- Чего садись? Что случилось? Константин Иванович, не тяни, говори.

- Что это он? – старпом заёрзал на диване, подвигаясь к пепельнице на столе, затушил сигарету, тяжело вздохнул от проделанной работы и рассердился на Ивана. – Тебе сказали: садись? Вот и садись, слушай, что старшие скажут.

Старпом, Борис Иванович, человек тучный, на первый взгляд неповоротливый, на самом деле энергичный и подвижный как капля ртути. Но роль увальня играет старательно, по-видимому, считая, что это придаёт ему солидности. И то, что старпом рассердился, несколько сняло у Ивана напряжение и тревогу, с которыми он зашёл в каюту. Было бы что-то плохое, на него бы никто не сердился. Так он рассуждал, проходя к дивану и устраиваясь на краешке. Не хотелось в этой компании надолго задерживаться. Неуютно чувствовал себя Иван среди старшего комсостава. Ему комфортнее среди моряков на промысловой палубе. Но из головы не выходило, зачем же его так «тайнственно», за полночь к капитану в каюту вызвали. Одним словом, тревога не проходила.

- Давай, Степан Кузьмич, не поленись, повтори, как ты там излагаешь проблему. Повтори для молодого, но уважаемого нами коллеги.

Капитан, говоря это, подошёл к Ивану, положил ему на плечо руку и остался так стоять, обращаясь к помполиту.

- Хорошо. С моим удовольствием. Тем более, что я давно планирую с Иваном Григорьевичем провести собеседование по поводу его дальнейшей жизни.

Помполит пригладил и так гладко зачёсанные назад жиденькие, бесцветные волосы, отработанным движением пальца опустил на нос очки и, наклонив голову, строго посмотрел на Ивана. Он вообще всю свою деятельность на судне сопровождал этим строгим выражением лица. Делал он это искренне, убеждённый, что без его работы с экипажем за долгий рейс моральный климат коллектива может ухудшиться до критического. Что приведёт к тяжёлым для промысла последствиям. Это подлинная цитата из его заявлений. Как тут не быть строгим? Но вот Иван не понял серьёзности момента и попытался вскочить с дивана.

- Какой дальнейшей жизни? О чём вы?

Капитан удержал Ивана, а помполит даже расстроился от такого непонимания третьим помощником капитана серьёзности момента.

- Как какой? Мы с тобой разве не говорили о том, что пора тебе подумать о вступлении в партию? Не говорили? А о том, что у всей страны через каких-то полгода грандиозный юбилей, ты не в курсе? Столетие Владимира Ильича. Не в курсе? Мы здесь сидим, - обвёл руками окружающих командиров, - обсуждаем постановления партии и правительства по достойной встрече юбилея, понимаешь. Приказы по управлению обсуждаем, понимаешь, - он широким жестом указал на лежащие на столе бумаги, - а он, как мальчишка... о чём, видишь ли, мы?

Иван только сейчас увидел разбросанные по столу отпечатанные радистом бланки радиограмм.

- Ну, Степан Кузьмич, я же не думал, что эти вопросы ночью обсуждать надо. Да ещё со мной. Я-то вам зачем? Вы, - он, сделав максимально уважительное лицо, обвёл присутствующих командиров взглядом, - всё уже, я думаю, и сами правильно решили и постановили. А я, вы же меня знаете, Константин Иванович, - поднял глаза на капитана, - как пионер. Партия прикажет повесить уловы, я скажу – всегда готов.

- Ты не паясничай, Ваня, - капитан отошёл от Ивана и стал за спинкой кресла помполита. Раз мы тебя пригласили, значит, так надо. Значит, мы тебе оказываем доверие. Лови момент.

А старпом, как только заговорил помполит, обхватил голову руками, как бы закрывая уши и улучив момент, после слов капитана взмолился:

- Иванович, я тебя прошу, объясни Ивану всё человеком языком, а то он, варакоша, - кивнул на помполита, - сейчас партсобрание устроит. А потом спать пойдёт до завтрака, а мне через четыре часа на вахту. Тут же разговоров, по нормальному, на пару минут. А Кузьмич сейчас бодягу на час растянет.

Но капитан почему-то замаялся и с не свойственной ему мягкостью посмотрел на старпома. Придержал за плечи пытавшегося возмущаться Кузьмича.

- Боря, а может, ты, - надавил на «ты», - Ивану всё пояснишь? Своим, «человецким» языком?

- Ладно.

Старпом, опять ёрзая по дивану, подвинулся поближе к Ивану, положил ему руку на колено и заглянул в глаза.

- Вань, мя послушай. Ты Константина Ивановича, отца нашего родного, лучшего рыбака северных морей и океанов, уважаешь?

Иван опешил. Но не успел ничего ответить, как возмущился капитан:

- Боря! Ты чего всё в балаган превращаешь?

- Вот! Я бы вообще запретил Борису руководящие посты занимать! - хлопнул по столу помполит, - вы посмотрите, как он разговаривает с подчинёнными! И, главное, о чём? О серьёзных, можно сказать, вопросах!

Старпом даже не оглянулся, продолжая смотреть на Ивана. Только руку с выставленной ладонью в их сторону протянул.

- Ваня, то, что они возмущаются, это нормально, они правы. Вопрос действительно серьёзный. Но. Чтобы ты меня правильно, а главное быстрее понял, я с тобой по-простому, по-человецки поговорю. И у меня, любеюшко, одно условие. Чтобы этот разговор, - он обвёл руками круг, как бы окружая присутствующих, - между нами, и остался. Согласен? Это обязательное условие, понял?

Иван, уже окончательно ошарашенный и заинтригованный происходящим, с деланным негодованием кивнул. Мол, вы за кого меня принимаете?

- Так вот. В преддверии большого для страны юбилея, - старпом кивнул в сторону помполита, - там, - теперь он пальцем указал на полку, - принято решение о присвоении звания «герой труда» лучшим людям страны. И в список этих людей, как стало известно, попадает наш уважаемый Константин Иванович. Улавливаешь? И экипажу нашего доблестного, самого промыслового из всех промысловых траулеров «Плутон» доверено прийти к юбилею с высочайшими промысловыми показателями. Мы же здесь, в морях не капусту сажаем, - он слегка развёл руки и оглянулся по сторонам, - а к юбилею, это значит – следующий рейс. И мы из этого рейса как раз, аккурат, к юбилею и поспеваем. Улавливаешь?

Старпом, утомлённый длинной речью, надул щёки, выдохнул воздух и откинулся на спинку дивана. Все молчали. Иван, всё ещё не до конца понимая, что от него хотят, не сводил глаз со старпома. Ждал окончательной ясности. Тот хлопнул снова Ивана по колену и продолжил:

- А теперь главное. Высоких показателей, - он стал отмечать отдельно каждое слово ударом ребром ладони по столу, - можно добиться только слаженным коллективом. Людями, понимающими друг друга с полуслова. Такими, как наш экипаж. Нынешний. Так? Это же ясное море. Ну, скажи, чего добьётся «Плутон», если после стоянки в рейс уйдёт новый экипаж, - сделал паузу, - и тем более новые штурмана? Улавливаешь, любеюшко?

Иван кивнул, мол, само собой разумеется. И тут до него дошёл основной смысл всего происходящего. И причина его вызова на этот ночной «совет». И поведение его членов. И таинственность. Во-от оно что.

- Константин Иваныч! – взмолился он, - у нас уже билеты куплены. Марийка там на чемоданах сидит! – в голосе Ивана задрезжалось детское отчаяние, - что я ей скажу? А?

Он схватился за голову и опустил локти на колени. Что они задумали? Что они делают? Всё пропало.

Все молчали. Старпом зачиркал спичкой, прикуривая сигарету, капитан ушёл к себе в спальню. Кузьмич начал нервно собирать на столе листки радиogramм и стучать ими по столу, выравнивая углы. Молчали с минуту. Вошёл капитан и деланно строго, обращаясь как бы ко всем сразу, сказал:

- Ну, вот что. Вопрос деликатный. Никто никому здесь приказывать не имеет права. Всё это, Иван, по моей инициативе. Понимаешь? Я и им это в форме просьбы. Это они вот, - он кивнул в спину помполиту, - устроили официальщину. Так что, Ваня, решай сам. Если действительно уже ничего нельзя изменить – не меняй. Я без претензий. Я ведь почему тебя вызвал? Ты же знаешь, что вахта третьего под контролем капитана, да? Так вот с тобой я мог иной раз, что называется, спокойно спать. Парень ты серьёзный. Штурман грамотный. И рыбак, как выяснилось, - он покосился на старпома, - ну что, Боря, не так? Сам же удивлялся, что у третьего подъёмы самые большие. Это он, слышь, - присел к Ивану на спинку дивана, - когда ты в ночную вахту раз поднял трал большой, больше других. Прибежал ко мне, вот, говорит, везёт третьему. И мы к тебе на вахту тогда с ним вдвоём заглянули, помнишь? Ты нам тогда ещё пояснял, что идёшь не как все на промысле строго по изобате, а пересекаешь изобату под небольшим углом с уменьшением глубины. Мол, рыба вечером в движении, не на одной глубине. И ты её за траление где-то, но цепляешь. Помнишь? Вот так. Это говорит о том, что у тебя нутро рыбака, интуиция, - поднял палец, - я бы из такого как ты штурмана, будь моя воля, смену бы себе готовил. А так... мы, конечно, без тебя в следующем рейсе обойдёмся, но с тобой было бы лучше. Ладно.

Капитан встал и зашагал по каюте. На этот раз молчали долго. Наконец капитан хмыкнул, махнул рукой и, обращаясь к Ивану, сказал:

- Одним словом, Иван Григорьевич, я больше ничего добавить не могу и не желаю. И так много сказано. Слишком много. Кстати, то, что сказал Борис... ну, насчёт молчать, да? – он многозначительно поднял брови, - понял? Так что иди. Ты, я думаю, ещё журнал не заполнил. Давай, свободен, - бесцеремонно указал на дверь.

Ушёл Иван. Ушёл, что называется, «на автопилоте». Автоматически заполнил судовой журнал, автоматически ответил второму на вопросы о ситуации на переходе и не заметил, как оказался у себя в каюте. Не раздеваясь, лёг на койку. Свет не включал, включил только лампочку над головой. Лежал, забросив за голову руки, и страдал. Именно – страдал. Потому что придумывать, надумывать что-то не было уже ни возможности, ни необходимости. Решение само собой состоялось ещё там, в каюте капитана. После того, что тебе сказали три самых первых человека на судне, какое решение ты мог принять? После того, что они тебе выразили и доверие и уважение. Разве не так? Конечно уважение. Даже сейчас, со сдавленным от свалившегося несчастья горлом, он не мог не вспоминать приятно щекотавшие самолюбие слова капитана о его, Ивана, рыбацких достоинствах.

Эх. Всё-таки оказался Константин Иванович психологом. Да ещё каким. В нужное время похвалил. Теперь надо быть человеком. Оправдывать уважение. Ведь «Плутон» и без пафоса лучший промысловик на севере. И в этом большая

заслуга его, Константина Ивановича и, естественно, его помощников – штурманов. И один из них – он, Иван. Ну, примет он другое решение, не пойдёт в этот рейс, съездит на юг, отдохнут они с Марийкой. Заслуженно отдохнут. Но потом ведь возвращаться. Куда? На «Плутон»? Да первая, в кадрах, Магда Вениаминовна ему скажет, в глаза уколет. Мол, «ты, Иван, парень хороший, но на «Плутон» тебе проситься не стоит, там уже без тебя экипаж укомплектован». И права будет. Да и вообще, Иван, ты мужчина. Надо совершать поступки. Именно по ним, по поступкам будут о тебе судить сейчас и в будущем. Именно они, а не слова или «характеристики» будут характеризовать тебя, давая возможность людям планировать что-то, рассчитывая на тебя. С этими мыслями пришла на память ситуация, в которой он попал на «Плутон».

До этого он ходил на СРТ, средних рыболовных траулерах. А тут, во время стоянки «Плутона» в порту, ему предложили на нём подменным штурманом несколько дней поработать. Постоять береговые суточные вахты, пока основной штурман в отгулах. Иван с радостью согласился. Пора было знакомиться с большими, современными траулерами, хотя бы и на стоянке. В экипаже оказался радионавигатор знакомый, Юра Топорков. И вот сидят они днём как-то в каюте у Юры, разговаривают. И Юра, как бы между прочим, советует подумать о том, чтобы в рейс уйти на «Плутоне». А что? Чем Иван хуже других?

Дверь в каюте радистов открыта, и они через коридорчик видят каюту капитана, дверь которой тоже открыта. У капитана гости, и видно, что собираются на выход. Юра подталкивает Ивана, мол, сейчас кэп выйдет, ты к нему и подойди. Чего терять, мол? Так и сделал Иван. Как только капитан вышел из дверей, пропустив гостей, и стал вертеть ключом в замке, тут Иван и подкатился. Мол, Константин Иванович, я ваш подменный штурман, слышал, что ваш третий не собирается в рейс идти. Не возьмёте ли меня? Капитан, даже не глянув на него, повернулся и пошёл по трапу вниз. Только буркнул: «Какую мореходку кончал»? «Ростовскую», - вслед ему крикнул Иван. «Не пойдёт», - был ответ, и капитан свернул за перегородку. Потом уже, при разборке полётов, Юра вспомнил, что Константин Иванович южан не привлекает. Весь комсостав у него, и тем более штурмана, как правило, северяне, выпускники мореходок северных. Мурманские, ленинградские, архангельские. А южан он всех «торгашами» называл. Вот такое кислое начало у их знакомства было. А через несколько дней, когда Иван уже начал бомбить отдел кадров по поводу трудоустройства на приличном пароходе, ему сказали, что ему следует поговорить с капитаном «Плутона», на котором он подменным штурманом вахты стоит. И Иван с трепетом в сердце и холодком в желудке помчался на пароход. Предчувствие не подвело. Разговор был кратким, но содержательным. Встретились они с Константином Ивановичем на промысловой палубе. Тот явно уходил на берег.

- Оформляйтесь в рейс, молодой человек. В кадрах я дал согласие.
- Есть! – по военному отчеканил Иван.

После этого «есть» капитан оглянулся и, остановившись, поманил его пальцем. А когда тот подошёл, оглядел с ног до головы и сказал неожиданные, не совсем понятные слова:

- Я сейчас, молодой человек, поступок совершил. Не ты, а я. И я за этот поступок несу ответственность...

Повернулся и ушёл. А Иван тогда, хотя и не понял до конца сказанного капитаном, особенно об этом не задумывался. Последние дни перед отходом – дни хлопотные, и он окунулся в эти хлопоты с головой. И вот уже два трёхмесячных рейса и один полугодовой Иван бессменно ходит с Константином Ивановичем. Теперь уже всё ясно и с той фразой, сказанной капитаном. Ясно, как ясное море. Надо, Иван, совершать поступки.

Дальше, по приходу в порт, что было? Дальше всё без вариантов. У Ивана не хватило мужества радировать Марийке об изменении их планов. И радости встречи хватило на первые несколько минут. Потому что, сами понимаете, у Марийки вопрос о том, как они едут на юг и как она к этому подготовилась, стоял в первых рядах. Тяжело описывать немую сцену, последовавшую за первыми объяснениями Ивана. Ещё тяжелее описать дни стоянки перед уходом в следующий рейс. Если и нашлось что-то хорошее в этой стоянке, то только то, что была она необычно короткой. Их буквально вытолкнули в море. Это всё из-за тех самых планов, о которых говорили моряки в каюте капитана. Быстро, без проволочек береговое начальство решило их снабженческие вопросы, мелкий ремонт и все остальные формальности. И давайте, ребята, стране рыбку ловите. А у Ивана с Марийкой эти дни были, пожалуй, первым горьким испытанием их отношений. Не избежали тяжёлых разговоров. Иван, как мог, объяснил причины своего решения. И Марийка, редкая женщина, как будто поняла его. Был момент, он сидел за столом обедал, а она вошла, остановилась рядом и положила ему руку на голову. Замер он. Помолчали, как будто поговорили.

Марийка не пришла провожать Ивана. Не могу, сказала, видеть твоих командиров. Вот такой у неё расклад получился. Она как бы перенесла основную тяжесть своей обиды на других. Будто сняла эту часть со своего Ивана. Удивительная женщина! Конечно, то, что не пришла провожать в рейс, не прошло незамеченным. Ещё бы: они, как негласный образец, были. Как будто все понимали – там, где море, морская непростая жизнь – там должна быть хоть одна такая пара. И никто никогда их не обсуждал. Ни моряки, ни их жёны. И то, что не было её на отходе, не стало темой обсуждения. Просто все это заметили.

Иван с первого дня рейса втянулся в работу. И вёл себя так, как будто ничего не произошло. И все участники памятного разговора в каюте капитана, тоже будто забыли о разговоре. Только стали к Ивану как-то внимательнее, что ли. Особенно капитан. Частенько стал хвалить его. Раньше за ним не замечалось, чтобы он вообще кого-нибудь хвалил. А тут ещё, заглянув на вахте третьего на мостик, заговорил о том, что Иван уже перерос должность третьего

и в следующий рейс, мол, если пойдёт на «Плутоне», то уже в качестве второго помощника капитана. На мостик с ним поднялись тогда помполит и старший механик.

- Как ты на это смотришь, Иван Григорьевич? – в их присутствии спросил капитан.

Они с помполитом и дедом стояли на одном конце мостика, а Иван у крайнего иллюминатора на другом конце.

- На что? – Иван повернул голову, и по его лицу стало ясно, что не слышал он разговора. Или не слушал.

- Ты что, не слышал, о чём я говорю?

- Извините, Константин Иванович, не слышал.

- Иван, ты что? Капитан на мостике. Не дядя прохожий, а капитан. Понимаешь? Я в любой момент могу распоряжение отдать. И что? Я к твоemu уху с ним, с распоряжением бегать буду? А, Иван Григорьевич?

- Виноват, Константин Иванович. Задумался.

- И о чём, если не секрет, - неосторожно спросил капитан.

Иван выдержал небольшую паузу и, отвернувшись в стекло иллюминатора, с нескрываемой грустью в голосе выдал:

- Думал о том, как бы сейчас неплохо было лежать на пляже и потягивать пиво из холодной бутылочки.

- О даёт! – стармех хлопнул себя руками по ляжкам. – А кому бы сейчас не хотелось? Да я бы и не на пляже, я бы и здесь, сейчас не отказался от бутылочки пива. Не оригинал ты, Ваня.

И он, засмеявшись и ища понимание, глянул на капитана и помполита. А те, почему-то не отреагировав на его смех, переглянулись с одинаковым выражением на лицах. Такое выражение бывает, когда человек хочет сказать: «вот так, брат». Капитан ещё минуту помолчал, похлопал по плечу стармеха, буркнул «ну, ладно» и ушёл с мостика. За ним молча ушёл помполит. Дед, явно ничего не поняв, проследил за ними и подошёл к Ивану.

- Ваня, а чего я такого сказал?

- Да ничего вы «такого» не сказали. Не волнуйтесь. Это я сказал.

- А ты что сказал?

- Долго рассказывать. Пустяки. Сопли я распустил. Вот что.

И Иван уткнулся в резиновый тубус локатора.

Стармех ещё несколько минут постоял у иллюминатора, разглядывая рассеявшихся на планшуре чаек, оглянулся на ушедшего в штурманскую рубку Ивана и сам пошёл к выходной двери. Проходя мимо вахтенного матроса, буркнул: «Штурмана, белая кость, всё у них на намёках».

А у капитана с третьим помощником после этого случая отношения стали посуше. Если не сказать – натянутые. Говорили только о деле. Обращался капитан к Ивану по имени-отчеству. И только старпом как-то в кают-компании

во время затянувшегося разговора с Иваном о промысловых делах сделал паузу и вставил:

- Ты это, Вань. Если принял однажды решение, то не надо из себя жертву строить. Нехорошо. Никто ведь тебя не понуждал. А? – И продолжил как ни в чём не бывало разговор о делах. Стыдно Ивану, немоготу. Не выдержал, на ночной вахте подошёл к стоящему на мостике капитану и тихонько, чтобы вахтенный матрос не слышал:

- Константин Иванович, я тогда ерунду сморозил. Хотел пошутить, а получилось...

- А что получилось? – Капитан ответил в полный голос. – Что получилось, Иван Григорьевич, я не пойму, о чём ты?

На мостике темно. Лица капитана не видно. Иван совсем расстроился.

- Константин Иванович, ну зачем вы так? Вы же знаете, о чём я.

Повисла пауза. Наконец из темноты послышался голос капитана, на этот раз потише. Он понимал, что Иван стоит рядом.

- Ладно. Что мы, как девицы красные? Мы с тобой моряки, Иван. Промысловики. Давай работать. И не отвлекайся на ерунду. Подумаешь, «ты сказала, я мазала». Погода вон совсем портится. Это факт. Работай.

И ушёл.

Вот уже месяц, как в районе промысла стояла тяжёлая погодная обстановка. Промысел сайды переместился на «банки» в район Шпицбергена. Рыбка ловилась прямо у кромки льдов. Струи Гольфстрима занесли в этот район тёплую воду, а морозы подняли над морем особый «морозный» туман. Туман лежал над водой плотной пеленой, без просветов. Только верхушки мачт иногда топовым огнём мигали над плотным пирогом тумана и вновь надолго исчезали. Рыба ловилась хорошо. Поднимали полные тралы. Рыбцеа работали на полную мощность. Казалось бы, всё здорово, рыбка в трюмах, денежки в кармане. Да туман портил настроение. Просто движение в море в туман – это опасность. Локаторы включены, вперёдсмотрящие до рези в глазах в серую пелену всматриваются, гудки специальные подаются. Это на переходе, в открытом море. А здесь, на промысле группа судов на относительно небольшом пятачке, четыре-пять миль в окружности, на встречных курсах уютжат дно тралами. Рыбка-то ловится. Некогда на погоду отвлекаться. А туман такой, что суда на расстоянии меньше кабельтова еле видят яркие палубные огни друг друга. Гудок вот он, рядом, кажется, что сейчас бортами столкнутся, а вокруг непроглядная пелена. Наконец рядом проплывает мутное пятно света в радужных ореолах и слышны голоса на соседней палубе. А на мостиках обоих судов вздох облегчения – разошлись. Всё время, предшествующее этому расхождению, штурмана обоих судов договаривались на радио, на каких курсовых углах и на каком расстоянии они видят друг друга на экранах локаторов. Договаривались, как будут расходиться, куда кто будет поворачивать в случае возникновения опасности сближения и

вот – разошлись. А у каждого за кормой ещё сотни метров стальных тросов-ваеров и тралы на дне. Теперь и тралы должны разойтись, не сцепиться... Только с этим разошлись, уже по курсу на экране локатора мелькает устойчивая точка встречного следующего промысловика. И так вся вахта, четыре часа. Лови рыбку и «расходись». Расходись, но лови рыбку. Штурмана после вахты шутят, как после боя: мол, ещё день прошёл, и мы живы. И Иван в этой напряжённой работе забыл свои неприятности, отвлёкся. Рыбачил удачно, тралы не рвал, «расходился» профессионально. Завёл на промысле пару «друзей», третьих штурманов с соседних судов, с которыми обменивался информацией об обстановке на промысле. Вахту начинал с того, что выходил с ними на радиосвязь. Уходили на заранее оговорённый канал, чтобы меньше свидетелей было, и рассказывали друг другу, что, где и кто сколько поднял, у кого какие «показатели» на эхолотах были и о прочей промысловой текучке. Это помогало им быть в курсе и быстрее ориентироваться в изменяющейся промысловой обстановке. Одним словом, Иван был в гуще работы.

В этот день в беседе с коллегами по радио он услышал, что в районе промысла появился «Фритъоф Хансен». Это научное судно принадлежало полярному институту, в котором работала Маша. Мало того, на нём, «Хансене», она сейчас и была. Это случилось уже после его ухода в рейс. Она радировала ему, что сама приняла решение уйти в рейс ассистентом в рабочей группе. Маша даже сообщила ему, что идут они изучать пути миграции сельди. Иван понимал, что никто её не направлял в этот рейс. Студентка ведь ещё, практикантка. Сама, видно, напросилась. И их несостоявшаяся поездка на юг была причиной её неожиданного решения. Это очевидно. Своеобразный демарш. Мол, я тоже могу быть нужной, занятой, и вообще.

У Ивана перед глазами опять возникло лицо Марийки, когда она узнала горькую новость. Это было в его каюте. Она от неожиданности села на край его кровати и не заплакала, нет, просто на её лице отразилось такое отчаяние, что у Ивана дух захватило. А по её лицу потекли слёзы. Она молчала, а слёзы текли по щекам, губам, капали на платье. Она их не вытирала. Она их, по-видимому, не замечала.

- Ваня, как же это?.. Я так этого ждала, так надеялась. Я уже всё спланировала, приготовила. Как же это, Ваня?

- Ну, я же тебе говорю... Константин Иванович... все решили. Меня попросили.

- Он и без тебя героем станет, Ваня. Зачем тебе это?

- Машенька! Ну, пойми, ведь все решили остаться, все... понимаешь? Я же не могу...

- Ваня, а им тебя не жалко? Нас... не жалко? Ты ведь уже сколько? Года четыре? Или сколько в отпуске летом не был?

Этот разговор, и Машино отчаянное непонимание Ваниной жертвы

повторялся за короткую стоянку несколько раз. К отходу как будто успокоились, как будто Маша поняла Ивана, согласилась с ним. Но только согласилась, а не простила обиды, нанесённой не только Иваном, но всем экипажем «Плутона». А особенно комсоставом этого самого промыслового из всех промысловых промысловиков. Потому и не пришла провожать Ивана в день отхода.

И вот она рядом. В двух-трёх милях где-то в тумане. А может, в двух-трёх кабельтовых. Кто знает. Иван растерялся. Он даже не стал расспрашивать никого, где «Нансен» находится, в каком районе или квадрате промысла. Когда радиограмма от Маши пришла о том, что она в море уходит, он как-то не принял этого всерьёз. И теперь растерялся. Надо внести ясность, что была ещё одна немаловажная деталь во всей этой истории. У Маши завтра день рождения. И Иван все эти дни сочинял текст поздравительной радиограммы. Он даже не задумывался о том, на какой адрес будет отсылать радиограмму. Настолько не воспринимал он всерьёз Машин выход в море. Он был увлечён составлением текста. Он старался в относительно коротком тексте радиограммы собрать всю свою любовь, все обещания и пожелания, распивавшие его мятущуюся душу. Он хотел этой радиограммой расколоть, растопить последние льдинки в их отношениях. Через несколько дней будет его день рождения, и он бы хотел услышать теплоту её поздравления, понять, что она его услышала и простила. И вот она рядом. Это как-то меняло ситуацию. Отправлять радиограмму на судно, находящееся рядом, на расстоянии ультракоротковолновой радиосвязи, становилось нелепицей. Получалось так, что бери Ваня в руки микрофон и «здравствуй Маша, поздравляю тебя». И все находящиеся на этом канале будут слушать, как муж с женой щебечут. Пусть и молчать будут, но слышать-то все будут, весь промысел. А судов в районе действия радиостанции десятки. Вот так история! Не будь этой их размолвки, этого желания сказать ей как можно больше убедительных, тёплых, горячих, обжигающих слов, тогда другое дело. Взял бы микрофон и поздравил. Поговорили бы о ничего не значащих береговых делах – и порядок.

А радиограмма, кстати, уже лежала у радиста. Готовая к отправке в нужное время. Иван кинулся в радиорубку и, приоткрыв дверь, крикнул сидящему в наушниках радисту: «Юра, радиограмму не отправляй». И убежал на мостик. Покидать мостик в туман вахтенному штурману не следует. Через некоторое время, по-видимому, отбарабанив положенное ключом, Юра заглянул в рубку.

- Что случилось, Ваню? Придумал текст покрасивше? Давай новый. У меня через пару часов связь с берегом – отстучу. Ей завтра и вручат.

Радист на судне знает все личные секреты всей команды. Такая вот специфика. Он радиограммы отправляет, он их получает. А не читая, этого сделать невозможно. Вот к нему и идут все со своим личным. А он, по морскому закону, молчать должен. Прочитал – и забыл. И в этом случае, с Иваном, он тоже

в курсе всех проблем был. И как радист и как друг. Вот он и примчался чуть ли не с протянутой рукой: давай, мол. Надо же друга выручать. А Иван постоял перед ним, руки в карманы, покачался на носках, помолчал и буркнул:

- Мария здесь, на промысле. Слышал, в наш район «Нансен» пришёл? Она на нём.

- О, как. Про «Нансен» слышал. Их капитан сегодня в утреннем «совете капитанов» участвовал. Они здесь ещё пару дней пробудут. С какого-то борта им должны что-то передать. Синоптики обещали, что туман через день-два уйдёт, вот они и ждут.

- Я радиogramму отправлять не буду.

- Да поня-я-ятно. Чего же отправлять, если так можно, - он кивнул на висящую на переборке рацию и пошёл было уже к двери.

- Слышь, Юра. Я, пожалуй, и так не смогу.

- Так. И это понятно.

Помолчали.

- Подожди, - Юра хлопнул по плечу Ивана, - ты можешь у нас в радиорубке поговорить. У нас же свой канал есть, на котором советы проходят. Выберем время, когда он в молчанке будет, и поговоришь. Я вас свяжу. Сейчас пойду, договорюсь с их радистом. Идёт?

- Идёт, - обрадовался Иван, - только ты на такое время договорись, чтобы поменьше народа в эфире было.

- Да это моя забота. Не горюй!

Ушёл Юра. А через некоторое время в штурманскую рубку заглянул капитан. Ну, заглянул и заглянул. В такую погоду он часто заглядывает и подолгу стоит на мостике. У всех штурманов, не только у третьего. А тут прямо с порога: «А что, на промысле «Нансен» появился?». И так, как бы невзначай, на Ивана косит глазом. Иван кивнул, мол, да, появился. Чего он спрашивает? Если на совете их капитан присутствовал. Видя, что Иван несклонен эту тему развивать, капитан ушёл. Днём Юра позвал Ивана в радиорубку и пододвинул ему настольный микрофон: давай, общайся. В динамике уже потрескивало, на том конце молчали, ждали, по-видимому.

- Приём. «Плутон» на связи, - непослушным голосом сказал Иван.

- Алё, Ванечка, это я, - сквозь потрескивание послышался голосок его Маши.

И тут Ивана понесло. Он как будто забыл, что он в эфире, что рядом Юра. Он только начал с поздравления, а потом сразу, без подготовки переметнулся на то, как он её любит, как он переживает случившееся и...

- Ванечка! Спасибо, родной. Спасибо... да... буду... обязательно... я тебя тоже... Ванечка, ты извини, мне надо бежать, у меня работа. Потом поговорим. Целую.

Динамик щёлкнул, и – молчание. С лёгким потрескиванием. Иван поднял

глаза на Юру. Это что? Всё?

- Всё. Она отключилась. – Юра развёл руки в стороны. Всем своим видом он демонстрировал готовность ещё что угодно сделать, но... - Вот так.

Иван вышел из радиорубки и спустился на палубу, к своей каюте. Но в каюту не зашёл, а пошёл по коридору, ведущему на траловую палубу. Открыл тяжёлую металлическую дверь и оказался у гудящей, со свистом и пощёлкиванием вращающейся траловой лебёдки. Шла постановка трала. С хлопаньем о палубу уносились в слип тяжёлые тросы-ваера. Выходить дальше на промысловую палубу было небезопасно. И Иван остался стоять у лебёдки. Марийка, Марийка, что же ты так? Зачем ты и себе и мне сердце рвёшь? Иван задумался, глядя на убегающие в пенящуюся за кормой воду ваера. Что-то необычное привлекло его внимание. Ба! Да тумана же нет! За кормой виден был горизонт. Несмотря на полярную ночь, кромка горизонта подсвечивалась льдами и была хорошо видна. Иван по трапу взбежал на кормовой мостик, с которого вахтенные штурмана следили за спуском трала и управляли судном во время спуска и подъёма снастей. Там, лёжа животом и локтями на ограждении, стоял старпом. Покосился на подходившего Ивана и горделиво заявил:

- А я говорил! На Рождество погода наладится. Помнишь? В кают-компании, давеча? Мне ещё партайгеноссе недовольство выражал. Причём здесь Рождество, говорит? Что вы здесь, в море, ерунду религиозную мелете? Помнишь? Вот дурак старый. Не любит он меня.

Иван поёжился и стал рядом со старпомом. Одет он был в один свитер.

- Не мёрзни, зайди в рубку, - старпом подтолкнул Ивана к двери и сам

зашёл в тесноватую, в основном занятую пультом управления рубку.

- Вань. Маша на «Нансене?», да? Да чего ты дуешься?

- Что, Юрка уже растрезвонил? Борис Иванович, ты ему скажи, он радист или кто? Чего он бегаёт, трезвонит?

- Вань, да брось ты. При чём здесь радист, не радист. Можно подумать, что для кого-то это секрет. Он за тебя переживает.

- А молча переживать нельзя?

- Ладно, Вань, у тебя, я слышал, разговор с Машей не получился. Что думаешь?

- Борис Иванович, ты действительно считаешь, что я сейчас коллективно буду решать, что мне дальше делать?

- Ну почему. Решай сам. Ради Бога. Просто у меня одна мыслишка есть,

- Борис Иванович толкнул Ивана плечом и всей массой своего тучного тела, - краси-и-ивая! Улавливаешь?

- Кто красивая, мыслишка?

- Да. Она у меня родилась, как только туман рассеялся.

Иван с сомнением посмотрел на старпома. Уж очень непохож он был на сентиментального человека. Надо же, у него мыслишка родилась. И главное, по поводу чего? По поводу Ивановых проблем. Что-то не складывалось.

- Ладно, колись, Иванович.

- Колюсь. У Маши завтра день рождения?

- Да. И это все знают?

- Так, Иван. Давай исходить из того, что вокруг тебя нормальные, доброжелательные люди. Допускаешь такое?

- Ну, допускаешь. Дальше что?

- А теперь скажи мне, что ты получил на отходе, кроме положенного, от капитана порта? Что тебе ребята в «сером» в ящиках привезли. Перед самым отходом? Помнишь?

- Иванович, ну ты же сам знаешь. Списанная пиротехника. С польских БМРТ. Ты к чему это? Там у неё срок вышел. И дальше сам знаешь, что будет. В нужной точке сбросим в море и в журнал запишем. Мол, так и так, согласно акту о списании затоплено в точке с координатами и так далее.

- Иван, я в тебе разочаровываюсь. Я бы уже, мне кажется, всё понял. У Маши завтра день рождения?

- Да.

- Ты её поздравить хочешь? Хочешь? Так, чтобы на всю жизнь она это запомнила? Ведь хочешь? Мы ведь её обидели. Все. Ты думаешь, что никто этого не понимает?

Иван оторопело смотрел на старпома. Такого он не ожидал.

- Иванович, честь слово, не пойму. О чём ты?

- Слушай.

Мужики опустили головы к пульту управления, и старпом заговорщицки зашептал. Как будто их могли подслушать.

- А кэп? – Иван нерешительно отклонился.

- Это мои проблемы. Считай, что я всё это затеял. Хорошо? Если кэпа боишься.

- Борис Иванович, - Иван, расчувствовавшись, приобнял старпома, - да ничего я не боюсь.

И разошлись.

А море, сбросив с себя грязно-серую туманную перину, позвало в гости лёгкий, не по полярному мягкий ветерок, к концу дня разогнавший последние, цепляющиеся за льдины перья тумана. И всё вокруг заиграло, засверкало красками, достойными кисти Рокуэлла Кента.

Те, кто хаживал в этих широтах, знают, что полярная ночь может быть яркой и красочной. Знают, что тот, кто включает полярное сияние, превращает всё вокруг – и море, и льды, и россыпи звёзд – в декорацию к сказке о снежной королеве. И тогда звёздный купол становится бескрайним, волшебным задником сцены, за которым маг-постановщик стремительно меняет декорации, направляя на зрителей струи света и цвета. Поражая свидетелей этого представления бескрайностью своих возможностей, расширяя представление человека о мире и красоте далеко за пределы привычного пространства. Зарождая и показывая это зарождение красоты далеко в космосе, обрушивая свои красочные полотна на замирающего от восторга, не разучившегося удивляться и восхищаться человека.

Подсвеченное переливами полярного сияния море и льды засверкали изумрудными, голубыми и розовыми искрами. Лёгкий ветерок зацепил и понёс по поверхности воды белые барашки. Небольшие, пока ещё не образующие за собой пенного следа. И эти барашки и мелкие льдины, плавающие по всему пространству промысла, обозначили море с горизонтом и расстояниями. Горизонт на севере и востоке отличался более светлым небом. Это льды, подсвеченные всполохами полярного сияния, отражались в морозном небе. На севере кромка льда была совсем близко. Хорошо различалась полоса пакового льда, перед которым выделялись отдельно плавающие льдины. Море в этой части горизонта было глубоко чёрного цвета, что позволяло льдам светиться особенно ярким, искрящимся белым светом. А отдельные льдины, заплывшие в группу судов, при особо сильных вспышках сияния приобретали нереально яркие цвета, до синего и зелёного оттенков.

После напряжённой работы в тумане радиоэфир приутих, а деловые разговоры, касающиеся промысловых проблем, перемежались вдруг восторженными комментариями по поводу окружающей обстановки.

- Ты посмотри, что у тебя за кормой делается! Цветные простыни развесили в небе.

- Почему это у меня за кормой. Я это над собой вижу. И над тобой тоже. Ух, красота!

- Четыреста тридцать восьмой, аккуратнее, ты сейчас льдину красивую расколешь. Отверни. На ней вон столик ледяной. Медведи белые поставили. А ты как слон прёшь, не глядя.

С двадцати до двадцати четырёх часов – вахта третьих помощников капитана. Это время молодых моряков, недавних выпускников мореходок. И восприятие морской жизни и окружающей моряка бесконечной красоты, в какой бы части света это ни происходило, носит на себе оттенок молодости и романтизма. Море молодеет в эти часы. Молодые на вахте.

Заступив на вахту, Иван в первый же час вышел на связь с «Фритьофом Нансеном». Сделать это было нетрудно. На «Нансен» проявили активность в связи с улучшением погодной обстановки. Сейчас они шли на сближение с находящейся на промысле базой. База стояла на якоре в квадрате, где работал «Плутон». Иван быстро договорился с третьим помощником капитана научника, и они выработали согласованный план действий. По этому плану, сразу после полуночи Маша поднимется на мостик, а штурман должен будет сориентировать её на направление, где находился «Плутон».

А на «Плутоне» заговорщики приступили к реализации своего плана. Старпом помог Ивану собрать несколько человек матросов для исполнения задуманного. Разнайтовали ящики со списанной пиротехникой, распределили всех вдоль бортов, где на леерных ограждениях стояли установки для стационарного запуска сигнальных ракет. Раздали всем по несколько ракет самого разного назначения. Были здесь и парашютные, и шестизвёздные, и звуковые, и фальшвейеры. Одним словом, полный арсенал, способный создать некоторую видимость фейерверка. Ждали полуночи. За несколько минут до полуночи Иван уже заполнил журнал и сдал вахту второму помощнику. Ни капитан, ни первый помощник за всё это время на мостике не показывались. И как только часы пробили полночь, то есть наступил день рождения Маши, Иван вышел на связь с «Нансеном». Оттуда ответили сразу. Как договаривались, имена судов не назывались. Их третий помощник без предварительных разговоров заявил: «Мария стоит на левом борту, смотрит в вашу сторону, давай, что вы там задумали».

- Подожди, приятель, пусть она в рубку зайдёт, или где у вас там радиосвязь. Я ей пару слов сказать хочу, - заторопился Иван.

- Да говори, она слышит.

- Машенька, родная! Мне очень жаль, что нам и на этот раз не удалось вместе встретить на берегу твой день рождения. Жаль, что я не могу забросать тебя цветами. Поэтому...

За спиной Ивана, как из под земли вырос замполит и зашептал ему на ухо:

- Иван Григорьевич, ты скажи ей, что весь экипаж её поздравляет, что мы все, всем коллективом...

- Отстань от него. Вместе со всем коллективом, - послышался вдруг из глубины рубки голос капитана.

Иван оглянулся на голоса и замолчал. Он ничего не понял из того, что услышал, и растерялся. Он не ожидал, что капитан будет присутствовать в начале. Что будет потом, его уже не волновало. Но сейчас?

- Иван, продолжай, мы ушли. Кузьмич, а ну пошли ко мне. Дело есть.

А из динамика заговорил голос Маши.

- Ванечка, мы ведь уже говорили об этом. Всё в порядке. Не волнуйся. Работай. У нас с тобой ещё всё впереди.

А Иван, как будто и не прерывался разговор, закричал:

- Марийка, поэтому я тебе дарю вот эти цветы. Смотри!

«Смотри» - было сигнальным словом, по которому все стоящие наготове «сигнальщики» дёрнули за шнуры своих ракет. По договорённости первыми запускали шестизвёздные ракеты, поэтому над «Плутоном» расцвёл букет огней. Работали сигнальщики на полной возможной скорости. Ещё не затухали в небе над промыслом одни огни, а уже расцветали другие. В ход пошли парашютные ракеты, в небе зависли качающиеся красные огни. Загрохотали звуковые, завертелись фальшвейеры. Гроздьё огней как будто соревновались с полярным сиянием. А скорее дополняли друг друга. Эфир ожил.

- Ребята, что там происходит?

- Кто это праздник устроил? До Нового года ещё несколько дней. Кто так спешит?

- Да не новый год, моряки. День рождения это.

- У кого?

- У Маши. Вы что, не слышали?

- Вот это я понимаю!

- Маша, мы тебя поздравляем! Все.

- Присоединяемся. Машенька, будь счастлива!

И сколько гремел и сверкал огнями фейерверк, столько в эфире не прекращались поздравления. Ни одного слова осуждения или непонимания. Моряки любовались чьим-то счастьем.

- Спасибо, Ванечка. Мы этот день никогда не забудем.

На утреннем «совещании капитанов» была попытка поднять вопрос о легкомыслии и нарушении правил безопасности на судах. Голос начальника промысла спокойно прервал начинающуюся разборку.

- Я надеюсь, положенный комплект пиротехники на судне остался?

- Остался, - откашлявшись, сказал в микрофон Константин Иванович. Не называя имени траулера.

- И ладошки. Забыли. Я бы не против был, чтобы меня так с чем-либо поздравили.

И моряки заговорили о текущих делах.

Хочется верить, что ещё живы многие из тех, кто видел этот фейерверк во льдах.

Павел ТКАЧЕНКО

ЛИКИ ЯВИ

*...Между мирами и реальностями
разных измерений существуют преграды,
преодолеть которые и приобщиться
к жизни иного Мира
или реальности можно,
только получив то количество чувств
и те качества, которые такому Миру
или Реальности свойственны.*

Книга Света

Путы

Многие согласятся с тем, что для объективных знаний необходим опыт общения не только с Природой (по крайней мере, в нашем обществе). «Всё познаётся в сравнении», – говорим мы, совершенно не задумываясь о значении слова. А ведь слово «с-Ра-вне-ние» означает соотнесение чего-либо, находящегося вне первоосновы, с самой первоосновой (Ра), с истиной, которая тем ближе, чем дальше от нас правила и понятия современной жизни. И для наглядности стоит хотя бы вкратце рассказать о путешествии семилетней давности, «привязанному» к цивилизации...

В XX веке из Владивостока в европейскую часть России проще всего было добраться самолётом, но нынче, в начале третьего тысячелетия, авиация стала опасной. За годы демократии многие самолёты вылетали свой ресурс и падают на землю, как червивые яблоки, разбиваясь вдрызг вместе с пассажирами и экипажами. Новых летательных аппаратов в России, увы, кот наплакал. Не хотят делать. Не делают также тепловозы, теплоходы, автобусы... Не найти во

Владивостоке даже лыж отечественных. Перемещаться по стране скоро будет не на чем, кроме как на своих двоих. По этому поводу сразу же хочется заметить: если это чья-то злоумышленная стратегия, направленная на разобшение русских людей, то она глубоко ошибочна. Ведь наши Предки создали страну пешком во многих тяготах и лишениях и, значит, на века оставили в генах своих потомков, то есть в нас, способность к выживанию в самых неприхотливых условиях. Общественный транспорт не только изношен до дыр, но ещё иногда и взрывается, поскольку под реформами, как под дождём грибы, расплодился террористы. О том, что это за «дождь», я уже упоминал, а пока из того, что сказано, можно сделать парадоксальный вывод: путешествовать по цивилизации безопаснее всего на личном автомобиле, если он, конечно, имеется. И хотя у дальневосточников это в основном бывшие в употреблении «японки», они всё же способны (в отличие от «москвичей») доставить своих новых владельцев в любую точку России. К тому же, для такого способа путешествия появился отрадный факт. Если раньше нормальных автодорог, соединяющих Дальний Восток с остальной частью страны, практически не было, то теперь сдана в эксплуатацию федеральная автотрасса «Москва-Владивосток». Об этом доложил народу президент и даже лично принял мост через реку Бурею в наших краях. Пользуйтесь, граждане. Что ж, благодарим на добром слове. И хоть старые автомобили не застрахованы от поломок, поспешим в путь-дорогу, пока реформаторский зуд правительства не сделал эти самые дороги платными. Махнём-ка в Карелию. Говорят Природа там – ни в сказке сказать, ни пером описать...

Первый день пути сравним с обретением свободы после заточения. Будто вдруг свалились с ног невидимые кандалы, мешавшие двигаться, а за спиной неожиданно выросли крылья. Конечно, где-то в подсознании таилось беспокойство перед огромным расстоянием: шутка ли, забраться своим ходом за тридевять земель, да ещё и назад вернуться (вот она, разница между сказочной Былью космических пространств и сегодняшней Явью земных километров!), – но это беспокойство пряталось под плотным слоем сознательных ощущений и практически не влияло на хорошее настроение. Да и не могло настроение быть плохим на фоне проплывающего вдоль дороги июньского разноцветья и дуящей в приоткрытое окошко ласковой воли. Однако уже на вторые сутки, после того как скрылись за перелесками сначала Хабаровск, а затем Биробиджан, настроение мало-помалу пошло на убыль. Асфальт начал перемежаться с участками грунтовки, взметнулись ввысь тучи дорожной пыли, заслонившие от взоров красивые панорамы и покрывшие придорожную зелень уныло-серой окраской. Чтобы не глотать едкую взвесь, пришлось задраить окна, а после, когда солнце закатилось за верхушки деревьев, – долго искать подходящее место для ночлега. По заросшей лесной колее мы продрались к быстрой речке в стороне от трассы, отмылись от вездесущей пыли, а когда в ночном небе зажглись звёзды, вспомнили, что наступила купальская ночь, в которую славяне испокон веков

совершали ритуальное очищение огнём против выползающих из морока недугов. По традиции наших далёких Предков мы очистили тела и души, перелетая через яркое пламя костра и купаясь в речке, хоть и не отважились ходить по углям.

Мы знали, что в Амурской области асфальт кончится, и были готовы к встрече с ухабами и ямами. И всё же втайне надеялись, что «федералка» – это не какой-то там просёлочек, а вполне сносная дорога. Надеялись даже после того, как стали наткаться на перегонщиков, обклеивающих скотчем и картоном переднюю часть своих «новеньких» японских легковушек, дабы предохранить их от щебня, летящего из-под колёс встречных машин. Надеялись не зря. Незадолго до Буреи под колёсами неожиданно зашуршало идеальное шоссе. Наши «кони» будто с привязи сорвались, радуясь гладкому асфальту и прозрачному воздуху. Правда, мчались они всего минут десять. Сразу после солидного железобетонного моста через Бурею показался пост дорожно-патрульной службы, монументальный и сверкающий, как новая копейка. Прямо-таки оазис в пустыне. Мы уж подумали даже, что недоделанная «федералка» осталась позади, но вскоре после поста асфальт вновь сменился грунтовкой, и хоть потом мелькнул ещё при переезде шикарного моста через реку Зею и у космодрома Свободный, более не объявлялся почти до самой Читы. По-видимому, этот евростандарт у Буреи был сделан по традиции времён застоя специально для показа президенту, после которого тот объявил о сдаче федеральной трассы в эксплуатацию. Но что может полномочный резидент тайного глобального руководства? Возможности его перед мировой закулисой такие же, как у обычного приказчика перед хозяином: изъявлено желание присвоить богатства недр, значит, в первую очередь будут протянуты трубопроводы и все коммуникации, с ними связанные, создан благоприятный инвестиционный климат, а уж потом всё остальное, если до него дойдёт черёд. Решению негласного мирового правительства нельзя перечить, чтобы не лишиться благосклонности и трона и чтобы не всплыло ненароком смутное прошлое. Главное – выполнять приказы и демонстрировать свою лояльность народу...

То, что нам показалось недоделанной «федералкой», на самом деле оказалось только прелюдией к недоделанности. Очень скоро начались длительные объезды, качество которых сравнить можно разве что с полосой препятствий. На обочинах и в кюветах появились «отдыхающие». Наши джипы то, как коровы на льду, скользили по раскисшей глине, то взбирались по краям карьеров над участками, где ещё и «конь не валялся», то тряслись по острым камням величиной с кулак, чуть ли не ежедневно пробивая о них всепогодные японские шины. Весь ремонт наших машин сводился к замене колёс и остановкам у вывесок «шиномонтаж», однажды даже пришлось несколько часов ехать «на подкачке», поскольку не осталось целых запасок. На сухих участках при обгоне грузовиков часто чуть ли не вслепую плелись в плотных клубах пыли, ожидая благоприятного момента для обгона и чувствуя дискомфорт, когда из этих клубов

выныривала вдруг встречная машина. Пару раз избежать столкновения удалось лишь благодаря хорошей реакции, сопровождаемой то жаром, то холодной испариной на спине. Иногда вблизи деятельности какого-нибудь дорожно-строительного отряда мы выезжали на массивное, практически готовое полотно трассы и, мысленно налагая его на пройденное расстояние, видели, что при таком размахе строительства до его окончания пройдет немало лет.

После четырёх дней пыли и тряски асфальтированная дорога очень приятный факт. А вот западным европейцам, катящимся по своим шикарным однообразным автобанам, наверно, скучно. От скуки они утомляются, засыпают, на скорости вылетают за ограждения, врезаются друг в друга со всеми вытекающими последствиями. Не помогают им даже «стиральные доски», устроенные на дорогах специально для побудки. У нас же, если и происходят аварии, то вовсе не от скуки, а от усердия на полосе препятствий. Отсюда вывод: бдительность у нас высокая, а у объединённых европейцев – низкая. Привыкли они к мягкому климату, к комфорту. Мы же, напротив, закаляемся. В этом-то и кроется главная разгадка нашей непобедимости. Чтобы нас победить, нужно, чтобы у недоброжелателей и дороги, и жизнь стали хуже наших. Хотя нет, всё равно им будет чего-то не хватать для побед. Раскрывать секрет не буду, пусть уж сами ломают головы.

За Читой на посту дорожно-патрульной службы нас остановили для проверки документов. Убедившись в их наличии, стражи порядка вдруг предупредили нас о возможном «наезде» автомобильных вымогателей. Вы, мол, если хотите спать спокойно, ночуйте вблизи постов. Правда, один из сотрудников тут же поведал, что самые активные рэкетеры на 2004 год нейтрализованы. И на том благодарим. У нас, конечно, было чем себя защитить, но лучше обходиться без этого. А чтобы хорошо отдохнуть, ночевать нужно подальше от дороги. К тому же неизвестно, что на уме у одетых в форму советчиков. Власть нынче весьма плодотворно действует на ниве криминала. Об оборотнях ведь не только по телевизору говорят, их и в жизни хватает. Дабы не возвращаться к теме рэкета, упомяну, что в Челябинске подозрительные личности местного пошиба пытались обложить нас данью за проезд по региону, но всё дело словами и закончилось. Здесь же, на Урале, посетив одно из отделений сбербанка, мы стали свидетелями сценки, от которой возникают большие сомнения в улучшении ближайшего будущего. Потрёпанная женщина со следами бурной жизни на лице, в брюках из чёрного гипюра, сквозь который проглядывали дряблые ноги, вошла в отделение сбербанка в сопровождении двух белобрых сынишек. У старшего мальчишки лет четырёх-пяти волосы росли прямо со лба, а на затылке стояли торчком, отдалённо напоминая собачью холку. Младший же был весьма мил и мог бы служить эталоном детской красоты, если бы не затравленность во взгляде. Женщина усадила сынишек на стулья и повернулась к операционной перегородке.

– Где тут пособие на детей выдают? – громко спросила она у всех посетителей сразу. А поскольку все стояли у одного окошка, она заняла очередь и, отвесив подзатыльник старшему непоседе, уселась ждать.

– Дула! А-а-а!.. Как дам! – завопил малец, хлестнув ручонкой «воспитательницу».

– Сядь, дурак безмозглый! Видишь, брат твой сидит, и ты сядь, успокойся. А то посадят, когда вырастешь. Хотя нет, по тебе дурдом плачет. Это братца твоего посадят, он умнее.

Мальчишка перестал орать и, очевидно, возмущённый несправедливостью распределения ролей в предстоящем будущем, подошёл к брату и ударил его по лицу. – А-а-а!.. Ду-ак! А-а-а!.. – заполнил тесную комнатёнку оглушительный вой.

– Успокойте детей! – не выдержала одна из посетительниц. – Из-за криков не слышно оператора. Или выйдете с ними на улицу.

– На улице они разбегутся, а успокоить их может только могила, – парировала мамаша. Но через минуту всё же изменила тактику: – Угомонись, шантрапа! Сейчас получу деньги, куплю вам по машине.

Повисла тишина.

– Зря вы с ними так, они же совсем ещё крохи, – укоризненно сказала пожилая женщина с усталым видом.

– А как ещё? От пьяных придурков наплодилось, придурками и вырастут. – Она схватила за руку подавшегося к выходу старшего сынишку и рывком посадила на стул.

– А-а-а!.. Дула!..

Отличительной особенностью российских дорог являются не только «подарки» в виде участка асфальтированной евродороги, но и «отдарки» в виде денег. Отъём денег у водителей происходит на дорогах сплошь и рядом. Чаще всего это происходит при заправке автомобиля топливом и при незначительных нарушениях правил дорожного движения. И чем ближе к Европе, тем чаще. За двадцать восемь тысяч километров (показание спидометра по возвращению во Владивосток) сложилась довольно ясная, но неутешительная картина. Заправщики действуют обычными методами розничной торговли: либо недолив, либо подмешивание некачественного горючего. Недолив обычно обнаруживается, когда стрелка топливного бака подходит к нулю, а спидометр показывает, что пройденный километраж не соответствует расходу бензина. Впрочем, к недовесам и обчётам мы давно привыкли, и хоть это и неприятно, но поскольку обнаружить их своевременно не удаётся, то приходится с ними мириться. Гораздо хуже, когда замечаешь вдруг, что при нагрузке двигателя появляется дребезжание «пальцев» и мощности явно недостаёт. Это значит, что на последней заправке в бак влит некачественный бензин. Применительно к человеческому организму это примерно то же, что выпить прокисший компот. Каждый согласится, что

лучше уж выпить неполную кружку, чем отравленную. Против топливного мошенничества водитель практически бессилён, так как писанные законы – это филькина грамота, и связываться с ней ни у кого нет желания. «Закон одинаково бессилён и для бедных, и для богатых: для первых он недостижим, вторые его обходят», – говорил ещё в XIX веке кто-то из французских энциклопедистов. И ведь в точку попал, не зная ещё, что в России исполнительная власть в XXI веке будет существовать для прокладки нефте-газопроводов в цивилизованный мир, а уж затем следить за исполнением законов в обыденной жизни. Наглядное представление о законе, который, руководствуясь решениями закулисных персон, можно подвинуть или заменить. Ещё весомее участие власти во втором способе «законного» отъёма денег у водителей. Чтобы успешно проехать многие тысячи километров, пользуясь только светлым временем суток, нужно ехать быстро. Мы без проблем проехали Сибирь, обогнув с севера Казахстан, доехали до границы Азии с Европой, и на всём этом протяжении за превышение скорости лишь однажды (в Еврейской области) нам выписали квитанцию на небольшую сумму. О редких засадах дорожно-патрульной службы мы узнавали своевременно и обороты снижали. Но после границы между Азией и Европой ситуация изменилась. Теснее стало на дорогах, резко прибавилось число населённых пунктов, больше стало засад инспекции, а главное, засады стали значительно изощрённее.

Дурной славой у водителей пользуются патрульные службы Башкирии и Татарии, что подтвердилось на сто процентов. И потом пошло-поехало. Как мы ни старались соблюсти скоростной режим, ничего не выходило. Инспектора с радаром выскакивали в самый неподходящий момент, как черти из табакерки. А трассу от Москвы до Санкт-Петербурга, пожалуй, можно назвать золотой жилой дорожно-патрульной службы. К примеру, перед Петербургом есть четырёхполосное шоссе отличного качества, которое иначе как автострадой не назовёшь. Значит, ехать можно со скоростью сто десять километров в час. Но не тут-то было! Взмах жезла, и за нарушение скоростного режима купюры, нажитые непосильным трудом, перекочёвывают в чужой карман. Оказывается, нет знака, указывающего, что это автострада, и, значит, стрелка спидометра не должна подниматься выше цифры девяносто. Выходит, что в России автострады есть только в правилах дорожного движения. Ну и МКАД (кольцевая автострада вокруг Москвы)...

Карелию мы повидали в районе города Сортавалы. Природным ландшафтом она чем-то напоминает Восточную Сибирь в миниатюре. А главная достопримечательность южной Карелии – живописные острова северо-западной части Ладоги во главе с Валаамом, который стоит того, чтобы проехать через всю страну. Самый высокий купол валаамских церквей покрыт не золотом, а будто небесный лоскут венчает его, словно этот храм соединяет Землю и Небеса. Но ещё интереснее то, что, несмотря на христианские атрибуты, Валаам хранит Дух

намного более древний. Чем это объяснить, сказать трудно. Возможно, древней кладкой аллей или особым климатом, с резким преобладанием солнечных дней на острове по отношению к окружающей местности, но, находясь на острове, ощущаешь некое его излучение, пронизывающее и внешнее пространство, и сознание. Валаам – одно из тех мест, которое называют местом силы, и не зря находится под покровительством патриарха... Жаль, что подобные места в нашей стране не только труднодоступны, но и малоизвестны.

Раз уж оказались мы на западном краю Родины, то, имея легковой автомобиль, грех не навестить родню, укоренившуюся в этой части страны. И мы развернулись на Кубань и Украину. Тем более что после широтных расстояний нашей страны перемещение в меридиональном направлении кажется почти пустяком.

Большинство дорог в России далеки от идеала, значит, и всё рядом расположенное с ними несёт тот же отпечаток. От множества придорожных памятников жертвам аварий в европейской части России порой оставалось ощущение, что ехать приходится по неухоженному кладбищу, так как посадки и перелески вдоль шоссе при отсутствии сервиса напоминали отхожие места. Практически ничем не отличались от российских и украинские дороги, с той лишь разницей, что указатели скорости на магистралях соответствовали их назначению, и поэтому, проехав по Малой Руси свыше тысячи километров, платить штрафов «за превышение» не пришлось. Не лучшие чувства остались и от бытовых сцен, свидетелями которых мы случайно оказались в разных закоулках «Европы». В одном случае это ночной разгул хозяев придорожной парковки, в другом – нецензурная брань или откровенное недружелюбие, но особо показательна постперестроечная сценка, увиденная нами в гастрономе одного из городов Нечерноземья. Десятилетний мальчуган с чумазым лицом, в давно не стиранной одежде зорко присматривался к посетителям гастронома и периодически подходил к кассе, у которой те доставали свои кошельки. Но обращался не ко всем. Каким-то чутьём он выбирал только тех, кто не пожалеет денег. Психолог.

– Дайте, пожалуйста, на хлеб, – просил он жалобно. Если покупатель сомневался «дать – не дать», он тут же добавлял: – У меня мамка болеет. – И клиент сдавался.

Собрав дань с нескольких человек, он исчез на улице и вскоре появился в компании такого же беспризорника с синяком под глазом. Они остановились у прилавка, собираясь потратить только что обретенные капиталы.

– Давай купим сигарет, – предложил сборщик податей.

– Здесь не дадут, – с видом знатока отверг предложение «боец», – купим жрачки, а курево...

В это время в магазин ворвалась девчужка, сверстница мальчишек, такая же неухоженная. Не обращая внимания на взрослых покупателей, она возбуждённо

обратилась к одному из компаньонов: – Белый, атас! Шнобели чешут.

Все трое резво исчезли за дверью и куда-то убежали мимо стеклянной витрины, пытаясь спасти выпрошенные деньги от более сильных конкурентов.

Как известно, детскими устами глаголет истина: Русь заполняется чужаками, опасными для будущего страны. А когда встречаются сцены, подобные которой мы увидели вблизи речного пляжа, где остановились искупаться в жаркий полдень, то становится очевидным их пагубное влияние на подрастающее поколение. На остановке автобуса, расположенной в ста метрах от реки, былолюдно. Несколько человек стояли чуть в стороне от остановки и сверху поглядывали на реку, на резвящихся у воды подростков и, очевидно, сожалели, что нужно куда-то ехать, а не купаться и нежиться на солнце. Один из развлекающихся акселератов, наглотаившись пива, расхаживал по пляжу без трусов и по-конски ржал над своей выходкой, приглашая друзей принять участие в пофигизме. Потом, видимо, не удовлетворив жажды отличиться, он неторопливо направился к остановке и поднялся по насыпи. Мужики сделали вид, что ничего необычного не происходит, а женщины досадливо отвернулись, но одна (побойчее) всё-таки крикнула:

– И не стыдно тебе?

– А чё, позагорать нельзя? – прозвучало в ответ.

– Так и загорай в кустах, чего сюда выпендрился?

– Чё, голых не видали? По телеку каждый день показывают.

Не зная, что возразить, женщина замолчала.

– Закурить не будет? – обратился акселерат к пожилому мужчине.

Тот повернулся к недорослю, но вместо ответа спросил:

– Твой батя и дед тоже без трусов по улицам шастают?

– Не-е... – опешил детина.

– Ну, так не будь макакой, не позорь родню!

– Да я на минуту только, – замямлил недоумок, враз забыв о желании отличиться...

После столкновения с такими фактами, после повсеместных дорожных поборов и суеты мегаполисов чувство свободы и необъятности российских просторов, возникшее при выезде из Владивостока, постепенно заменилось ограниченностью пространства неухоженных задворок. Словно паутиной опутана «Европа», будто вытеснена из неё Душа русского народа... Тысячи километров дорог превратились в унылую полосу неприглядных явлений, напоминающих непрерывные ряды торговцев на улицах Москвы в разгар перестройки, и появилось единственное желание – быть подальше от такой неприглядности, скрыться туда, где никого нет.

Наша публицистика

Первого июля 2014 года у всех образованных здравомыслящих людей был праздник. Вступил в действие «Закон о запрете ненормативной лексики в искусстве и СМИ». Слава Богу, может быть, начнётся освобождение нашего культурного пространства от скверны. Пора показать себе и миру, что Россия – страна культуры, а не источник бескультурия и безобразия...

Геннадий Берёзов, ЛГ №27, 2014

За годы реформ из страны ушли огромные деньги – от 2 до 3 триллионов долларов. Сколько – точно не знает никто. На эти деньги можно было бы новое государство создать. А сколько из страны уехало специалистов? Сколько стоила их подготовка? Они могли бы приносить России гигантский доход. Только в США сейчас работают более 16 тысяч профессоров и докторов наук – выходцев из России. А сколько их в Германии и других странах? Все они – настоящие учёные. Некоторые не прочь вернуться. Но нет соответствующих условий для работы! Кроме того, российская наука страдает от неостребованности многих её достижений и недооценки предложений.

В 1990-е гг. рынок разрушил значительную часть отраслевой и заводской науки. Теперь настал черёд РАН. Как можно её громить, особенно в нынешних условиях? Очевидно, что закон о реформе РАН был задуман не ради улучшения положения дел в науке, а продиктован иными мотивами. Имущество РАН и самоуправление академического научного сообщества кому-то не дают покоя.

После Великой Отечественной войны именно благодаря науке страна осуществила рывок вперёд. Через 16 лет после окончания войны Юрий Гагарин полетел в космос. В значительной мере это было результатом реформы в области науки. В тяжёлые послевоенные годы было решено подарить за заслуги в достижении Победы всем действительным членам академии благоустроенные дачи под Москвой и Ленинградом. Их денежное вознаграждение увеличилось в несколько раз. Была существенно увеличена заработная плата всем учёным и педагогам, кто имел учёные степени и звания. Талантливая молодёжь устремилась в науку. Выросли выдающиеся исследователи, конструкторы, профессора университетов. Они добились крупных достижений в различных областях жизни...

Проблем очень много. Огорчительно для меня и огромное социальное расслоение общества. Наряду с коррупцией – это две главные наши болячки. Социальное расслоение оборачивается падением темпов роста ВВП, отравляет духовно-нравственный климат в обществе. Во время нашей встречи с президентом России я говорил об объективной необходимости введения прогрессивного

налогообложения и упорядочения системы заработной платы. Специалисты одной профессии получают совершенно разные деньги – в зависимости от того, где человек работает. Разница – в разы! Разве может при таких реалиях экономика нормально развиваться?..

Олег Богомолов, академик РАН (ЛГ №17 2014)

Когда говорят: «Не надо нам идеологии, это всё гадость, промывка мозгов, дайте людям думать, как они хотят» – это либо интеллигентская наивность, либо злой умысел тех, кто желает ослабить конкурентов. Чтобы жизнь улучшалась, людьми необходимо руководить – и в первую очередь в отношении их мышления. Всё, о чём думает средний, массовый человек, не придумано им самим, а сообщено ему в процессе воспитания и обучения...

Освобождённое от собственной идеологии поле немедленно занимает противник. Сегодня нам необходимо овладеть своей собственной территорией.

Татьяна Воеводина, «Свободное поле идеологии» (ЛГ №18 2014)

Когда заходит речь о современной русской литературе, неизбежно всплывают какие-то дрязги, скандалы, разоблачения. Редкий случай, когда можно поговорить о хорошем романе, о новом авторе, заявившем о себе последней книгой. Мы как-то отвыкли от того, что литература – это результат работы писателя. Для нас литература – это то, что вокруг неё. Это борьба за премии, это взаимные обвинения и оскорбления, судебные тяжбы и нечистоплотные литчиновники. Иной раз и хочется отвлечься от всего этого, поговорить исключительно о стихах, о прозе, но вот не получается. Просто потому, что это мало кого интересует...

Я далёк от того, чтобы списывать всё на падение нравов, на одичание населения и победоносное шествие поп-культуры. В городе, охваченном анархией, не может быть порядка...

Я часто ловлю себя на мысли, что сегодня стыдно признаваться в том, что являешься членом СП. За последние годы туда напринали столько безумцев и графоманов, готовых заплатить за заветную корочку, что говорить об этой структуре как о профессиональном сообществе литераторов стало невозможно...

Три года назад корреспондент НТВ Борис Соболев проделал замечательный эксперимент. Он написал при помощи компьютерной программы книжку совершенно идиотских стихов, потом нанял актёра, который изображал из себя поэта-предпринимателя. Псевдоним выбрали достаточно звучный – Борис Сивко (от «бред сивой кобылы»). С этими стихами «Борис Сивко» отправился в Московскую городскую организацию Союза писателей России, где руководство приняло его с восторгом. «Чем больше у нас состоятельных писателей, тем

нам всем будет очень хорошо», – косноязычно, но откровенно признавались писательские бонзы, находя в стихах подставного поэта «есенинскую школу» и «есенинские мотивы». Разумеется, «Сивко», оплативший скромный банкет в писательском ресторане, тут же получил и членский билет, и есенинский диплом, и одноимённый орден, вручаемый «за верное служение отечественной литературе». Передача была показана по каналу НТВ и вызвала невероятный скандал. Имя Бориса Сивко стало нарицательным, а ролик до сих пор популярен на литературных сайтах и форумах... Мы ведь все знаем, как такие «Сивко» становятся писателями. Главное – заплатить «вступительный взнос» в размере 10 тысяч рублей. А если при этом оплатить и банкет, то тебе на блюдечке поднесут и диплом, и орден. Вот одна из наиважнейших проблем! Большого унижения русская литература не знала!..

Неоднократно спрашивал я у людей, близких к руководству СП России: когда же будут пересмотрены результаты приёма в писательскую организацию за последние годы? Когда наконец избавятся от всех этих отставных военных, скучающих домохозяек, пенсионеров-долгожителей и выпускников кулинарных техникумов, накупавших себе писательских корочек и несущих свой бред в массы, отвращающих население не только от литературы, но и от чтения как такового? И каждый раз я слышал в ответ: вот будет съезд, там всё решится. Хорошо, съезд прошёл. Каковы же итоги, возвращаясь к нашей теме? Что решено на съезде и как организация, уже чуть ли не наполовину состоящая из случайных людей, будет существовать в дальнейшем? Ответов нет...

Говорят, после Освенцима поэзия невозможна. А после Союза писателей России – возможна?..

И если паролод современности, набитый под завязку новопринятыми членами, вот-вот пойдёт ко дну, то туда ему и дорога. Это и станет главным литературным итогом последних лет. А мы посмеёмся, позубоскалим, а потом, глядишь, начнём и о литературе говорить. Понемногу, не взхлёб, по чайной ложечке. Но о настоящей литературе. О той, которую Россия действительно заслуживает.

Игорь Панин, ЛГ №20 2014

23 сентября 2013 г. правительство РФ приняло Постановление № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов...». По мнению экспертов, этот документ предполагает разрешение на посев «стерильных» (т.е. неспособных на повторный урожай) ГМ-семян и создание «безбарьерной среды» для продвижения ГМ-продукции на наши столы. 1 июля с.г. постановление должно было вступить в силу. Однако под давлением общественности, за десять дней до времени «Ч», правительство всё же отложило его введение на три года...

«Прибыль прибылью, – заметили сенаторы (Союзного государства), – но

бизнес не имеет права делать из граждан подопытных кроликов».

Марина Никулина, ЛГ №26 2014

Поэзия и проза

Светлана ШКЛЯЕВА

Лит. салон «Третья Пятница»

Ожидание

Позабыв родимый стан,
У заморских дальних стран
Бороздит просторы моря
Синеглазый капитан.
Он на тесноту кают
Променил земной уют.
Для него седые волны
Колыбельные поют.
Разлучила нас вода.
С нетерпеньем жду, когда
Приведёт его обратно
Путеводная звезда.
Тёмной ночью, светлым днём
Я мечтаю об одном -
Обернуться белой чайкой
И кружить над кораблём.
Знает каждый новичок:
Если даже шторм жесток,
Вьётся чайка за кормою, -
Значит, берег недалёк.

Рожденье. Венок сонетов №1 (14 сонетов + Магистрал)

Сонет 1

Рожденье дня. Открыла окна в сад –
Цвели тюльпаны, бабочки порхали,
И, отцветая, вишни осыпали
К подножью бело-розовый наряд.
С утра светло, покойно на душе.
Мне так хотелось этого покоя,
Чтоб – вешний сад да небо голубое,
Да ласточки в безумном вираже.
Я каждый год с надеждой жду весны.
На что надеюсь, и сама не знаю.
Что Бог пошлёт – смиренно принимаю.
Весной и сны, и помыслы ясны.
Вновь примеряешь светлые одежды,
Мечтая о любви прекрасной, нежной.

Сонет 2

Мечтая о любви прекрасной, нежной –
Припомнила, как много лет назад
Спешила на свиданье в вешний сад
Девчонкой юной в платье белоснежном.
И по ночам, когда густеют тени,
Мне иногда является во сне –
Воспоминаньем о былой весне –
Мой юный принц с букетиком сирени.
Когда тебе всего шестнадцать лет –
Нет опыта и жизнь легка, приятна,
И хочется всем верить безоглядно.
Но трудно повиниться на весь свет,
Что обожглась, вкусив Любви грешной.
О, счастье далеко не безмятежно!

Сонет 3

О, счастье далеко не безмятежно!
Оно, как легкомысленный привет –
Одно мгновенье – и его уж нет,
Как ласточка – метнулась и исчезла.
Но я не паникую, как когда-то.
Шального счастья и не надо мне. –
Заплатишь за него вдвойне, втройне –
Уж слишком непомерная расплата.
Раскладывая судьбы, как пасьянс,
В мифическом обличии жар-птицы,
Оно – среди нас, заглядывает в лица.
И тот, кто от шального счастья пьян,
Не ведает, что потребляет яд.
Обман познала много лет назад.

Сонет 4

Обман познала много лет назад.
Рвалась душа, обидой истекая.
К лицу полынь клонилась луговая,
Заглядывая жалостно в глаза.
Разверзлись надо мною небеса.
От грохота ослепла и оглохла,
И платье белоснежное намокло –
Рыдала над моей бедой гроза.
Когда разбито сердце, то душа,
Как знойная, безводная пустыня:
Ни кустика, ни живности – пустынна.
Жизнь без любви не стоит и гроша –
Так думали тогда, познав паденье.
Себя в себе – есть суть преодоления.

Сонет 5

Себя в себе – есть суть преодоления.
Училась снова верить и любить,

И чашу жизни до конца испить,
Пусть горького, но всё же – откровенья.
Всему своё на свете назначенье.
И от болезни есть какой-то прок,
И опыт, как заученный урок,
Всегда поможет в трудные мгновенья.
Пока из детских вылезешь штанишек,
Набьёшь немало синяков и шишек.
Наука жить даётся нелегко.
С благословенья утренней Авроры,
Покинувши небесные просторы,
Опустишься на землю с облаков.

Сонет 6

Опустишься на землю с облаков –
Вишнёвый сад, весенний день чудесный,
И звонко птицы распевают песни,
Не ведая связующих оков –
Свободные, как мысли, как желанья,
Весёлым щебетаньем по весне
Они отогревают душу мне –
Безгрешные Господние созданья.
Хоть жизнь полна лишений и страданий,
Не проклиная всё же день и час,
Когда Господь создать надумал нас.
И истину мы познаём с годами,
Что мир от сотворения суров –
Ни манны, ни кисельных берегов.

Сонет 7

Ни манны, ни кисельных берегов.
Да, жизнь не означает вечный праздник,
И будни плодотворнее гораздо,
И проза приземлённее стихов.
Примеров привести могу немало.

И кто возьмётся это отрицать,
Что набело всю жизнь переписать
Кому-нибудь навряд ли удавалось.
И даже много, много лет спустя
Своё неблагодарное дитя
Мать ни за что любить не перестанет. –
Вот потому хранит любовно память:
Цветы и камни, взлёты и паденья.
Для возрожденья – надобно терпенье.

Сонет 8

Для возрожденья – надобно терпенье,
Чтоб там, где только тлеет уголёк –
Суметь разжечь любовный костерок
До жаркого и страстного горенья.
Но есть любовь другая, как во сне –
Притягивает словно тёмный омут.
Не дай мне Бог и никому другому
Замешкаться – окажешься на дне.
Где три столпа – основа всех основ:
Надежда, вера в счастье и любовь –
Лишь в той душе гармония родится.
И светоч триединства тех столпов
Растопит залежи душевных льдов.
Любовь с весной, как Феникс, возродится.

Сонет 9

Любовь с весной, как Феникс, возродится. –
Вон как щебечут птахи за окном,
Беспечно наслаждаясь тёплым днём.
Ну а любовь – она ведь тоже птица.
Когда вдруг отношения холодают,
Когда друг другу нечего сказать,
И души начинают замерзать –
Она тотчас куда-то улетает.
И кто-то там стоит на перепутье

У камня – указателя дорог,
В плену неутихающих тревог.
Тот камень твой, и ты – тот самый путник.
Но если за окном цветущий сад,
Как в детстве, свято веришь в чудеса.

Сонет 10

Как в детстве, свято веришь в чудеса,
Что прилетит когда-нибудь жар-птица
Из рук твоих испить святой водицы,
И ты с ней полетаешь в небесах.
Но проза жизни – из другого ряда,
Как муха надоедливо жужжит,
Что надо не высовываясь жить,
И что с высот бывает больно падать.
Но как же не обжечься у костра!
И если сталь калёная остра,
То от пореза трудно уклониться.
Хотя ростки надежды и хрупки,
Ты, здравому рассудку вопреки,
Все ждёшь-пождёшь упрямо счастья птицу.

Сонет 11

Все ждёшь-пождёшь упрямо счастья птицу.
И, если всё расставить по местам –
Окажется, что истина проста,
Что счастья свет – в душе твоей хранится.
Тем горе, кто погасит этот свет
Душевной доброты и пониманья,
Ведь золота – не требует вниманье
Ни на заре, ни на исходе лет.
И не тая за пазухою камень,
С открытым сердцем, чистыми руками
Твори добро, не требуя наград.
Сегодня день, как будто по заказу.

И звень такая! – Как бы мне не сглазить.
Ах, как благоухает вешний сад!

Сонет 12

Ах, как благоухает вешний сад!
Куда ни глянь – по улочкам окрестным
Стоят деревья, будто бы невесты,
Роскошный демонстрируя наряд.
И облака, как лёгкие вуали,
Порывом дерзким сорваны с голов
(Недолговечный свадебный покров),
На крыльях ветра уплывают в дали.
Так хорошо! И не хватает слов,
Чтоб высказать стеснившиеся чувства.
Уменье говорить – сродни искусству.
Не на земле, но ниже облаков,
Я где-то там – не около, а между –
Поразмечталась у окна, как прежде.

Сонет 13

Поразмечталась у окна, как прежде.
Не только мне мечтается весной,
Забыв о прозаичности земной,
Счастливым взглядом утонув в безбрежье.
Перефразируя Козьму Прутков –
Счастливым быть желаешь – ну и будь!
Отринь всё, что мешает, и забудь,
Не отвлекайся на пустое слово.
Не разменяй на пошлости мечту,
Не целься клеветой на клевету,
Не презирай, а пожалей невежду –
И он поймёт, что на дворе весна.
Однажды утром встанет у окна,
Принарядившись в светлые одежды.

Сонет 14

Принарядившись в светлые одежды,
Вдыхаю полной грудью воздух свежий.
Прекрасный день, и всё цветёт вокруг.
Замкнула сток сонетных тесный круг
И на свободу выпустила птицу.
Но не окончена ещё игра,
Пока готова с кончика пера
Сорваться мысль на белую страницу.
Да будет плодотворен день и час!
Где нет унынья – уверяю вас –
Таится золотая середина.
Пути Господни неисповедимы.
Вновь откровеньем дышат небеса.
Рожденье дня. – Открыла окна в сад.

Сонет 15 (Магистрал)

Рожденье дня. – Открыла окна в сад,
Мечтая о любви прекрасной, нежной.
О, счастье далеко не безмятежно!
Обман познала много лет назад.
Себя в себе – есть суть преодоления.
Опустишься на землю с облаков –
Ни манны, ни кисельных берегов.
Для возрождения надобно терпенье.
Любовь с весной, как Феникс, возродится,
Как в детстве, свято веришь в чудеса –
Все ждешь-пождешь упрямо счастья птицу.
Ах, как благоухает вешний сад!
Поразмечталась у окна, как прежде,
Принарядившись в светлые одежды.

ФЁДОРОВИЧ

Этот рассказ посвящён истории, которую мне поведал очевидец событий, произошедших на сейнере «Снарский» на Дальнем Востоке.

Его имя **Александр Мазуров**.

Александр после окончания Херсонского мореходного училища работал механиком на рыболовном сейнере, и ему было всего 21 год. Поваром на сейнере, по-флотски «кандеем», работал герой нашего повествования: Фёдорович. На вид Фёдоровичу было лет 80, но это с точки зрения нашего юноши, а на самом деле Фёдоровичу было на тот момент (конец 70-х) около 60-ти лет! Он был занят сбором и систематизацией документов на пенсию, а так как имел совсем разбитый алкоголем и жизненными коллизиями организм с плохим зрением и уже трясущимися руками, то попросил Александра написать запрос в архив Вооружённых сил СССР. Текст запроса был настолько необычен, что Александр проникся острым любопытством и добился от Фёдоровича более или менее связного рассказа о своей необычной судьбе, полной неожиданными

поворотами.

Накануне Великой Отечественной войны он окончил Саратовское артиллерийское училище. По окончании училища новоиспечённый лейтенант был определён на службу в должности командира зенитной платформы железнодорожного бронепоезда, который базировался где то в Белоруссии.

Зенитная платформа представляла собой две счетверённые пулемётные установки «Максим» на жёсткой железнодорожной платформе с поясом из броневых листов.

БРОНЕПОЕЗД БП-35, ЗЕНИТНАЯ ПЛАТФОРМА С «МАКСИМАМИ»

В первые же дни войны стоявший на запасных путях бронепоезд подвергся интенсивной вражеской бомбардировке, был сильно повреждён и отправлен на заводской капитальный ремонт, куда-то за Урал. И вот, после полугодового ремонта на заводе, бронированный состав двинулся в сторону линии фронта - в прямом смысле с песнями и плясками.

За окном казарменного помещения, служащего жильём для личного состава бронепоезда, пронеслись полустанки и гулкие мосты, а в самом

помещении было жарко!

Весь личный состав, обслуживающий бронепоезд, перепилился «халявным» спиртом.

Ярко пылала «буржуйка», а веселье военных накалялось от стакана к стакану, которые непрерывно пополнялись неиссякаемыми запасами полученного на заводе для технических нужд спирта.

Бронепоезд подошёл к одной из небольших станций и остановился. Выползшему в невменяемом состоянии на зенитную платформу «отлить», молодому командиру зенитной платформы показалось, что он слышит гул самолётов.

Собрав всю силу для концентрации зрения и посмотрев в небо, лейтенант действительно увидел группу больших бомбардировщиков, летящих по направлению к стоящему без движения бронепоезду.

Копившийся всё это время дух патриотизма, подогретый спиртом героизм и привитый во время учёбы в училище инстинкт стрельбы по летящим целям сделали своё доброе дело!

«Приготовиться к стрельбе!» - проревел Фёдорович и стал выгонять из служебного помещения еле держащихся на ногах сослуживцев- собутыльников к боевым местам.

«По фашистским стервятникам! За родину! За Сталина!», - скомандовал лейтенант.

И всё потонуло в грохоте восьми «Максимов».

Не меняя курса, группа самолётов приближались к бронепоезду - и на их крыльях чётко обозначились красные звёзды! Тщетно пытался вмиг протрезвевший лейтенант криками и командами остановить своих пулемётчиков. В облаке пара от разогретых кожухов, пороховой гари и алкогольного тумана в голове они ничего не слышали и не видели. Тем временем от пролетевшей группы бомбардировщиков отделилось звено и сразу же пошло в боевой разворот, атакуя взбесившийся бронепоезд.

Потеряв цель, отпустили гашетки пулемётов и комендоры бронепоезда.

Предчувствуя беду, окончательно дезориентированный, Фёдорович дал осипшим от спирта голосом приказ, который лишил жизни сослуживцев и перевернул всю его жизнь:

«По краснозвёздным стервятникам заградительный огонь!».

Очнулся лейтенант с контузией уже в госпитале.

От вверенного ему личного состава в живых остались ещё двое бойцов, один из которых от полученных ранений позже скончался.

А на платформе от бронепоезда осталась груда обломков...

Сам виновник этих событий объяснял, что огонь его пулемётов, предназначенных для отражения низколетящих целей и пехоты, не мог причинить летящим на большой высоте бомбардировщикам никакого вреда.

Акт возмездия с их стороны представлял собой, как сейчас сказали бы, «превышением пределов самообороны», - и Фёдоровичу удалось как-то выкрутиться.

Возможно вся вина за «инцидент» полностью легла на плечи лётчиков.

Ведь из командования бронепоезда не осталось никого в живых, и невозможно было внести ясность в происшедшее.

Фёдорович отлежался в госпитале и был комиссован.

Через некоторое время наш «герой противовоздушной обороны» находился в Монголии, где командовал ротой охраны завода по производству швейных машинок.

Авантюризм Фёдоровича и тут сыграл с ним злую шутку.

Загрузив ленд-лизровский «Додж» продукцией охраняемого предприятия, он целый месяц колесил по стоянкам и пастбищам Монголии.

У монгольских пастухов Фёдорович выменивал на швейные машинки «ценную» для себя продукцию: местный самогон и баранину.

Но свободное предпринимательство Фёдоровича продолжалось недолго.

В один из заездов, после очередной удачной сделки с монголами, его сдали завистники, не имевшие столь привлекательных для обмена товаров, как швейные машинки.

Время было военное, и он получил срок -15 лет. Которые отбыл сполна.

Образ «стрелка - коммивояжёра» был бы неполным без описания его образа жизни на сейнере «Снарский».

За отсутствием морской профессии он устроился работать на рыболовный сейнер в должности повара, и здесь его таланты тоже не пропал втуне, а проявились полностью.

Но иногда он уходил в откровенные загулы, и за дверьми камбуза можно было услышать великолепные образчики тамошнего песенно-былинного фольклора... Фёдорович был типичным представителем уродливого порождения тогдашней советской действительности - обширного племени «бичей», со всеми присущими этому племени атрибутами:

полным отсутствием родственно-семейных связей,

постоянным неимением «своего» жилья,

абсолютным неприятием «вещизма»,

отсутствием интереса к своему будущему,

гипертрофированным отношением к своему прошлому.

И все эти опоры и скрепы его психики и судьбы питались и укреплялись сокрушившей и отменившей все иные интересы тягой к спиртному.

По приходу из рейса Фёдорович вытряхивал из наволочки подушку или из матрасника матрац (в зависимости от количества наличных денег).

В порту он арендовал телегу с неказистым коньком по кличке «Рябчик» и возницей по фамилии Рябоконь. Этот транспорт в береговой, обыденной

однообразной жизни был задействован для перевозки судовых аккумуляторов.

Наш герой затаривался в магазине рыбокооп водкой, как говорится, «под жвак».

Когда весь закупленный товар в ящиках заполнял телегу, то в оставшиеся ёмкости и на оставшиеся деньги закупались папиросы «Беломорканал».

Всё это «богатство», на которое был истрачен заработок трёх-четырёх месячного труда в море, Фёдорович привозил к борту сейнера и выгружал на камбуз.

После выгрузки он запирался на камбузе изнутри и проводил там всё своё время.

Периодически, в зависимости от «градуса возлияния», из недр этого стального ресторана доносились жалостливо - приторные лагерные песни, или, в зависимости от настроения солиста, длинные тирады на сплошь матерно-блатном жаргоне.

Эти тирады выражали отношение оратора к тем или иным событиям в жизни страны и встреченных им людей, ну и вообще его отношение к Жизни!

Выбор местоположения запоя не был случайным.

Таким образом, многоопытный Фёдорович добивался 100% безопасности своего запаса «топлива» и поползновений отдельных «братьев по разуму», всегда испытывающих испепеляющее желание, выражаясь народным «штилем», «упасть на хвост».

Но он понимал, что и одиночество в нашей жизни - понятие относительное.

В редкие моменты прозрения уединившегося из окошка кормушки камбуза безадресно высывалась рука с зажатой в ней кружкой водки. Если в течение некоторого времени кружка оставалась невостребованной, рука так же внезапно исчезала.

Администрация судна к такому поведению «кандея» относилась терпимо и с пониманием, как в семье относятся к «ущербным» родственникам.

Но в море в работе на камбузе Фёдорович сполна виртуозно отработывал свои неудобные для экипажа наклонности любви к «зелёному змию».

Повар он был просто от бога!

Когда начиналась всепоглощающая минтаевая путина, часто экипаж не имел возможности затариться продуктами, которых оставалось на борту максимум три наименования.

МИНТАЕВАЯ ПУТИНА

Вот здесь то и проявлялось мастерство Фёдоровича в выпечке и в умении из оставшихся на борту продуктов приготовить 30 разных весьма годных к употреблению и даже просто замечательных блюд.

Часто вставая за полночь, Фёдорович успевал помимо всего прочего приготовить к обеду команде в 16 человек фаршированные блинчики, пельмени или чебуреки.

Нередко, смешно и неуклюже осторожно переступая, выносил на палубу окоченевшим матросам, занятым срочной починкой трала, поднос с горячим чаем. А то и сам, видя, что вал мартовского пелагического минтая вовсю «ухайдакал» людей, напяливал на своё тщедушное усохшее тельце «проолифенку» и сиротливо топтался с краю палубы в ожидании указаний на фронт работ.

Фёдоровичу особенно удавалась выпечка...

Мало того, каждый вид изделия имел своё название: «тордочки» - что-то в виде сдобных сегодняшних круасанов - и «рандолики» - вид печенья из скабрёзных фигурок и интимных частей тела. А какие были пышки в виде кукиша?!

Каждая выдача блюда из жерла «кормушки» у Фёдоровича сопровождалась прибауткой или присказкой. То же самое при просьбе о добавке: следовало что-то «этакое» - словесно - нестандартное, в противном случае соискатель добавки

автоматически передвигался в конец очереди из таких же молчунов.

Если новичок чем-то нарушал устоявшийся протокол принятия пищи, то тут же получал ложкой по рукам.

- А не лезь, пока не разрешили!

В особо строптивых членов экипажа, которым что-то было не по нраву, летела и посуда.

Эх! Записать бы тогда весь этот сочный, колоритный, меткий флотско-лагерный фольклор! Да не дошли руки!

Наградой Фёдоровичу за острое слово всегда были взрывы хохота и ответные, не менее меткие комментарии.

Как это разгружало психологическую атмосферу тяжёлого рыбацкого труда!

Как светлели угрюмые уставшие лица товарищей после такого «трапезного шоу»!

Вспоминается такой трогательный момент:

все свои документы Фёдорович хранил в квадратной жестяной коробке от чая (наверное, грузинского, ибо на коробке были нарисованы горы), в которой иногда проводил ревизию.

Аккуратно перекладывал какие-то старые пожелтевшие бумаги, часто останавливаясь, и, пыхтя беломориной, задерживал на какой-либо бумажке умудрённый взгляд.

Затем всё с той же аккуратностью, как бы соблюдая ритуал, осторожно складывал в коробку все бумаги - всю свою безалаберную жизнь!..

P. S.

Этот рассказ - дань памяти маленьким коротким встречам со странными, яркими, по-своему очень неординарными людьми, оставившими свой след в наших душах и головах значительно чётче и целительней, чем правильные и послушные спутники на жизненных стезях.

Поездка к морю...

Молодая супружеская пара сидела на скамейке в здании автовокзала и негромко переругивалась.

- Говорила тебе, давай на такси поедem, так ты – успеем, успеем. Вот тебе и успели! – возмущалась жена.

- Если б ты ещё час губы красила, как раз к отходу следующего автобуса бы приехали, - огрызнулся супруг.

- Иди билеты покупай.

- До отхода следующего автобуса четыре часа, а в кассе начинают продавать билеты за час до отхода... Ладно, пойду, перекурю куда.

- Кури, что тебе ещё делать? – женщина сердито отвернулась.

Мужчина встал и неспешно пошёл к выходу.

- Володя! – окликнул его охрипший мужской голос. Повернулся. Слегка покачиваясь, к нему приближался мужчина с опухшим лицом.

- Мы знакомы?

- Почти. Вместе в штурманском училище учились. Только я на три года моложе. Старшекурсники на такую мелочь как я тогда внимания не обращали. У вас свои заботы были. Впереди выпуск. А мы только азы осваивали. Вместе в смотре художественной самодеятельности участвовали. Ты на гитаре играл, я танцевал. Меня Максим зовут.

- Ты ещё со своей партнёршей первое место занял?

- Точно.

- Не торопиться? – поинтересовался Владимир.

- Я своё отторопился.

- Тогда пошли в кафешке посидим. А то стоим с тобой на проходе, только людям мешаем.

Они зашли в небольшое кафе у автовокзала и заняли свободный столик.

Сделав заказ, Владимир повернулся к Максиму.

- Ну, рассказывай, как после училища жизнь сложилась. Чем в армии занимался?

- Всем понемногу. Я училище по профилю ШБУ закончил, штурман боевого управления. Рацию за спину и в горы. Целеуказания нашим самолётам давал.

- Афганистан?

- Он, родимый. Собрали нас человек двадцать. Сначала самолётом до Ташкента, потом через границу в Афган. Посадили на БМП, повезли. Не успели и часа проехать, как затрещало, затарахтело, засвистело со всех сторон – духи

в атаку пошли. Мы на землю прыгнули, залегли. Некоторые бежать пытались, не смогли – пули догнали. Возле меня снаряд разорвался, оглушил и землёй засыпал. Он-то меня и спас. Сколько без сознания лежал, не знаю. В себя пришёл, слышу речь незнакомую неподалёку. Глаз один осторожно приоткрыл, вижу в щёлку, люди с автоматами к раненым подходят и – контрольный им в голову. – Дрожащей рукой он поднял рюмку с водкой и, не чокаясь, выпил. – Из всех вновь прибывших только я один в живых и остался. Не заметили. Лежу, смотрю, как друзей убивают, и еле рыдания сдерживаю. Часов пять без движения пролежал. Вечереть стало. Смотрю, духи разделились. Большая их часть в горы ушла, а несколько человек неподалёку лагерем расположились, костёр разожгли.

- И не боялись они огонь разжигать?

- Хрен их знает, боялись они или нет. А впрочем, кого им было бояться? Нашу колонну они полностью уничтожили. А в случае чего, горы рядом, где им каждая тропинка знакома... Я потихоньку выбрался, смотрю, рядом парнишка убитый лежит. Пошарил у него по карманам, нож нашёл. Этим ножом их всех и положил.

- Как положил?

- Убил.

- А сколько их было?

- Семеро.

- И ты один против семерых?

- Сам не знаю, как справился. Не иначе Бог на моей стороне был. Подкрался к ним незаметно. Осмотрелся. Трое анашой развлекаются, а четверо уже в отрубке. Я не таясь к костру подхожу, а они даже автоматы не вскинули. Обкуренные в хлам. Ну, я их и положил. Двоим горло перерезал, третьему – в сердце. Не с первого раза попал. Вскрикнуть он успел. Четверо, что спали, подхватились, и ко мне. Наверно, думали, что я убежать стану. А я к ним в серёдку. Стрелять в меня они не могли, в своих попасть боялись. А ножом, как оказалось, я лучше их владею.

- Не страшно было?

- Я в тот момент о себе не думал, за друзей отомстить хотел. Страх потом пришёл. Сажу у ручья и думаю, куда попёр, один против семерых? Себя осмотрел, весь в крови. Стошнило. Умылся, к камню прислонился и вырубился до утра. А утром наши вертушки прилетели и меня, можно сказать, тёпленького взяли. Сначала в санчасть отвезли, а потом прямиком в особый отдел. Десять дней душу вынимали. Как это я в одиночку семь человек положил?

- Не поверили?

- Поверили, но не сразу. Да и трудно было не засомневаться. Молокосос, можно сказать, а с матёрыми вояками справился.

Потом в часть направили. Три года по горам в составе разведотряда. Помню, выходят на нас по рации с КП, обозначиться приказывают. Комиссия

на вертушке к нам направляется. Мы площадку расчистили, костры зажгли. Прилетело руководство. Побеседовали с нами, тут же представления на всех написали. Кому на орден, кому на медаль. Мне на капитана. Я к тому времени старшим лейтенантом был. Никого не пропустили. Вместе с нами по рюмашке накатили, за награды, сухпайком закусили. Потом загрузились в МИ-8, руками в иллюминаторы машут, улыбаются. Только вертолёт от земли оторвался, в него снаряд, прямоком в двигатель. Вертушка камнем на землю. Упала, горит. Мы четвером спасать кинулись, остальные местность прочёсывать.

- Спасли кого?

- Экипаж. Командира от удара о землю из кабины выкинуло. Правака со штурманом мы с Тимохой вытащили. Успели. А потом авиатопливо рвануло. Мы стоим, слёзы текут, а сделать ничего не можем. Пламя, не подойти. Минут через пятнадцать ребята пацанёнка приволокли. Как потом выяснилось, он дым от костров увидел и в скалах притаился. С его места хорошо всё было видно. Подождал, когда комиссия в вертолёт сядет, и стрельнул из ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс). Злой, как волчонок. Стоит, глазами сверкает, лопочет что-то. Тут автоматная очередь – и парнишка готов. Тимоха не выдержал. А потом снова «любимый» особый отдел. Всю группу трясли как грушу. Тимоху посадить хотели.

- За что?

- За самосуд. Пацан ведь на тот момент безоружный был. В общем, весь разведотряд из армии без пенсий и наград выперли. Кроме меня, разумеется, так как я из другого структурного подразделения, вроде как прикомандированный. А через месяц и для меня война закончилась. – Он горько усмехнулся. – На мину наступил. Обе ноги долой. Теперь на протезах. Хоть трезвый, хоть пьяный, хожу, шатаюсь, как моряк в шторм... Домой вернулся, и тут облом. Жена, можно сказать, из дома выгнала. Другого нашла. Я ей такой без надобности.

- А живёшь ты где?

- Где придётся. В настоящий момент однокашник на дачу к себе пустил. Деньжат иногда подкидывает, якобы за охрану участка. Хотя какой из меня охранник? – он горестно вздохнул. – Пенсия мизерная. В подземном переходе, как другие, заработать не могу. Петь-играть не умею, а танцевать Афган отучил. Пошёл в военкомат, думал, может хоть там помогут как-то поправить моё финансовое положение. На грубость нарвался. Военком эдак высокомерно на меня посмотрел и заявляет: - Я тебя туда не посылал.

- Ты вот чего, - Владимир выгреб из карманов всю наличность. – Возьми.

- Спасибо. – Максим положил деньги в карман. – На первый случай хватит.

- Ну, извини, мне идти надо, а то жена, поди, извелась вся, меня разыскивая. – Володя встал, крепко пожал Максиму руку и вышел из кафе. Навстречу шла рассерженная жена.

- Ну и где ты пропадаешь? Уже два раза объявляли о продаже билетов.

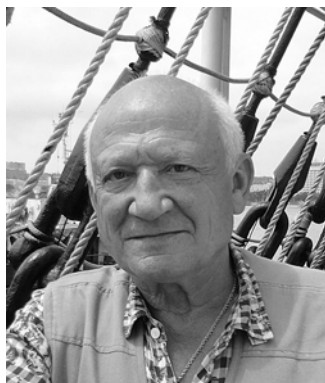

- Люся, извини, но мы никуда не едем. Деньги кончились.

Жена через стеклянную витрину кафе разглядела Максима, грустно улынулась. – Ладно, меценат, домой пошли. Бог с ним с морем. И в речке искупаемся.

2014

Это интересно

9 июля делегация МГУ им. адм. Г.И. Невельского и представителей морских общественных организаций края проводила в Находке в дальний поход экипаж яхты «Караана», который возглавляет известный яхтенный капитан, профессор Морского университета Леонид Лысенко. Предлагаем вниманию читателей его интервью.

- **Леонид Константинович, снова «идём на север»?**

- Да. Но север летом - это не холодные края.

- **Даже в Охотоморье?**

- Конечно. Нормальный, полезный для здоровья климат...

- **Расскажите о маршруте и цели путешествия.**

- Маршрут уже «обкатанный»: сначала в Корсаков на Сахалин, затем

– в Петропавловск-Камчатский. Но это только прелюдия к настоящему путешествию.

- Вот как?!

- Именно. Мы хотим снова пройти по пути Витуса Беринга. Раньше мы проходили его поверхностно. Открывали для себя места, где был командор, находили вещи, принадлежащие ему и его команде. Теперь мы будем оставлять в памятные знаки в тех местах, где проходили камчатские экспедиции под его командованием. Дополняя и запоминая эти важные страницы истории освоения русскими людьми Дальнего Востока и Северной Америки: они ведь очень мало изучены. Мы везём с собой мемориальную доску, которая изготовлена на средства, выделенные Владивостокским морским собранием. Планируем установить её на одном из Алеутских островов, где погиб матрос второй статьи Никита Шумагин. Его именем Беринг назвал целую группу островов в Алеутском архипелаге. Мы нашли остров и место, где матрос похоронен. Шумагин – первый европеец, жизнь которого прервалась на восточной окраине американского континента. Все знают, что Колумб открыл Америку со стороны Атлантики, но мало кому известно, что со стороны Тихого океана её открывал Беринг.

- Сколько лет вы ходите «путями Беринга»?

- Почти сорок. Ещё в 1974 году, когда мы начали свои ежегодные «одиссеи» в Охотоморье, изучая маршрут Амурской экспедиции Г.И. Невельского, я прочитал в одной из сахалинских газет статью о том, что «дввимовские яхты идут по пути Невельского и Беринга». Фраза врезалась в память и... в 1976 году состоялся наш первый поход по маршруту 1-й Камчатской экспедиции командора, чего до нас никто не делал. Из года в год, уходя на север, преподаватели и курсанты ДВВИМУ, ныне МГУ, полностью повторили путь, который следовала 1-я, а затем 2-я Камчатская экспедиция. Постепенно дошли до Аляски, а училищный музей обогатился уникальными экспонатами, в том числе – пушкой, найденной нами на острове, снятой когда-то с борта пакетбота «Святой Пётр», на котором шёл Беринг.

- Один из кораблей, давший имя Петропавловску-Камчатскому...

- Да. Все его корабли носили имена святых: «Святой Гавриил», Святой Пётр», «Святой Павел»... Именно названия двух последних судов дали имя столице Камчатки – городу Петропавловску. Сам Беринг был человеком исключительной скромности и за 20 лет своей исследовательской деятельности ни одного мыса, ни одного острова и географического пункта не назвал своим именем. Он вообще обладал редкими достоинствами: принципиальный, очень

ответственный, преданный России и своему делу, при этом исключительно порядочный. На него без конца писали доносы, его отстраняли от должности, а потом, разобравшись... возвращали на Камчатку и он снова принимал командование экспедицией. Значение его открытий до сих пор не оценено полностью.

- Леонид Константинович, вы каждый год ходите в дальние яхтенные походы. Нынешний – который по счёту?

- Сорок второй. Это я считаю те походы, которые за пределами Приморского края.

- В нём принимают участие наши курсанты?

- Конечно. Курсанты-судоводители второго курса Морской академии университета Егор Сердюк и Дмитрий Сергеев. Ещё один участник – студент ИЗМОШ университета Владислав Рыбас. Егор ходил со мной в прошлом году на «Отраде», а Слава идёт впервые. Опыт дальних походов, кроме меня, имеет мой заместитель и владелец яхты «Караана» Виталий Михайлович Полтавцев. Человек надёжный, выдержанный и опытный.

А что это за яхта «Караана»?

- Это 36 футовая яхта. В 1990-1991 годах известный путешественник Фёдор Конюхов совершил на ней первое в истории России одиночное кругосветное плавание. «Караана» в переводе с аборигенского (Австралия) – «мирная зона», есть ещё другой перевод, где это слово означает «уверенный».

- Много у вас учеников-единомышленников?

- Да более сотни будет. Яхтенный поход, особенно многодневный, дальний – испытывает человека во всех режимах, что называется. После таких походов он возвращается другим, на ступеньку выше, чем уходил. А если выдержал несколько походов – это, я считаю, уже высшая школа «оморячивания». И гражданственности тоже. Подготовка настоящего яхтсмена – дело штучное. Поэтому так приятно получать весточки от бывших членов моих экипажей. И не только весточки – реальную помощь. Вот, скажем, страховая компания «Евро-полис», уже не первый раз нас спонсирует. Один из руководителей этой компании раньше ходил с нами в походы.

- Поскольку мы коснулись темы спонсорства, кому ещё сказать «спасибо» за подготовку к этому походу?

- Ректору Морского университета Сергею Алексеевичу Огаю, который с пониманием отнёсся к сложностям, неизбежно возникающим при подготовке подобных походов, и помощнику ректора Алексею Михайловичу Буякову, который оперативно помог их разрешить. Самые добрые слова - компании «Зора», которая сделала бесплатную профилактику приборов яхты. Особая благодарность за финансовую поддержку – руководителю Приморского отделения Всероссийского Движения поддержки флота Анатолию Узаревичу. Анатолий Иванович вместе со старшиной Владивостокского Морского собрания Александром Путягиным и руководителем военно-исторического центра «Морская душа» ТОВВМУ им. адм. С.О. Макарова Ларисой Толстовой не только поддержали идею похода, но и приехали вместе с начальником управления воспитательной работы МГУ Мариной Каменевой в Находку, чтобы проводить нас по старому морскому обычаю и пожелать традиционные «семь футов под килем». Да, ещё хочу отметить, что наша яхта, как и раньше, идёт под флагом Морского государственного университета имени адмирала Невельского. Спасибо!

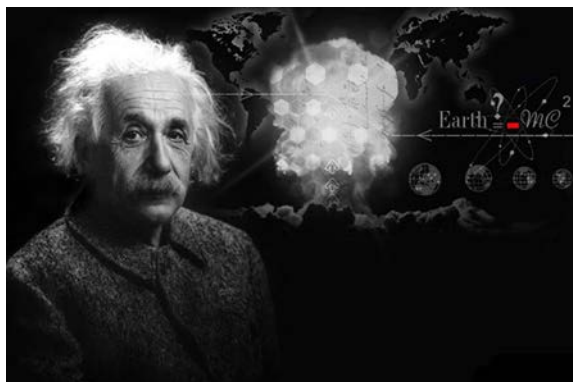
**- Доброй дороги Вам и Вашему экипажу, Леонид Константинович!
Мы ожидаем от Вас эксклюзивного интервью по возвращении из похода.**

- Обязательно! До встречи!

Галина Якунина, ведущий специалист МГУ

Гениальный и Безотносительный Эйнштейн

Недавно исполнилось 135 лет со дня рождения гениального физика и одного из основателей современной теоретической физики Альберта Эйнштейна. Вашему вниманию предлагается самые интересные высказывания этого замечательного человека:

Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчёт Вселенной я не уверен.

Только дурак нуждается в порядке — гений господствует над хаосом.

Теория — это когда всё известно, но ничего не работает. Практика — это когда всё работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает... и никто не знает, почему!

Есть только два способа прожить жизнь. Первый — будто чудес не существует. Второй — будто кругом одни чудеса.

Образование — это то, что остаётся после того, как забывается всё выученное в школе.

Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу по её способности взбираться на дерево, она проживёт всю жизнь, считая себя душой.

Только те, кто предпринимают абсурдные попытки, смогут достичь невозможного.

Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвёртая — палками и камнями.

Воображение важнее, чем знания. Знания ограничены, тогда как воображение охватывает целый мир, стимулируя прогресс, порождая

эволюцию.

Бессмысленно продолжать делать то же самое и ждать других результатов.

Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же, как те, кто её создал.

Тот, кто хочет видеть результаты своего труда немедленно, должен идти в сапожники.

Все знают, что это невозможно. Но вот приходит невежда, которому это неизвестно — он-то и делает открытие.

Жизнь — как вождение велосипеда. Чтобы сохранить равновесие, ты должен двигаться.

Разум, однажды расширивший свои границы, никогда не вернётся в прежние.

Морскую болезнь вызывают у меня люди, а не море. Но, боюсь, наука ещё не нашла лекарства от этого недуга.

Человек начинает жить лишь тогда, когда ему удаётся превзойти самого себя.

Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.

Математика — это единственный совершенный метод водить самого себя за нос.

Чем больше моя слава, тем я больше тупею; и таково, несомненно, общее правило.

Если вы хотите вести счастливую жизнь, вы должны быть привязаны к цели, а не к людям или к вещам.

Международные законы существуют только в сборниках международных законов.

При помощи совпадений Бог сохраняет анонимность.

Единственное, что мешает мне учиться, — это полученное мной образование.

Я пережил две войны, двух жён и Гитлера.

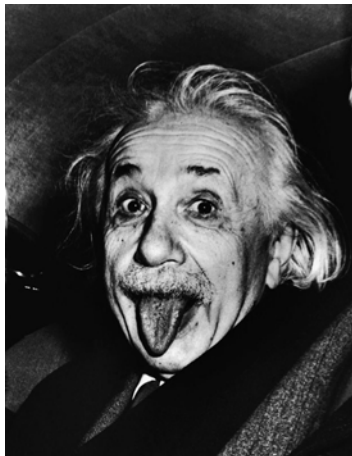
Вопрос, который ставит меня в тупик: сумасшедший я или все вокруг меня?

Я никогда не думаю о будущем. Оно приходит само достаточно скоро.

Самое непостижимое в этом мире — это то, что он постижим.

Человек, никогда не совершавший ошибок, никогда не пробовал ничего нового.

Все люди лгут, но это не страшно, никто друг друга не слушает.

Если теория относительности подтвердится, то немцы скажут, что я немец, а французы — что я гражданин мира; но если мою теорию опровергнут, французы объявят меня немцем, а немцы — евреем.

Вы думаете, всё так просто? Да, всё просто. Но совсем не так.

Воображение — это самое главное, оно является отражением того, что мы притягиваем в свою жизнь.

Я слишком сумасшедший, чтобы не быть гением.

Чтобы пробить стену лбом, нужен или большой разбег, или много лбов.

Если вы что-то не можете объяснить шестилетнему ребёнку, вы сами этого не понимаете.

Логика может привести Вас от пункта А к пункту Б, а воображение — куда угодно...

Чтобы выигрывать, прежде всего нужно играть.

Никогда не забывайте то, что вы можете найти в книге.

Если беспорядок на столе означает беспорядок в голове, то что же тогда означает пустой стол?

Легко ли быть молодым художником?

Легко ли сейчас быть молодым художником-живописцем? Если заниматься только любимым делом – писать картины, то материально художник зависит от того, насколько успешно приобретаются его произведения и в каком количестве он может их создавать. Обычно любители живописи находятся в среде интеллигенции. К сожалению, в наше время учителя, преподаватели вузов, врачи и другие специалисты с высшим образованием не получают за свой труд столько, чтобы иметь возможность покупать произведения искусства по высокой цене, а эпоха Третьяковых и Морозовых осталась в прошлом. Нынешние предприниматели редко интересуются искусством и, как правило, не вкладывают средства в картины.

Вот и получается, что полотна молодых художников, выставленные на продажу, не имеют большого спроса, т.е. любимое занятие не может прокормить художника. Надо идти на компромисс: часть времени тратить на оформление и другие виды работ. Способного живописца вполне может задавить это бремя, и надо иметь характер, чтобы выстоять, не сойти с пути, выбранного по велению сердца.

На городских выставках, наперекор всему, всё-таки появляются произведения молодых художников. Вот и в Уссурийске на выставке в Доме художника открылось новое имя: Виталий Углов. Привлекла внимание его работа «Вечер в Лукьяновке». Спокойный зимний вечер; сиреневая сопка, лиловатый снег, рыжеватые отсветы заката на деревьях, группа домишек – типичный вид приморской деревеньки. Но до чего гармонична тёплая цветовая гамма! Картина наполнена воздухом, свежестью, располагает к созерцанию. Как хорошо, что есть у нас такие места, куда хотелось бы поехать, чтоб отдохнуть душой, полюбоваться, покататься на лыжах, вдохновляясь этой красотой!

Случай помог поближе познакомиться с Виталием. Выбирать профессию ему пришлось в тяжёлые для всей страны 90-е годы. В 1989 году он окончил школу в Южной Якутии, в небольшом посёлке Беркамит на БАМе, и поехал в Читу поступать в училище искусств на художественно-графическое отделение. Почему так решил? Истоки этого – любовь к божественной красоте природы, большое желание научиться воплощать её на картине.

А начиналось всё в Белоруссии, где Виталий рос в городе Чаулсы Могилёвской области до 5 класса включительно. Там получил работу его отец, инженер по образованию, и перевёл семью из Читы, где Виталий родился. Друзья Виталия занимались в художественном кружке, и он тоже стал членом этого кружка. Там научился азам рисунка и живописи, ходил на этюды и навсегда

влюбился в таинственный окружающий мир.

Затем отец сменил место работы – стал снабжать оборудованием геологическую базу в Якутии. Там и поселилась его семья. Виталий ходил за 2,5 км в школу в посёлок. Художественного кружка там не было, и Виталий самостоятельно пытался отобразить акварелью и даже маслом необыкновенные закаты, какие бывают только на севере.

После окончания школы в 1989 году поехал в Читу, где жила многочисленная родня, где, самое главное, была школа искусств. На художественно-графическое отделение он и поступил. Учёба была прервана в 1991 году призывом в армию. Продолжил занятия уже повзрослевшим человеком, с армейской закалкой, которую получил на космическом полигоне Казахстана. В это время он уже понимал, что профессия живописца связана не только с романтикой, но и со слабым материальным обеспечением. Но Виталий не изменил своему призванию. Более того, решил продолжить обучение в Институте искусств во Владивостоке – по совету своего учителя по живописи Сергея Ермолаевича Прудникова. Полный надежд и тревог, приехал в новый для себя город, большой и шумный. В институт поступил среди 15 набранных на отделение живописи, а закончили в 2000 году из них вместе с Виталием только 4 человека! Большинство поступающих идут на отделение дизайнеров, которые широко востребованы и материально обеспечены. Ну а художнику надо выстоять, пробыться, как одуванчику сквозь асфальт. И Виталий сделал это. Учился у опытных наставников – профессора Вениамина Алексеевича Гончаренко и доцента Сидора Андреевича Литвинова. Два лета плавал к Курильским островам на остров Шикотан, писал этюды, в том числе для дипломной работы «Рыбачьи будни». На картине рыбаки чинят сети на берегу моря, собираясь на лов.

После окончания института работал во Владивостоке, в дизайнерских фирмах, потом – в ДВФУ, на отделении компьютерного дизайна около трёх лет, до переезда в Уссурийск. Параллельно с этим писал этюды в живописных уголках Приморья.

В 2008-м отделение Союза художников предложило переехать в Уссурийск, выделило художественную мастерскую.

Своя мастерская! Это мечта любого художника. Это не роскошь, а необходимость для нормальной работы. Когда пишешь с этюда картину, нужно пространство, чтобы отойти, посмотреть, получается ли нужный эффект. Я была в мастерской Виталия. Это высокая, в полтора этажа, просторная светлая комната, размещённая в мансарде четырёхэтажного дома. На стенах в три ряда развешаны картины и этюды хозяина, на них – пейзажи Приморья, написанные за 4 последних года. Кроме картин, в мастерской находится личная библиотека Виталия: в основном, книги по искусству живописи и биографии известных художников с цветными репродукциями. Владелец этой коллекции знаком с разными видами живописи, Сам он предпочитает реалистично изображать

увиденное с применением метода условности, который придаёт живость, динамику.

Виталий любит ездить с этюдником в дикие места Хасанского, Партизанского, Тернейского районов, а также на острова около Владивостока: остров Попова, Рейнеке, Русский.

Художник-пейзажист всегда романтик; его одинаково покоряют необыкновенная, поразительная, во многих местах ещё дикая приморская тайга и море – необъятное, притягивающее, непостижимое. Жить, учиться во Владивостоке и не полюбить море невозможно: в мастерской Виталия целый ряд этюдов и картин посвящён морской тематике.

Например, этюд «На острове». Будто слышен равномерный шум прибоя; волны неторопливо лижут гальку солнечного песчаного мыса на переднем плане, разбиваются о скалы на заднем.

Вот картина «Перед тайфуном». Море завораживает своим спокойствием. Перед тайфуном всё замерло. Пронзительно голубое небо с оттенками зелени отражается в зеркале моря. Красочная гряда сопок – светло-коричневая, сиреневая, с розовыми отсветами заката, синяя, голубая – уходит вдаль. У горизонта облака окрашены закатом в сиреневый цвет. На переднем плане разбросаны коричневые камни, а три острых скалы, словно братья-богатыри, стоят на страже покоя.

В «Осеннем пейзаже в Новонежино» отлично передан эффект солнечного освещения. Горит на солнце ярко-зелёный луг, темнеют силуэты тополей на фоне голубых сопок. Вся картина пронизана воздухом, солнечным светом. Кучевые облака парят над пригретыми сельскими домами и стожками сена.

«Старый Терней» – ещё одно из полотен в мастерской. Пронзительный оранжевый закат. Величественно возвышаются сопки – багряно-рыжие на переднем плане, они постепенно обретают сине-фиолетовый оттенок, уходя вдаль. У подножья сопок приютились крыши старых тернейских домишек, перед ними – поле, погрузившееся в коричневый полумрак. Тёмные тона поля и сопки подчёркивают яркость заката. Таинственный вечер так и держит у полотна, словно ждешь, когда же погаснет закат.

Кроме работы в мастерской, Виталий ведёт занятия в Детской художественной школе, занимается оформительской работой.

Пейзажи Углова были представлены на городских выставках во Владивостоке и Усурийске, получили признание коллег, и в 2010 году Виталия приняли в Союз художников России. Это важное событие в жизни молодого живописца, итог его творческих исканий, большого труда.

Теперь Виталий готовится к своей персональной выставке в Доме художника. Пожелаем ему успеха на нелёгком пути пейзажиста.

Наша публицистика

Перелов

В конце мая В. Путин подписал перечень поручений по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса. В частности, распорядился обеспечить разработку и принятие правовых актов, необходимых для реализации прошлогоднего закона «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Пару лет назад было сломано много копий вокруг того, какой быть рыбной отрасли. Многих возмущало, что рыбалка может стать дорогим удовольствием. Вроде улеглось. Но культурна ли аквакультура? Как, например, обстоят дела в самых наших рыбных краях на востоке страны? Об этом заметки внештатного корреспондента «ЛГ».

Каждое лето, в период лососёвого нереста в июне и июле, армия состоятельных и влиятельных граждан с серьёзной техникой, вплоть до вездеходов и вертолётов, оккупирует мелководные таёжные речки в Хабаровском крае. Начинается их фактическая зачистка от икромётных самок. Как Мамай проходит! Во многих местах объёмы браконьерского лова сопоставимы с промышленным, а то и превышают его. Страдают и законопослушные предприятия, которые ведут прибрежный морской лов ставными сетями и на удалении от речных устьев, что гарантирует сохранение популяции кеты, горбуши, кижуча, нерки...

У нас всегда крайности. В советское время красную рыбу в хабаровских магазинах нельзя было найти днём с огнём, а простому люду её настрого запрещали ловить. Сейчас рыба на прилавках на любой вкус, но браконьеры до того распоясались, что представители рыболовецких фирм бьют в набат: если не обеспечить защиту нереста, можно потерять весь лососёвый ресурс.

По словам знакомого бригадира рыбопромысловой бригады из Советско-Гаванского района, основные нарушители – чаще всего владельцы путёвок на лицензионную рыбалку. Они берут в реках столько, сколько помещается в сети. Его возмущает, почему в нечётном 2013-м, когда заходит малое горбушечье стадо (большое идёт по чётным годам), контролирующие ведомства для его сохранения не остановили тут так называемый лицензионный любительский лов. И в других местах тоже. Вот речка Коппи южнее Советской Гавани.

«Промпредприятиям морской лов возле её устья в 2013-м большие начальники запретили, – недоумевает собеседник-бригадир. – Зато в саму речку запустили лицензионщиков. Лицензиями командует федеральное госучреждение Амуррыбвод. Чтобы рыба нормально отнерестилась, на каждой речке должны быть инспектора с техникой и оружием. Сейчас на район два инспектора, а

речек шесть. Краевые чиновники якобы для любительского лова собираются организовать участок в устье реки Нельма. Местных жителей там почти не осталось, дорог до Нельмы нет, и добираться туда можно по морю на своём катере или судне не меньше суток. Так что рыбачить могут лишь матёрые браконьеры или те коммерсанты, которые проиграли конкурсы по рыбопромысловым участкам».

Из Советско-Гаванского района еду в соседний Ванинский на речку Тумнин, в посёлок Датта. Тут базируется колхоз имени 50-летия Октября, он ведёт прибрежный морской промысел лососёвых. Беседую с Анатолием Васильевичем Дакусом, начальником прибрежного лова. В Датте он уже около 40 лет. Сокрушается: «С открытием четырёх лицензионных участков возвращение в Тумнин лососёвых резко упало. Русло перекрывают сетями так, что кета и горбуша пробиваются в верховья на нерест в мизерных количествах, и из нерестилищ нет достаточного ската малька. Мы в самой речке не ловим и никогда не ловили, зато сейчас там орудуют браконьеры под видом лицензионщиков. Доходит до смешного: Амуррыбвод выдаёт лицензии на вылов в Тумнине камбалы, бычков и наваги – морской рыбы, которая в речке не водится! Хуже всего браконьерство сказывается на кете. Одно дело – Амур шириной в два-три километра, и другое, когда между берегами сто-двести метров и краснорыбнице через частокотлы сетей в верховья к нерестилищу не пробиться».

Вернувшись в Хабаровск, иду в управление Амуррыбвода, которое по госзаданию занимается рыборазведением и мониторингом водной среды по всему бассейну Амура. Организация любительской лососёвой рыбалки по именным платным лицензиям для Амуррыбвода, скажем так, дополнительный источник дохода. В прошлом году лицензионная квота по путёвкам для того же Тумнина составила 17 тонн на горбушу и 19,5 тонны на кету. Но, по оценке директора Хабаровского филиала ТИПРО Генриха Новомодного, кеты и горбуши в Тумнине перелавливают минимум в десять (!) раз больше квот по путёвкам. На других реках с переловом такая же картина. И всё из-за слабого контроля Амуррыбвода и территориального управления Росрыболовства.

Но не только. Очень низка правовая культура населения. О морали и не говорю. В Охотском районе «любители» давно опустошают нерестовые реки в ущерб легальному промыслу. «Я буду настаивать, чтобы там, где рыбоохрана неэффективна, сократить время рыбалки в период нереста», – обнадёживает Генрих Владимирович. Идея неплохая, но, честно говоря, сомневаюсь, что какой-нибудь рыбинспектор сможет в разгар путины совладать со стаями залётных «любителей». Замдиректора Амуррыбвода Владимир Чихачев считает, что браконьерство процветает не на лицензионных, а на бесхозных участках. И соглашается, что нужного количества персонала и техники для обеспечения порядка в период лицензионного лова в штате Амуррыбвода нет.

В Амурском территориальном управлении Росрыболовства узнаю, что

по сравнению с советским периодом штат рыбинспекторов сократился в три с лишним раза. К тому же их разоружили, забрали техническое обеспечение, и теперь они сами занимаются снабжением и ремонтом. За двадцать последних лет в Тумнине полностью уничтожен сахалинский осётр, а в Амуре знаменитые осетровые встречаются лишь в виде единичных экземпляров. «Если советские браконьеры ловили в основном для себя, – говорят ветераны ведомства, – то современные делают бизнес и творят беспредел. Для восстановления той же кеты нужно, чтобы на малой реке лет восемь никто не рыбачил».

Председатель краевого комитета рыбного хозяйства Сергей Рябченко в разговоре со мной отметил, что при выделении участков лицензионного лова краевая комиссия во главе с губернатором учитывает популярность любительской рыбалки среди хабаровчан, их обращения и жалобы на разные ограничения. С этим трудно не согласиться, однако выделение лицензионных участков на малых реках при отсутствии надёжной охраны не выдерживает критики. Ведь рыбалка сплавными сетями перекрывает доступ красной рыбе на нерест.

Почему бы на малых реках лососёвую рыбалку не разрешить лишь местным жителям отдалённых посёлков для поддержания их жизнедеятельности, а всем приезжим – только по лицензиям на морском побережье или в руслах больших рек? Следующая мера – чёткое ограничение сезонной нормы любительского улова красной рыбы на одного человека. И важно, чтобы ловить имели право только местный житель и члены его семьи, прописанные в поселении не менее пяти лет, без заезжих «помощников».

Для восстановления рыбоохраны на реках и внутренних водоёмах требуются непродажные современные кадры, готовые противостоять браконьерам и крышующим их покровителям. Необходимо активнее задействовать общественных инспекторов из числа лучших тружеников рыболовецких компаний по представлениям их руководства и добросовестных местных жителей по рекомендациям глав поселений. И дать им нужные полномочия! Ведь в разоружённом и урезанном состоянии рыбоохрана недееспособна. Ещё вариант – объединить её с морской госинспекцией в составе погранвойск ФСБ, которая имеет технику, людей, авторитет. Каким бы хорошим ни был новый закон, сам по себе он не заработает. Благими пожеланиями справедливый порядок не навести.

Виктор Марьясин, ЛГ №27 2014

В России около трёх тысяч малых и средних городов. Разные у них потенциал, географическое и экономическое положение. Бюджеты их дефицитны. Безработица высока. Денег для выхода из кризиса нет. Именно

малые города в постсоветское время понесли наибольший экономический урон, поставивший их на грань выживания. Малый бизнес, обещавший стать основой для их возрождения, натолкнувшись на непонимание, а порой и противодействие местных властей, зачах на корню. Тем не менее в малых городах и посёлках живут или выживают – более 40 миллионов человек. Треть России! Эти города могут стать либо мостом, по которому Россия выберется из нынешнего экономического болота. Либо балластом, который ещё быстрее утащит в трясину кризиса.

Один из таких городов – Устюжна. Он расположился на границе вологодских, тверских и новгородских земель...

С освоением Урала значение Устюжны падает, но металлургические заводы существовали вплоть до XVIII века. Потом город стал строить речные суда для Волги. Какое-то время Устюжна была местом, куда сходились торговые пути и существовали достаточно большие обороты ярмарочной торговли. Сам город торговал изделиями железного, гончарного, сельскохозяйственного производства. Река Молога была судоходной, по ней осуществлялось торговое, пассажирское сообщение. На берегу её выросла целая плеяда богатых устюженских купцов.

С революцией все они, естественно, сгинули. Бюджет города какое-то время питал спиртзавод, который после горбачёвских антиалкогольных реформ тоже исчез, предоставив городу кормиться с земли. А там подоспели американские советники, убедившие местные власти разогнать колхозы и посадить на землю фермеров и выбравшие для экспериментов два самых крупных колхоза-миллионера. В результате развалили и их, раздробив по частям, после чего рухнула вся инфраструктура района.

Когда осела пыль, к развалинам социализма бросились сами устюжане, пытаясь утащить кто что может. Приказала долго жить строительная организация, кормившая 300 человек. Сыркомбинат разорвали на четыре акционерных предприятия, которые тоже в конце концов оказались ни к селу ни к городу. Местный леспромхоз за мизерную плату продали частному лицу. Развалилась созданная сто лет назад и заимствованная затем Западом система потребительской кооперации, которая занималась заготовкой дикорастущих ягод и грибов, отправляя их не только на отечественные прилавки, но и за границу.

И пошло-поехало. В деревнях убирали не урожай, а социальные объекты: сберкассы, почту, телефон, киноустановки, библиотеки, периодически отключали свет. Оставалось отказать деревне в медицинской помощи, и опять получалось по Гоголю: «Человек простой: если умрёт, то и так умрёт, если выздоровеет, то и так выздоровеет». По сути, 14 тысяч жителей оказались изолированными от внешнего мира, как в тюрьме, только за какие грехи – непонятно...

Устюженская земля богата и лесом, и водой. Недоставало денег. Для банков район с его разваленным сельским хозяйством был непривлекателен. Деньги следовало искать у себя. Пошли за советом в... местный краеведческий музей. И

откопали там документ о том, что до революции в городе существовало Общество взаимного кредитования – ОВК. Купцы, помещики, ремесленники и крестьяне побогаче скидывались и кредитовали друг друга. Нашли и устав общества. Глянули – батюшки светы, да по нему нынче работают вся просвещённая Европа и Америка...

Вкладывать свободные средства в ОВК пайщикам выгодно, здесь процент больше, чем в любом банке. Но общество аккумулирует деньги лишь в том объёме, который будет востребован.

На таких вот доступных кредитах выросло целое поколение фермеров. В последние годы громко заявил о себе кооператив «Устюженский картофель». Некогда безработные люди, создавшие фермерское, затем и кооперативное сообщество, не только сделали Устюжну центром картофелеводства области, но и замахнулись сделать её центром картофельного семеноводства России. Они уже умеют выращивать свои элиты и суперэлиты, продавая их как населению области, так и картофелеводам Кубани, Ставрополя, Ростовской, Астраханской, Воронежской, Тульской, Кировской областей...

В последние годы в Устюжне были возобновлены ярмарки, организованные в своё время купцом Поздеевым и известные далеко за пределами края. Они так и называются – Поздеевскими.

К сожалению, это остаточное богатство не может уберечь Устюжну от дальнейшего упадка и гибели. Впрочем, так думалось и во время наступления польских войск в 1609 года.

Но судьба распорядилась иначе.

Александр Калинин, Вологда (ЛГ №23 2014)

Быть самодостаточным – значит давать миру больше, чем получать от него. А какие государства были в XIX и XX веках наиболее самодостаточными в таком смысле слова? В позапрошлом веке таковой была Британия, снабжавшая мир промышленными товарами, до 1960-х годов таковыми были США. Обе страны являлись цитаделями либерализма и свободного предпринимательства. Но у нас никто всерьёз не озабочен развитием предпринимательства – значит, никакой самодостаточности нам не видать. При таких подходах мы обречены экспортировать нефть и газ и покупать за границей всё необходимое гражданам и инвесторам.

Можно ли говорить, что в современном мире формируются новые лидеры по части «самодостаточности»? Да, можно. И главный из них – Китай, на пятки ему наступают Бразилия и Индия. На мой взгляд, именно Китай показывает пример того, как формируется «самодостаточная» экономика XXI века. Рецепт прост. Нужно не философствовать на абстрактные темы, а массово заимствовать технологии, коммерциализировать их, развивать и использовать для наращивания

собственного производства готовых промышленных товаров, замещая импортные поставки.

Надо не приватизировать государственные предприятия, а потом десятилетиями перепродавать их от одного олигарха другому, а оставлять их в собственности государства, но не препятствовать появлению у них конкурентов с новыми технологиями и более привлекательными условиями труда. Нужно максимально использовать потенциал предпринимательской инициативы, а не обдирать бизнесменов до нитки, перераспределяя бюджетные миллиарды в пользу чиновников, военных и полицейских...

Нужно меньше красть, жёстче бороться с коррупцией и менять высшее руководство каждые восемь или десять лет, поставив жирный крест на мечтах о пожизненной монархии...

Самодостаточность – не синоним закрытости. Импортозамещение – не аналог государственного капитализма. Если сумеем это понять, то у нас останется шанс на развитие. Если нет, пополним не такой уж длинный список стран типа Северной Кореи и Кубы, единственным предназначением которых является показывать другим, как не следует жить.

Владислав Иноземцев, д-р эконом. наук (ЛГ №24 2014)

Общественная пирамида перевернута. Как нас там учили, дайте-ка вспомнить. Внизу — базис, то есть производство, коллектив. Наверху — надстройка, то есть начальство, управление. Надстройка небольшая, потому что поголовье пастухов не должно превышать поголовья стада. А сейчас оказывается — может. Вверху — многоуровневое начальство с замами, штат менеджеров, аудиторов, финансистов, юристов, психологов, соглядатаев и прочих непонятных лиц. Внизу — несколько выживших ремесленников из старой гвардии держат эту махину на своих плечах.

Борис Борисов, «Увы, НиНо, увы» (ж-л «Знамя» №4 2014)

Поэзия и проза

Тамара АЛЁШИНА

В порту всегда ветер*

Хорошо, что Саша в командировке, только на книжки ему денег не жалко, а эту большую нарядную коробку мог бы и в окно выкинуть. И бесполезно было бы ему говорить, что после моей тряпичной куклы детства Ньюши не могу пройти мимо такого... Алёшка раскрыл коробку, два раза прокрутил юлу и невинно спросил: - А солдатики в магазине были? У Игоря целых десять солдат, а у меня только два. - Да ты послушай, она же поёт, когда крутится, а купол у неё из тёмного стекла, как ночное небо, и в этом небе без конца вспыхивают разноцветные огни, искры, помнишь, как девятого мая вечером мы с тобой ходили... - Ну да, она же и называется «Салют», на коробке написано, Игорь сказал, в Ленинграде солдатиков много, мы поедем в Ленинград летом?.. Малыш привык ездить и летать, уже три раза был «на западе», во многих городах. Вдруг ранняя зима опомнилась и уступила место законной осени, теплу, туману. В выходной появился режиссёр Шубин и тут же срежиссировал сюрреалистический поход в горпарк, он от нас близко. Мы бежали наперегонки с последними листьями, чтобы успеть покатать ребёнка на карусели. Конечно, не с нами он бежал, не нас посадил на деревянных, раскрашенных лошадей с человеческими наивными глазами, и карусель медленно, со скрипом завертелась. Это он раскачал и раскрутил её в совершенно пустом, почти зимнем парке, для своего Ромки, и репетировал... Вечно нигде не работающий, нищий, свободный, ухитряющийся выглядеть русским баринком в костюме с бабочкой, вечно готовящий какой-то невиданный в мире спектакль, гениальный, от которого все ахнут и возьмут его в столичный театр, аж очереди будут стоять. И всё бы сбилось, но водка победила...

Назад, в сумерках, шли уже грустные, Шубин всё порывался понести Алёшку на руках, он отбивался. - Переночевать бы... Саша в море... - Да ничего, ночуй. - Завтра схожу к Ромке и уеду. - В Шашином углу за шкафом, там диванчик. И, пожалуйста, без бутылки. Ночью слышала, как стирался, мылся, всю воду истратил. Утром захотел горячего супчика, ел прямо из кастрюли, а я сидела напротив и рисовала этот эпизод с натуры. Наверно, у него было не так уж много друзей, если он приезжал и приезжал «к сыну». Но даже игрушки от него не брали. Саша уговорил его сходить в путину обработчиком на плавбазе. Рассказывал потом, что, стоя на конвейере в холодном, мокром цеху,

* Продолжение. Начало см. в №№ 6 и 7

режиссёр разыгрывал молчаливые спектакли с минтаем или селёдкой, выбирая из конвейерного потока самых выразительных рыб, придумывал им монологи, отношения, ситуации, кроткие актёры как бы оживали в его тёплых руках. Вряд ли он смог много заработать там, где надо было резать и потрошить со скоростью три секунды на рыбину.

Мы с Алёшкой на бюллетене, простудились после бани. Шли с Первой Речки навстречу ветру, закутанные, распаренные, теперь - ОРЗ. В пургу печка топится плохо, дым задувает обратно к нам, включаю обогреватель. Живём в большой комнате, в маленькую заходить страшно - северный полюс! хоть я и занавесила окна одеялами... Вдруг - гости, Лариса с Верой Ивановной из порта, проведать больных, с большим мешком новогоднего подарка, его выделяют ребёнку сотрудника вместе с билетом на ёлку в ДКМ, Дом культуры моряков, потом он сменит название на Пушкинский театр... Высыпаю полмешка в вазу, пьём чай с гостями. Ёлка в углу светится, пахнет мандаринами, гости надышали тепло. Алёшка на батиной шубе играет в северных медведей, строит их из вывернутых мехом наружу рукавов... Лариса, смеясь, рассказывает новости порта, Вера Ивановна дико озирается вокруг... Ещё бы, бывшая жена большого начальника, а тут какая-то дымящая печь, баня, из которой надо переться пешком по зимним улицам, разрисованные морем и деревьями стены, развалившийся на пороге огромный кот, не дающий пройти. Да ещё из радиоприёмника живой голос хозяина этого бедлама, как раз передача радиостанции «Тихий океан», который у нас всегда погромче, чтобы не пропустить отца. Отопления нет, туалет во дворе, на горке, и в дождь, и в снег. Так дореволюционные купцы здесь жили, и мы так. И это в сердце города, прямо среди театров, совнархозов, университетов, ГУМов и ДКМов, телерадиокомитетов...

- Чем-то пахнет, фу... - А это за дверью, видите, навек забита, за ней соседка-старушка на горшок ходит в такую погоду, но это редко. Зато у неё старинный, может, первый во Владивостоке балкон, прямо над Золотым Рогом, красота!

- Ну, мы пошли, выздоравливайте!..

Вчера позвонили по телефону, что Нина Василевская умерла. Самая известная журналистка из «Тихого океана», которая сорок с лишним лет назад в коридоре Дома Радио властным голосом светской львицы, несокрушимо уверенной в своём праве наставлять и повелевать, яркая, крупная, с дымящейся сигаретой в окольцованной руке громко, казалось, на весь мир отчитывала съёжившуюся девушку, осмеливавшуюся спросить:- Скажите, пожалуйста, а Саша, который у вас работает, сейчас в командировке?

Учёные говорят, что все времена существуют одновременно, самое дальнее прошлое с самым дальним будущим в обнимку, рука об руку, а мы не то, что не видим, но и не чувствуем ни одним волоском. Как бы повернуть бинокль задом наперёд и увидеть через сорок три года самый простой, ничем не

украшенный гроб с еле-еле узнаваемой, седой, в платочке, Ниной Петровной, а рядом мы с Сашей, кладём ей в ноги цветы. Всё это происходит в большом автобусе, двое шофёров играют в карты, а за окнами настоящий тихоокеанский тайфун, хляби небесные, неистовые, необузданные дети океана, хлещут верёвками, жгутами воды. И внизу, под ногами такая же страшная вода по колени, сбивает с ног, закручивается спиральями, пугает водоворотами, готовыми поглотить. Что ж ты наделала, Нина Петровна, если твоя смерть вызвала в природе такое! Сама тихо-мирно, непохоже на себя лежишь, а небо буйствует. Я помню твоё отчитывание на виду у всех, не то, что в обиде, а «спасибо» говорю, критика – лучшее средство для просветления мозгов. «Учиться надо, учиться! - почти кричала ты и, наверно, молча добавляла: - А не за мужиком бегать!..

Потом много лет просто здоровались, ведь работали в одной телерадиокомпании, в советское время вместе ездили в колхоз на уборку урожая, стояли в очереди в столовую и в кассу, тебя, конечно, пропускали вперёд. Потом я ходила к тебе в гости, дарила свои книжки, удивлялась твоим похвалам.

Нет, в лицо всегда на «вы», преодолеть дистанцию невозможно. А до этого ливня-тайфуна-конца она звонила, и сквозь голос женщины за восемьдесят прорывался тот властный, бархатный, царственный, который когда-то звучал по радио, перемежаясь с Сашиним и другими голосами. Как все талантливые люди, она была эгоисткой... и никем не управляла, потому что и сама была неуправляемой, - сказала про неё радиоведущая в некрологе. А я уверена - управляла! Одним своим голосом, обликом, самим своим существованием. Теперь её «Тихий океан» где-то там живёт, не спит, и звездой-маяком морякам горит... Почему он Тихий, если он шумит?

Алёшка растёт, продвигаясь всё время в толчее странных дядь с фанатично горящими глазами, бормочущих странные стихи, не всегда трезвых, но, в общем, добрых, смешных, чудачковатых, глядящих на него с робкой улыбкой, как бы прося прощения.

Или наоборот, старательно разыгрывают «мужскую дружбу» с похлопыванием по плечам, вопросами о друзьях, драках, путешествиях, играх, с воспоминаниями из своих детств. Алёшка широко раскрывает свои серо-зелёно-синие глаза, цвет всё никак не может установиться, и смывается в нашу комнату или в любимый двор. Совсем недавно я была студенткой-филологом ДВГУ и разговоры этих дядей мне были интересны, но потом меня отчислили, как неуспевающую, не успевала нянчить ребёнка, вести дом, рисовать и учиться, - теперь пробегаю мимо сборищ. Правда, одним ухом слежу, о чём они? Совсем не догадываюсь, что и малыш тоже... Однажды узнал голос по радио. – А ... почему Саша Вольнов? Это не наша фамилия. - Так надо, ему нельзя вести по радио личные разговоры, вот он и придумал «Вольнов», чтобы поздравить меня с днём рождения и сказать, что скоро будет дома. Сын посмотрел прозрачно, а в голове что-то усложнилось, сделало кульбит неизвестно в какую сторону. Уже

третья наша весна в этом доме-дворце, рисую на скорую руку шариковой ручкой с красной пастой красные дома, красную дорогу с красными ручьями и лужами, красные облака, красные деревья с весенними почками. Скорей, скорей, пока эта картина перед глазами! А посреди дороги бежит-летит мальчик с поднятыми руками, счастливый, ликующий, полный нежной, молодой, но несокрушимой силы... Прошло 35 лет, а этот рисуночек на тетрадном листочке всё ещё излучает энергию и счастье, лучшего в жизни я не нарисовала. И не повторить его. Как сказал Шубин, - Повторить себя может только Мастер.

Лариса, знаток всяческих льгот и возможностей, которые может законно выжать работающий в порту из этой мощной организации, проболталась, что летом с семьёй поплывёт на пассажирском теплоходе на Камчатку. По положенному бесплатному билету. - А я? А мне можно? - Да конечно, хоть на Северный полюс, но только нашими пароходами. Нет, нам бы на Сахалин, сын уже месяц отца не видел, он где-то там, в экспедиции. - Напишешь заявление и отнесёшь в контору, Мясникову, он дядька хороший. Долго ли, коротко шло оформление - не помню, память сама выбирает, что хранить. На «Марии Ульяновой» приплыли в Корсаков, потом в Невельск, где нас встретил Саша. С букетом тюльпанов, хотя было начало мая, а не Восьмое марта. Привёл в микроскопическую каюту траулера, где мы и прожили дня три.

Отец с сыном общались, играли, читали, ели, а мне хотелось поскорей убежать от них на улицы этого маленького сахалинского городка и бродить одной в поисках себя, молодой, сильной, одиноко мечтающей, когда-то случайно заброшенной сюда судьбой на полгода в самое суровое, зимнее время. Сравнить себя сегодняшнюю с той, которой я была тогда, одиннадцать лет назад. Здесь прожито и понято немало, и углы характера сточены, чтоб не мешали, и извилины в голове разрослись и разветвились, и, может, не только для того, чтобы выжить. Голоса моих мужчин пробивались, как странная музыка, теперешняя моя жизнь была настолько не в тон тогдашней, и я уже осознавала себя другой, не лучше, а, пожалуй, хуже, потому что была избалована хорошим. А та я, борющаяся за жизнь и с жизнью, моложе, смелей, сильнее, открытей, куда мне теперь до неё! Та жила, как весь народ, а эта - как жена известного журналиста. Та по чужим углам, на трудных работах, на голодном пайке, а эта... слов нет. И в то же время та именно этой хорошей жизни добивалась, мечтала о ней... Вместо того, чтобы с горящими глазами и дальше, и всегда... вместо мещанства, вещизма, эгоизма, успокоенности... Но детям нужна именно хорошая и нормальная жизнь, а женщине нужно только то, что нужно её детям... Ладно, свожу их в лесок возле дома дяди Васи и его жены. Скорее всего их избушки уже нет, получили квартиру в новом доме, городок полон новостройками, но место я найду, ведь и я ходила на работу на эти новостройки, каждый день протаптывала тропинку в снегу. Кое-как одетая и обутая, с книжкой Рокуэлла Кента за пазухой; счастливая ни от чего, впервые увидевшая заметённые выше крыш дома и стадо сивучей возле причала,

в предвкушении весны стонущих и воркующих на весь город.

Да, бревенчатая избушка дяди Васи стояла нежилой, и рядом тоже брошенный дом, вся улица такая. Только в одном дворе лаяла собака, кудахтала куры, обречённо в безветрии до земли свисало бельё с верёвки. Мы так бы и топтались, не зная, зачем пришли и что делать, но выбежала девочка лет десяти, худая, шустрая, в одном сарафанчике и сандалиях на босу ногу, взяла за руку закутанного от сахалинских холодов Алёшку и повела в лес за подснежниками. Он шёл, как привязанный, забыв о нас. Мы плелись сзади, подбирая сбрасываемые на ходу одёжки сына. У Алёшки было такое лицо, что хотелось отобрать его у девочки и сказать: мы – твои родные, а не эта Оксанка! Лес был на вершине сопки, дикий, как всё на Сахалине. В стиле чудесной эклектики огромные сугробы, лишь слегка осевшие от майского солнца, вдруг переходили в робкие полянки подснежников цвета талой воды, прозрачные, на таких же бледных детских ножках. И эти создания теснили сугробы, выглядывая из каждой крошечной проталины. Оксана смеялась, проваливаясь в снег то одной босой ногой, то другой, быстро набрала букет и протянула его мне, потом вытряхнула снег из сандалий, опять схватила нашего ребёнка, и они поскакали по зеленеющим пригоркам. Я прижимала к лицу подснежники и не могла надыхаться их неземным чистым запахом. Перед нами лежало пол Сахалина, каменистая земля, переходящая в неласковое море. Ту далёкую зиму я тоже проходила почти босиком, в старых кожаных ботинках, подаренных мне в бригаде штукатуров-маляров. Дядя Вася каждый вечер ставил их сушиться на какой-то печной выступ. Его жена, маленькая, повязанная платком даже дома, неразговорчивая до полной немоты, нигде не работала, крутилась возле печки в тёмной кухне и готовила, и стирала там, воспринималась каким-то доисторическим существом. Вечером, придя со стройки, я была уверена, что тарелку супа старушка мне нальёт, но спала я в неотапливаемом зале под необъятной дядивасиной шубой, электричество жечь не давала. Это была как бы моя семья, я помню её всю жизнь. Неужели они умерли и не узнают уже, что я их без конца вспоминаю, хожу по их улочке, где живут только старики, дети и домашние животные. - А Оксана у вас не простудится? - Неет! Она калёная! - старуха беззубо смеётся, петух со двора крикливо-бодро подтверждает.

Мы уходили из этого ветхозаветного места с библейскими пейзажами на сахалинский лад, всё время оглядываясь на Океану в ситцевом сарафанчике, она без усталости махала нам рукой, а мне даже нечего было подарить ей...

Всякий раз удивляешься, что Владивосток встречает тысячью оттенков серого цвета, почти всегда, и не надоедает ему! Но это ничего, мы привыкли, а ему даже идёт, строго, серьёзно, слегка по-военному, не заигрывая.

Странное чувство после любого, хоть самого маленького отпуска, отгула - скорей на работу! Убедиться, что ты встроена каждым своим днём непоколебимо и надёжно, как деталь, в некий механизм жизни. Убедишься, и на

душе спокойно, снова можно жить в неволе и рваться за её пределы, мечтать и грезить о следующем побеге. Пассажирский лайнер «Мария Ульянова» плавно идёт вдоль акватории порта к морскому вокзалу, к рабочим будням и семейной суете.

На дореволюционном деревянном виадуке от трамвайного кольца к управлению порта и проходной в который раз встретить страннейшую женщину, уж не зеркало ли моё? Снова уловить холод внизу живота (там пугаются нерождённые дети) от хлипкости и раскачивания этой древней дороги в порт над многопутевым железнодорожным пространством со сверкающими рельсами, огнями, пассажирскими вагонами и товарняками, тянущимися до эгершельдовского казанского моста, который не символически, а буквально и есть конец Транссибирской магистрали. Порт на месте, отдел мой тоже, начальник где-то в утробах погрузки-разгрузки, инженерши в ВЦ, на месте один Павел Степаныч, улыбается мне, испуская успокаивающий запах дачной земли и навоза. Я готова услышать, что меня сократили, но ничего такого, даже наоборот: на столе указания писать плакаты к 60-летию Советской власти. Наверно, без плакатов портовской народ и не вспомнил бы. Ну раз пока все хорошо, можно что-нибудь порисовать, женщину ту, про которую Лариса сказала, - Да, какая-то она не такая, я давно её заметила, кем работает в порту, чёрт её знает, может, кладовщицей... нет, у такой можно полсклада утащить! Из чирканья карандашом на бумаге проявляется невысокая, худая женщина лет тридцати, тщательно, аккуратно и продуманно одетая, явно вкус есть. Но главное - лицо, вернее, выражение, словно она, не торопясь, ходит по художественной выставке не меж грузчиков, крановщиков и машинистов, а среди чисто одетой эстетской публики, да и картины не на стенах развешаны, а где-то внутри нее, яркие и прекрасные. Ходить на фоне порта с таким лицом, бесстрашно открывая всем сокровенную внутреннюю жизнь! Всегда, каждый день, много лет... Безвредное безумие, воображение, победившее реальность, насыщенная жизнь сразу в нескольких мирах. Не знаю, есть ли у неё семья, да для неё это не проблема, и мужа, лучшего на свете, и умных, здоровых детей она выдумает без труда и проживёт с ними сто лет в любви и счастье. Легкие тени чего-то переживаемого, невидимого никому, кроме неё, все же иногда меняют её лицо, не стирая, однако, основного выражения блаженства. И на работу исправно ходит, не лежит в каких-нибудь «жёлтых домах», как некоторые знакомые Сашины поэтищи, тоже живущие одновременно в нескольких мирах. Кто-то сказал, что чудачки спасут мир, чудачества не позволяют миру закаменеть, делают его эластичным, подвижным.

В действительности всё не так, как на самом деле,- лукавая фраза, списанная мной откуда-то в тетрадь афоризмов, без конца меняет местами кажущееся и реальное, как в случае с Сашей Романенко. Кажется, несчастный человек, инвалид со смешным, детским лицом, а подойдёшь ближе, поговоришь

и к лицу привыкнешь, и поймёшь, что и инвалидом можно жить и радоваться, и даже восхищаться тем, как не тело управляет твоей жизнью, а интеллект, характер и свой собственный взгляд на всё вокруг. В общем, до тебя доходит грандиозная непростота жизни. Надеюсь, Романенко простит моё бесцеремонное обращение, - его тонкая душа уже очень далеко. А, может, уже близко и совсем в другом, облике...

Впереди лето, надо много всего купить, малыш за зиму из всего вырос, а у Саши из-за его активной жизни всё истрепалось. Он лысеет, перекладывает боковую сохранившуюся прядь на макушку, но ветер сдувает ее обратно и она ленточками развеивается сзади – Саша называет свою причёску бескозыркой. Без летней кепки ему никак, в прошлом году еле нашла на барахолке, но в Одессе на шикарнейшей улице с видом на порт в голубой дымке один одесский поэт запросто снял красивую кепочку с Сашиной головы и надел себе на голову. - Это на память,-сказал. Я чуть дар речи не потеряла. Поэт оказался однокурсником, они обнимались, пошли вино пить, мы с Алёшкой за ними. Я молча кипела, ну не виновата я, что у нас не делают самых необходимых вещей и на доставание их приходится тратить столько жизни. Убила бы этого наглого однокурсника! - У тебя такие щёчки, а ты ругаешься, - вдруг говорит мой пятисполовиниолетний сыночек и хитро щурит глазки, знает, что я смешливая до глупости.

Мы с Алёшкой живём как бы в тени всех этих сборищ, ярких персонажей, богемы, нацеленной в вечность. Пробегаю мимо в нашу отдельную комнату с тарелкой супа, чашкой чая, с ворохой снятого во дворе высуженного белья, с детским горшком, или ещё с чем-нибудь, никто не обращает внимания, и хорошо. Я как мебель, но стараюсь улыбаться. Сева Кольман, правда, посторонится, извинится - огромный мужчина, влюблённый в театр, куда устроился рабочим сцены, а мог бы у станка стоять, чем-то серьёзным в жизни ворочать. Иногда заметишь такое лицо, словно за ним божественная истина, последняя правда о мире, а потом прислушаешься - декорация, задолбанный жизнью человек, энергии только на то, чтобы «приехать на край земли» со своими «божьими искрами» и мечтой о славе.

Саша рождён, чтобы жить на перевалочном пункте, встречать, кормить, устраивать на работу, это его мир. А меня никто не спрашивает, нравится ли мне весь вечер жарить полные сковороды картошки, чистить селёдку, спотыкаться о пьяного Колю Гречаного, лежащего по диагонали через всю кухню-прихожую. Мне бы отдохнуть после работы, ребёнку книжку почитать, помечтать перед сном, взглянуть во что-нибудь и, хотя бы мысленно, нарисовать. Хорошо хоть ночь – моя, выйти в тёмную узкую бутылку двора к ржавой трубе с водой, - пока медленно накапает полное ведро, тихо полюбоваться огнями неба сверху и улицы Ленинской внизу, послушать шелест дворового дерева, не знаю какой породы. На деревьях душа отдыхает. Старые, молодые, кривые от ветров, даже самые неказистые, они хорошо пахнут, излучают врождённую доброту и

самоотверженность, им и голос не нужен, чтобы утешить человека...

Саша натаскал угля, дров, воды и ушёл в море. Лето пока только в календаре и больше нигде, но свобода опьяняет, и я бегу за Алёшкой в детский сад пораньше. Пахнет детским ужином, вспоминается своё, как цветы на тарелках в детсаду смешивались с манной кашей, придавая ей особый вкус А у сына так же? Спрошу.

Но сегодня праздник свободы, вперёд! Сбегаем с нашей Суханова прямо к паромной и катерной переправе, за Золотым Рогом таинственный, зелёный мыс Чуркина, там под вечерним солнцем красивое здание с огромной фигурой Гулливера, кусты сирени, музыка из окон, восторг, что мы живём на свете. Сыннок лепечет мне страшную сказку о приключениях моряка. Я хохочу до упаду от драконов с десятью тысячью голов, электрических скотов (скатов) и скелетских костей. Поправляю его, он возмущается: - Не мешай, мама, я так хочу, у меня не по-твоemu. Я целую его в холодное оттопыренное ухо. - Ты вроде чего-то хотел, иди в кусты. - А ты меня подождёшь? Не уходи далеко! Эх, если бы лет десять назад я увидела бы один этот миг, как счастливо бы ждала его...

А у нас опять гости, телефонов ни у кого почти нет, и случайность самых невероятных гостей – железный закон нашей жизни, на который может быть один ответ: «Всегда готов!» Чудаковатые “поэтищи” стали казаться обычными, а вот на этих новеньких хотелось смотреть и смотреть, и хочется смотреть даже из сегодняшней жизни, через 35 лет. И даже ещё пристальней, зная будущее. Он и она сидели за столом, где только чашки с чаем, больше ничего, и казались одним существом, излучающим вокруг нежность и тишину. Спокойные, улыбочивые прибалты, очень молодые, моряк с рыболовецкого судна и его жена. Среди разрисованных мною морскими пейзажами пустых стен в нашем бедном, но уютном дворце. Я поглядывала то на них, то в подаренный ими альбом неизвестного мне литовского художника Чюрлениса, и то, и другое завораживало и восхищало, так и запомнились вместе, и Пятрас Ранонис постепенно приобрёл облик художника Чюрлениса, может, сейчас и реально такой, не румяный, молоденький парень, а худощавый, строгий, с тёмными блестящими глазами. Звоню Саше: - Ты помнишь литовца Ранониса? - Конечно: радист с траулера «Серьшево». Знал только литовский, радиogramмы перевирал, все матерились. Теперь знает только русский язык, работает охранником на Фарфоровом заводе. Отец прислал ему учебник по литовскому, сказал: - Выучишь - возвращайся! - А жена его? - Не знаю... Хотя, подожди, недавно дневники перечитывал, вспомнил! Разошёлся и с первой, и со второй. - А дети с первой, Леной, были? - Про детей ничего не знаю. Лето, опять наплыв, верней, наезд паломников на край земли. Запала хватает только чтобы приехать, потолкаться в большом диком городе, побродить возле моря, поьянствовать, сочинить что-нибудь, если повезёт, похвастаться потом в европейской части СССР... Всерьёз менять жизнь никто не собирается, поэты, а практичные. Хотя из сегодняшнего прагматичного века они

видятся 30-40-летними детьми эпохи застоя, для большинства, как скажет потом наш сын, бывшего Детским садом для взрослых. Впрочем, моим подругам они нравились, те приносили бутылки сухого вина и рассаживались на свободные места слушать их несовершенно стихи, бредовые разговоры, что попало. Главное – не мужья со своими требованиями, эти же пели, как птицы. Одну из подруг даже увёл один поэт, на время.

Однажды сошлись полные антиподы, буйно-жизнерадостный Ян Вассерман и мрачный мистик Валера Земцев, для всего на свете находящий в своей голове какие-то вселенские причины. Высокий, полный, в одежде и обуви нараспашку Вассерман или прыгал козлом или расхаживал по комнате, сидеть неподвижно не умел, а Земцев, маленький, черноволосый, непроницаемо-черноглазый, застывал в уголке. Голубые, но по-еврейски выпуклые глаза Вассермана радостно обегали всех присутствующих, находили кого-нибудь женского рода и вот он уже рядом, приобнимает, ухаживает, наливает, подносит на вилке что-нибудь со стола. При своей расхристанности он из всех самый стабильный, естественный, на нём написано: вот так я живу и ничего мне за это не будет, и жить буду вечно! Развёлся, платит алименты дочке, живёт на шикарном Океанском проспекте в просторной квартире со всеми удобствами, в раскрытых невымытых окнах сверкают бегущие городские огни, под столом пустые бутылки, на кухне залежи грязной посуды, про которую говорится: посуда должна мыть себя сама.

Звоню Саше: - А кем был Вассерман, на что жил? - Врач-терапевт на плавбазах, очень хороший врач! - Ну, я его помню всегда на берегу. - Ну да, отпуск, отгулы, между путинами, конечно, на берегу. - Не представляю его в белом халате... А кем Полковник работал, ну, Толя Ревуцкий? А Коля Рыжих? - Ну ты даёшь, Томка, память у тебя хуже моей! Толя в кузнечном цеху на заводе, первая книжка у него называется «Рукотворный гром», а Коля Рыжих всю жизнь капитаном на малом рыболовном сейнере с восемью членами экипажа, считай, на шлюпке, на Камчатке, в Тихом океане. Однажды их МРС в такой шторм попал, что вот-вот ко дну, и пообещал Колька морскому богу десять книг написать о море и морях, вымолил у Нептуна спасение. Не знаю, сколько успел написать, но помню «Синее море», «Ясное море», «Бурное море», «Чистое...» - Да, я какое-то из морей начинала читать, но всё некогда было. Когда муж творческий, жене ничего не остаётся, как утонуть в хозяйстве. Бросил трубку, пусть...

Наверно, у каждого в «биографии» должен быть какой-нибудь завод, цех, стройка, плавбаза, фабрика или железная дорога, место, где он был простым работягой, рабочим классом. «Из крабоварки пар валит на всю Камчатку, а я на пар и на Камчатку не гляжу. На вира-майне я весь в беленьких перчатках кому-то в Англию продукцию грузжу»... - Саша, это Вассерман? - Здравсьте! Это Юра Кашук. «...У нас на палубе непыльная работа, вон на лебёдках сам товарищ помполит. Он «пашет», видите, не до седьмого пота, и над Камчаткой пар не от

него валит». - И такое печатали? - Не печатали, строчки ходили по рукам, их пели. - Точно! «Одолень-трава»! Даже по Всесоюзному радио. Кашук ушёл, оставив две замечательные песни, тромб убил его не хуже пули. - А у Вассермана про Сизифа: «И он ташил, худой, костлявый, ташил, измученный, больной, был этот божеский концлагерь ничуть не лучше, чем земной». - Я только одну строчку помню: «Чтоб вечно начинать сначала – тут надо верить до конца».

Сын изрисовывает каляками-маляками альбом за альбомом, мне жаль денег, на которые можно было бы купить много нужных вещей, альбомы не покупаю, начинается рёв. Плачущая детская мордочка настолько прелестна и умиротворительна, что вызывает неудержимый смех. И тогда ангел начинает бессильно драться из-за того, что ты не воспринимаешь его слезы всерьёз. Мрачный детский взгляд впяряется в тебя, как во врага. Поневоле зауважаешь, обещаешь купить, даже стыдно становится за свою чёрствость. Господи, в каких бы мы зверей превратились, если б не дети! Звоню, теперь сыну: - Сынок, ты помнишь Сашиних друзей, поэтов, художников, журналистов? - Конечно, ещё бы, то приезжали, то исчезали, то снова появлялись. - Ну да, твой отец их в море устраивал, то с путины они, то между рейсами... - Вассерман был ого-го, Шубин... - Так они тебя и не замечали... - Вот и хорошо! Не напрягали. - А Романенко помнишь? Весёлый, на костылях, на крошечной машине приезжал, специальной, для инвалидов.

Машина эта скорее всего была мотороллером, переделанным автопромышленностью в двухместный автомобиль, трясло в нём, кидало, под ногами опасно вибрировало дно, но мы мчались из Садгорода во Владивосток, смеялись каждую минуту и чувствовали себя юнцами-экстремалами. Рядом с Романенко только так! Любовью женщин он был обеспечен до конца. Одна юница рассказывала мне с восторгом: - С каким человеком познакомилась, даже не знала, что такие бывают! Физик, облучился в какой-то научной лаборатории, такие стихи читал! И это о невысоком мужчине на костылях, еле ковыляющем по улице, кренясь на все стороны. А лицо у инвалида при этом радостное, светящееся, в разговоре сплошной блеск интеллекта, ирония к себе и полёт над всем миром. Но в Союз советских писателей не приняли: «Ты физик, но от физики ушёл, а к лирике не пришёл».

В субботу мы с малышом ходим в баню, и пораньше, чтобы удалось купить билет в отдельный номер. Обе бани далеко, на Луговой или на Комсомольской, обратно пойдём распаренные, надо одеться потеплее. Иногда приходится ждать назначенного в билете времени, и я вспоминаю детство, потому что всё, связанное с баней, как и тридцать лет назад – большая очередь, сумки с бельём, тазы и шайки, скользкий пол, прилипающие чистые трусы и майки, газировка с сиропом при выходе, закутанность и счастье чистого, лёгкого тела. Наверно, у Алёшки останутся такие же воспоминания, как будто мы ровесники, а ведь из разных эпох! Странно. Или нет? Или 30 лет не срок?

Привыкнуть к этому дворцу-музею, как к нашей квартире, так и не получается: то ли мы украли, то ли в гости пустили, фантазии-призраки теснились в голове, одна, наполеоновская, выстроила ещё одну большую комнату в принадлежащем только нам гулком лестничном проёме, как бы подвесив её между этажами и сделав лестницу, хоть с улицы, хоть изнутри. Ведь высокое арочное окно уже есть. Скоро Сашин знакомый студент даром приволочёт лодку и повесит на одну из стен проёма возле окна, создав нечаянно романтический интерьер. В перестройку студент станет знаменитым Колесовым, издающим журнал «Рубеж».

Портовые сквозняки достали и меня. - Здесь все женщины страдают воспалением придатков, - говорила врач из больницы водников, но у меня добавилось и воспаление лёгких. Утешало слегка, что я не одна такая, в шикарной, водздравовской поликлинике стою в очереди на укол, среди белого дня не на работе, ребёнок в садике, муж в море – прямо подарок судьбы для бедного художника! – Двустороннее, - говорит врач. – Только в стационар, вот направление. – А куда же я ребёнка дену!

После случая пять лет назад, когда Саша пошёл погулять с полугодовалым Алёшкой в коляске и пропал на четыре часа, а я с разбухшей от молока грудью обезумевшей наседкой бегала вокруг дома, всматриваясь во все стороны горизонта, оставить на Сашу ребёнка! А больше никого нет, ни одного самого захудалого родственника... всё-таки срочно «высвистеть» мужа с моря. Высшие силы услышали меня, и Саша явился, и племянница с подружкой свалились на голову из своих Сочи, ивдетсаду объявили переезд старшей группы на детсадовскую дачу, на пригородную станцию «Океанская». Правда, сочинские молодые, весёлые блондинки на третий день напугали меня до смерти, оставив на столе полную чашку разведённой перекиси водорода для подкрашивания волос, жидкость, прозрачную, как вода! Алёшка же всё время прибегает со двора попить водички... До сих пор не простила им.

Ведомственная больница на остановке «Академическая» утопала в деревьях, травах и цветочных клумбах, но когда женщина не нагружена работой, она не знает, зачем живёт. Кормят, чистые постели стелют, уколы и процедуры делают, телевизор под пальмами в фойе. Валяешься, смотришь на облака в окне.

Господи, на кого я кинула свою детку! Ведь сейчас у нас дома гремучая смесь из отвязанных, безответственных блондинок, Саши с его друзьями и всяких приبلудных поэтов и чудиков. А если ещё и Муська котят родила? Месяц назад Алёшка приволок с улицы: - Котёночек! Котёночек! А оказалось – беременная кошка, только очень маленькая. В «Ноевом ковчеге» - всё пригодится, Муська поймала мышь. Призраков в нашем замке полно, но они мышей не ловят. Что же мне остаётся делать? Лечиться изо всех сил и молиться, надо вспомнить хоть одну молитву, мать же учила нас когда-то, начиналось «Отче наш...». Эх, и спросить

не у кого, вряд ли кто-нибудь знает... Где-то читала, что мать маленького ребёнка редко болеет, не может себе позволить и как бы отдаёт своему организму приказ не болеть. О, вспомнила: «Иже еси на небеси»...

Не выдержав, наконец, законных впечатлений, скрывающих необозримые сокровища новых пространств, пейзажей, открытий, я выпросила тёплый, длинный халат у соседки по кроватям и крадучись, через десятки дверей вышла на волю. Шла и шла по каким-то дорожкам, тропинкам, как пьяная, счастливая, не чуя ни своей болезни, ни ног, ни страха в этих незнакомых дебрях. Мимо с длинным журавлиным кликом промчался поезд, я проводила его глазами и вдруг заметила вдалеке кого-то или что-то, машущее ему ветками или руками. Оказалось это высоким, совершенно одиноким кустом доцветающей сирени. Наверно, тут стоял дом, как же тут можно было жить, в десяти метрах от день и ночь грохочущих железнодорожных составов? Куст вырос за уютным высоким забором, заглядывал в окна, радовал и хозяев, и прохожих. Дом сломали, забор упал, жильцы уехали, куст, как брошенное домашнее существо, бывшее когда-то домашним любимцем, которое удобряли, поливали, ставили ветки с гроздьями в вазы, остался один. Стоит на придорожной насыпи под ветрами с моря и от пролетающих поездов, протягивает кому-то свои голубовато-бледно-сиреневые душистые грозди, издали похож на человека.

После встречи с кустом сирени гулять стала каждый день, не уставая удивляться, что мне подарено столько свободного, никем и ничем не занятого свободного времени. Однажды вышла – на ступеньках под зонтиком сидит какой-то незнакомый мальчик. Опирается головой на ладонь тонкой незагорелой руки, задумчиво смотрит в сторону железной дороги, где как раз пролетает электричка в сторону станции «Чайка». Такой маленький, а совсем один, тихий, мудрый. Услышал мои шаги, обернулся, посмотрел невидящими глазами. - Алёшка! Молча встал, взял меня за руку, пошли по асфальтовой тропинке между настурциями, георгинами, душистым горошком, петуньями. - А где Саша? Почему ты один? - Саша опять кого-то встретил, они вон там! Как-то меня спросили: - Почему он отца по имени зовёт, неродной что ли? - Абсолютно родной, разве по мордочке не видно? Просто все его – Саша, Сашка, ну и сынок привык. Отцу даже нравится.

- Ты воду из ведра на кухне пьёшь? Пей только там. Из чьих-то стаканов на столе не пей! - Так я же на даче, а не дома, просто Саша меня на сегодня выпросил у воспитательницы, к тебе. - А как тебе на даче, ты же велосипед трёхколёсный взял туда? - Там горки, у него колесо отвалилось, Саша обещал приделать. Про ту детсадовскую дачу сын ответил мне только через тридцать пять лет: - Я ходил рыдать в кусты, чтоб никто не видел. - ??? - Не знаю, зачем. Но рыдать было очень сладко. Ко всем приезжали, а ко мне нет. - Так я же в больнице лежала, а Саша, сам знаешь, сколько у него дел, а больше у нас никого нет, мы же приезжие, все родственники в Рязани и в Белгороде-Днестровском.

Надо же, в свои пол-шестого лет рыдать!

Кстати, такой период мудрости и вдумчивости, когда Алёшка мог целый час рассматривать ромашку, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую (есть фотография) в это же лето и закончится. На августовской фотографии он убегает от нашей компании по пляжу, оборачивается и показывает всем язык, личико зверское, ругать бесполезно. Наши гости-блондинки бегают за ним, хохочут, устраивают кучу малу.

За нашим замком на улице Суханова ещё очень много деревянных домов и бараков, полно детворы и Алёшка без конца приводит новых друзей, он лидер, уверен в себе, его слушаются! Останется ли в нём хоть частица того, кто больше всего на свете любит читать книги и иногда рыдать в уголке? Вот сейчас смотрит сквозь меня, не видя меня, как сквозь окно из нашего времени в своё собственное, на своих будущих друзей, в свой будущий мир. А ведь ещё совсем маленький, что же дальше будет? - Муська котят не родила? - Нет, Саша ничего не говорил. - Да он может и не заметить! - Мам, нарисуй лошадку, у Витали есть пластмассовый индеец на лошади, эх, мне бы... - А где их достают, в «Детском мире» никогда не видела. - Не знаю, но у многих есть... - Значит, перешли с русских богатырей на американских индейцев? Ну, вот лошадка тебе... Не умею я их рисовать. Один древний японский художник всегда рисовал лошадей привязанными, чтобы не ускакали со свитка, ну, с длинного листа бумаги... Наконец-то сын посмотрел на меня так, как будто я и есть тот художник. Наконец-то племянница забежала с кульком пряников, хоть расскажет, что там, дома.

- Плитка ваша перегорела, Саши дома никогда нет, Муська окотилась четырьмя котятами, я им за диваном постелила.

- Лена, слегка растягиваешь спираль в месте перегорания и надеваешь друг на друга концы спирали. Снова перегорит, снова так делаешь. До бесконечности.

В палате стояло восемь коек, все заняты. Наверно, из-за повышенной температуры, особенно вечером, все разговоры казались бредом, а все женщины сливались в одно жадно-говорливое существо. Вываливали из себя всё: недовольство мужьями и детьми, ужас аборт и трудных родов, претензии к родственникам и начальникам. Постепенно накал снижался, наконец, перешёл на противоположный взгляд на те же самые вещи, уже смеялись там, где только что плакали. В общем, совершили полный кругооборот, и тут я вдруг уловила вместо привычных кулинарных рецептов и обсуждения цен на Баляевской барахолке что-то странное: летающие тарелки, инопланетяне, похищение людей на другие планеты, пришельцы и полтергейст. Захотелось надеть очки и на самого рассказчика поглядеть, как на пришельца, кто это?

Рассказывала студентка с кровати в углу, но и другие добавляли, уточняли, были в курсе. Кажется, я сильно отстала от жизни, я знала только одного пришельца – своего ребёнка. Чем не инопланетянин, всему удивляется, и я вместе

с ним, как бы увидев впервые. Обоим не больше шести, стоим, рассматриваем, взрослые всё забудут, а дети – никогда, хоть через полвека, а вспомнят. А кто сфотографировал нас – не помню: стоим, зажмурившись от ветра, на площади, на фоне военных, полувоенных и научных кораблей, и Алёшка взрослее меня. Спасибо, сынок, ты меня удочерил, подарил второе детство...

Больница хороша тем, что здесь никто от тебя ничего не требует, лежи себе тупым поленом, замечая только медсестру с уколом. И Алёше хорошо на даче, а то Саша приводит в дом всех без разбора, иногда испугаться можно. Прямо квартира номер 50 из «Мастера и Маргариты». Для Саши, естественно, они все замечательные, поэты и поэтессы, журналисты, капитаны, радисты, судовые механики, редакторы, режиссёры, шофёры, бичи и бродяги, и просто «сегодня вот познакомился». Не жизнь, а кино. Но в молодости всё прекрасно, присмотришься – действительно, замечательные, особенно, если не очень устала за день.

Добавить к рассказам соседок об НЛЮ мне было нечего, но совсем не участвовать в палатной жизни как-то... Села рисовать карандашом девок в ночных, ситцевых в цветочек, рубашках и больничных халатах без пуговиц. Одна получилась тургеневской девой из девятнадцатого века, до сих пор валяется где-то в архивах. Вроде полечало, только голова кружилась, но выписали, лето же, само пройдёт! Пошла проститься с кустом сирени. Сирень становится сиренью только на две недели в году, когда цветёт, превращается из невзрачной золушки с пыльными листьями в сияющее облако, чудо природы. А если идёт весенний дождь и вода стоит в каждом из тысяч мелких цветочков, превращая их в линзы! А рядом тёмный деревянный забор, тропа в траве и тучи башнями до горизонта...

Дом наш и так-то всегда с широко распахнутыми дверями, а теперь ещё и с поселившимися блондинками переходил в сознании в некую гостиницу, а я – в прислугу. Не до рисования, наставили мне сплошных троек за первый курс, ну и ладно, как-нибудь... Женская жизнь для себя идёт по минимуму. Саша в первый же вечер после больницы потащил меня на ещё дрожащих ногах к «ллойдовскому капитану Новикову». - А что это? - О! Это высший класс, диплом Ллойда! Кроме полусумерек огромной квартиры, за которыми не просматривался ни сам легендарный капитан, ни его жизнь, и бокалов с каким-то вином ничего не запомнилось. За Алёшкой можно было ехать только в родительский, субботний день, поэтому в пятницу опять в гости, я – просто хвост зверски неутомимого, жадного до всего Саши. «Я навеки в новое влюблён» – из его стихотворения. Через час или пять минут это «новое» становится «старым» и надо снова спешить в дорогу, он боится не объять необъятное, глотает непережёванное, может, и неосознанное, значит, и незапомнившееся. Тогда зачем? А мне бы просто сесть в уголке и рисовать тот куст сирени. Но мы – реактивные ракеты, вперёд! Вдруг вспоминается мать-одиночка из гостинки на Корнилова, 4, где мы снимали комнату. Наш первый день там – прямо из роддома, в руках чемодан и свёрток

с Алёшкой, а кругом сугробы в метр, такси буксовало, но доехало. Любимым словом этой уже не очень молодой матери-одиночки было «мужчина». Дочка лет трёх повторяла за мамой: - Мучина, мучина. Мать смеялась. А ведь точно – от слова «мучает». Я седьмой год замужем, а всё ещё восхищалась Сашей, как говорится, лучшее, что может подарить мужчина женщине — это восхищение им.

«Честный понедельник» приблизился на расстояние одной ночи, нутром чую, что меня уже уволили или сократили, целый месяц на бюллетене, счёт порта ко мне все растёт, и платить этому работающему мужику в робе и каске, с обветренным лицом, мне пока что совершенно нечем. По-отечески пригрел меня, козявку, а я толком даже не нарисовала его портрет, думала, успею, потом... А «потом» превращается в «никогда».

Утром я не торопилась, не давилась булкой с чаем, не скатывалась бегом с лестниц и с нашей 45-градусной сопки на Лазо, инстинкт подсказывал, что всё это уже никому не нужно, жизнь без моих усилий, сама собой переходила в другую стадию развития. Может, там уже не придётся писать лозунги к очередной годовщине революции или хотя бы не такие длинные, как этот: «Беззаветное служение Родине, народу, преданность Коммунистической партии, Советскому правительству, коммунистическое отношение к труду, к социалистической собственности, дисциплинированность, выдержанность, настойчивость в преодолении трудностей – отличительные черты советского человека». Пока пишешь кистью белым по красному (трафареты я делать не умела), выучишь слова, как молитву, и согласишься с каждым, пусть врут, но красиво же!

Не помню в деталях, кажется, сказали, что мою должность сократили, не глядя в глаза, всучили длинный обходной лист, - поторопись всё подписать, а то ведь время отпусков! И пошла я, уже посторонняя, разговаривая внутри себя разными голосами: - Надо же, вышвырнули, как котёнка. Как ненужную деталь! - Вот именно, как лишняя деталь в нашем старом будильнике бренчит внутри, перекачивается, а часы и без неё работают. - Ну я же не одна здесь такая, есть ещё, приходят, чтобы анекдот рассказать и в столовую на обед сходить, или гуляют в Вычислительном центре без лимита времени, или спят за рабочим столом после обеда, когда тот же крановщик уже весь на «вира-майна». - Вот именно, один с сошкой, а семеро с ложкой. Быстро же ты забыла свой позор! Как говорили в недалёкой молодости, «а ещё в очках!», имея в виду глупость. Смотреть в четыре глаза и не заметить каски на голове не то что грузчика, а любого работника на портовых причалах! - Очков мало, чтобы хорошо видеть. И не забыла я свой позор... И слава Богу, что меня уволили. Если бы я была начальником порта, я бы уволила себя ещё два года назад, а ещё лучше вообще бы не взяла на работу. Но, может, это существо – Порт – хотело посмотреть на себя моими глазами? Сейчас, тридцать пять лет спустя, я думаю, какой ерундой я занималась в порту целых два с половиной года, вместо того, чтобы каждый

день, хоть помаленьку, по малой детали, рисовать грандиозный портрет этого мирного монстра. Прикрепить к стене (никогда ковров не имели и не вешали) лист картона и карандашом, углём, фломастером... пусть черно-белый, серо-дымчатый, ведь даже летом в порту ничего зелёного, цветного, сплошной суровый монохром безупречного вкуса! А каждая деталь смотрелась бы целым отдельным миром, и особого воображения не надо. Портовый кран клювом огромной нелетающей птицы нависает, выискивает что-то, задирая голову, тащит в небо, скрежеща суставами четырёх кривых ног медленно едет по визжащим от ужаса под многотонным грузом рельсам, разворачивается корпусом к морю и, утробно стрекоча тросами, с точностью до сантиметра вкладывает добычу в рот птенцу, в трюм парохода. Портовый кран похож на статую Командора, страшно представить его упавшим, титаны должны стоять, на то они и титаны, и займёт он всё полотно картины по вертикали, а всё остальное уместится в пространстве между частями его железного организма, и чайки, и облака, и тот берег с мысом Голдобина, на вершине которого видная в любой туман таинственная станция наблюдения – уютным домиком среди бешеных ветров. Справа от стоящего лицом к морю будет какая-нибудь «Орша» или «Олиторка» – грузовики, слева раскинется белоснежными бортами лайнер «Байкал» или «Приамурье» – «пассажиры». Пустая бэбээска, ожидающая погрузки леса на Японию, застынет на глади бухты призрачным древнегреческим храмом с колоннами – это корпус у неё такой, гружённый лесом, этот барже-буксирный состав похож на огромный сарай из брёвен, прямо глазам не веришь! Не вписывается в морской пейзаж, просится в загадку: «Пахнет тайгой, плывёт в Японию, что это?». Конечно, густой коктейль из запахов в порту только гений может передать – так же, как шум, или гул, или звуковой фон этого места и мечтать нечего изобразить. У гения всю ауру большого торгового порта передавали бы всякие «смазанные», чтоб не в лоб, а почти незаметным намёком, детали: масляные волны, замусоренные древесной корой с брёвен, чавкающие о стенки причалов, отражения пароходов в мазутной воде, лоцманские, рейдовые, швартовые катера и буксиры с белыми бурунами воды спереди и сзади, тепловоз, передвигающий вагоны задним ходом, и человек с флажком на подножке последнего вагона, юркие автокары с лихими водителями, грузовики с прицепами, внутривортовые автобусы, снующий народ в касках... И, конечно, чайки, чайки, чайки. И всё это лавирует, наступает и уступает, соединяется и разъезжается, делает свою работу в мире и согласии, как части одного целого. Если бы не стыдно было стоять столбом, то можно было бы смотреть часами, не отрываясь, говорят же, что на работающее можно смотреть без конца. В этом мужском мире не было ни одной женской детали, и всё жило, как заведённое кем-то огромным, надышавшим в тяжёлых думах эти клубы серых туч, выдохнувшим эти искры белых, синих, красных огней, и оркестр звуков, смесь запахов, неуклюжий, но завораживающий танец безостановочного движения, перестановка декораций: только что стояла стена

контейнеров, загораживая горизонт, а теперь ветер закручивает спиралью пыль и мусор, и отходящий пароход машет флагом на корме. А море за ним бисером сверкает, вспыхивают, гаснут, перебегают тысячи крошечных солнц. Да, надо было столбом постоять, да с красками, да не один раз, пусть бы за спиной стояли, комментировали, привыкла бы, зато картина бы осталась на память. А то – художник – название одно. Меня, может, потому и взяли, чтобы за Сашей следить, раз критикует, значит, антисоветский. Дятловский-то недаром такой подозрительный тип. Но и спасибо ему за эти два с лишним года, я как-то гордилась, когда говорила, что работаю в порту, что причастна к такому мощному существу. Теперь не узнаю даже, как далеко он простирается, не дойду до конца этого чудища, до хвоста его, который наверняка упирается в живописную зону-свалку за Казанским мостом на Эгершельде, там «Шпалы последней последний костыль вынесла к морю стальная дорога».

Я уходила, и порт не смотрел мне в спину, ему было некогда, и он меня сразу же забыл, это я оглядывалась. В здании же портоуправления просто радовалась, как демобилизованный солдат: свобода! Не по-советски красиво одетые и причёсанные конторские дамы больше не смущали меня своим превосходством, Бог с ними! Я теперь не внутри, а снаружи, просто наблюдатель, и Порт у нас с ними, наверняка, разный, может, некоторые вообще видели его только из кабинетного окна. Там же ветер, а у них сложные причёски из парикмахерской, обувь на каблуках. Надо же, сколько денег выдали в кассе! Полный расчёт и отпускные – целых 250 рублей! Я свободна и богата, какое странное, незнакомое чувство! Надо задержать, чтобы не испарилось, как эфир. Никому ни слова, и вообще не дышать. И уж, конечно, не туда, где народу полон дом, затопчут любое счастье, побыть хоть дня три в таком состоянии... В трудовой слегка цапапнуло, что и принята, и уволена маляром четвёртого разряда, не знаю, много ли это – четвёртый разряд, я бы на их месте снизила за позорные мои технологические карты. Теперь у меня нет Порты, Алёшка в загородном Детсаду, одна из двух шустрых блондинок оказалась бухгалтером, уже нашла работу и сняла комнату, племянница тоже на что-то решилась, проходит медкомиссию и уходит на плавбазе в путину, Саша устроил. Для избалованной маменькиной дочки – это героический поступок, хоть в 22 решилась, а я в 17 уехала из дома, и десять тысяч км не пугали, даже наоборот.

Жизнь у нас сейчас молодёжная, делай, что хочешь, а ребёнок живёт себе без нас, впервые в своей жизни, как бы в пионерлагере для дошкольников. В наше сегодняшнее время и представить невозможно, чтобы государство так заботилось о городских детях, которым хоть летом надо пожить на вольном воздухе среди цветов, деревьев и звёзд. Мы же, отвыкшие от свободной ночной и вечерней жизни, то в гости, то в кино на последний сеанс, а из кино на набережную, где до утра шатаются, гуляют, купаются и местные, и туристы. Август у нас – самое лето! Иногда и весь сентябрь. Законы физики одинаковы и

для материального, и вне-, тепло расширяет весь мир, а холод суживает. Саша – тёплый, широкий, я – скорее всего, узкая и прохладная, вместе нам интересно, но дискомфортно, спорим, ругаемся, остаёмся при своём. Прибежал откуда-то: - Идём в гости, пригласили. - Кто? Куда? - К профессору, ты его знаешь, в ДВГУ же училась сколько курсов? Я там только одного профессора знаю, Электрона Григорьевича. - К нему и идём, бутылку по дороге купим... К такой легенде университета, даже шире – города, всего лишь с бутылкой! Принести бы сыра, ветчины, что ещё бывает? Забыли, ничего такого в магазинах нет. Бананы... что это? В кино видела, всё равно лучше наших рязанских яблок ничего нет. Недавно сестра прислала целый ящик, но пока дошли, половина сгнила, почта ругалась... Где-то прочитала, что некий писатель мог писать только под запах гниющего яблока, а поэт Давид Самойлов – когда мимо его раскрытой двери бегают дети. Этого я больше понимаю.

Не была в доме профессора, интересно, хотя один из трёх родных дядей тоже профессор, в Рязанском пединституте, но в гости никогда не звал и с родней почти не общался, вся родня звала его «Лёшка-профессор». Он был как медаль на лике нашего рода, гордились даже огромным фельетоном в областной газете, рассказавшем, как он семь раз женился и бросал своих детей. Фельетон притормозил боевого дядю, он остался с седьмой женой, наверно, его студенткой, родил дочь, дожил лет до восьмидесяти. Я видела его в детстве раза два или три у бабушки в гостях, видела скорее всего по-детски – высокий, плечистый, басовитый, лицо викинга, словно вырубленное из дерева топором, прямые соломенные волосы, очки. Про седьмую жену говорили – красавица, умница, модница. Замечал ли он детей своей сестры Маши? - сомневаюсь, но спасибо, что просто был. «Папа есть и у сатрапа, мама есть и у имама, а любимых дядя и тётъ может и не дать Господь», - есть такие стихи.

Где-то на Хабаровской или Амурской, несущественное быстро забывается, лифт вознёс нас на самый верх девятиэтажки, и сам профессор открывает нам дверь, смуглый, черноволосый, с чёрными глазами древний грек, что преподаёт, на то и похож. Всё такой же, как и тогда, когда очаровывал полную аудиторию первокурсников-филологов. Разница между его лекциями и пресными уроками литературы в школе оказалась пропастью, он переносился вместе с нами на другие берега, мы и представить не могли, что существует такое. Ловили ушами, раскрытыми ртами весь этот дикий, косматый, безжалостный, откровенно эротический, хохочущий и печальный одновременно Космос неисчислимого многобожия Древней Греции. Профессор не прерывался часа два или три, иногда курил в форточку, прямо во время лекций. Он и сам был из того мира, бог, титан и сатир, глаза дьявольски блестели уверенной радостью, что ошеломил нас, перемешал наши мозги, теперь нам не быть такими же, как до него. Простые и недалёкие, мы враз выросли и уже не остановимся.

- А Электрона помнишь? - спрашивают те, кого он учил сорок лет назад,

тридцать, двадцать. - Конечно! - А где он? - Там же, где Древняя Греция...

Дом его оказался совсем не похожим на него, и один из красивых, в конце 70-х виденных мной. Никаких деталей, только общее впечатление райского семейного гнезда. Красивая мебель, очень много какого-то мягкого, неясного света по всей большой квартире, книжные шкафы до потолка, полные, потом убедилась, совершенно неизвестных нашим книжным магазинам сокровищ, ковры на полу, картины на стенах, запах пирога из нарядной кухни. Оттуда слышен строгий, но тоже мягкий голос жены, отчитывает старшего мальчика, уже школьника, младший, Электрон Электранович, что-то тихо канючит. Главенство жены в доме очень видно.

Что пьём, едим – никогда не запоминаю и нигде, значит, тоже несущественно, но опьянение тоже какое-то лёгкое, тонкое, не отрубающее впечатлений и мыслей в голове... Мама Зая, - зовёт жену, она моложе, строже, как говорится, из другой оперы, дети, маленькие для пятидесятилетнего отца... как, интересно, сочетаются дикие, жуткие и прекрасные мифы и легенды с этой благополучной жизнью, полной правил и порядка? Знает ли «мама Зая», какой её, тихий и пресный дома, муж на лекциях по зарубежной литературе, как горят у него глаза, как легко очаровывает он студентов? А, может, она тоже когда-то его студентка? Светских бесед ни о чём я вести не умею, спрашиваюсь поглядеть книжки. Но не удивили меня ни книги, ни альбомы авангардной живописи, где же ещё всему этому иметься, как не в таком доме, но профессор с его ахиллесовой пятой – «любовью к женщинам с цветами в волосах». Весь свой рабочий день он с этими вакханками шатается по тысячелетиям и векам литературы, учит, как песню поёт, быстрый, лёгкий эпикуреец, двоек не ставит, не гнобит студентов, всегда вежлив и великодушен, даже к тем, кто представления не имеет, кто такие Ювенал, Марциал и Тацит. Однозначности в мире нет и не может быть, и слава Богу. Так что и вакханки, и верные Пенелопы с детьми... А детей-то, кстати, уже спать укладывают, пора уходить. Я заглянула на балкон, увидала уже светящиеся фонари и горящие окна района Первой Речки. Мужчины курили и допивали в темноте; потом Саша сказал, что балкон был меблирован красивыми ажурными стульями и диваном. Надо же, заметил, а ведь такие вещи его, аскета, никогда не интересовали.

Кажется, последний раз я, мы увидим Электрона Григорьевича на книжном рынке в сквере Дворца железнодорожников, в эпоху «пира духа» по Горбачёву. Стоял холодный, мутный февраль, неподвижно застыв между январём и мартом. Ветер нёс поверх грязного снега пыль и мусор, люди в тёмном, зимнем ползали вдоль, поперёк и по кругу продуваемого сквера, в углу его Саша развёл маленький костёрчик и без конца подкладывал в него всё, что нёс ветер, в основном, газеты, которые в те времена читали все от мала до велика. Из чьего-то транзистора звучало: «Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе, ты рассказывал мне сказки, только я не верила тебе», под песню хорошо топалось

замёрзшими ногами.

Профессор со своей фирменной, саркастической улыбкой что-то рассказывал, курил, прятал руки в карман, выбрасывая только что начатую сигарету, не чувствовал, что скоро будет беречь каждую крошку табака, окурочек... На дымок костерка потянулись знакомые и незнакомые, в основном, мужики, слоняющиеся по территории продавцы или обменщики книг. Подошёл, поздоровался и ушёл писатель Шербак, как всегда добротнo одетый, молчаливый, за ним издатель Калганов в потеющих на морозе очках, ещё и ещё кто-то. Все трезвые, потому что алкоголь по карточкам или в смертоубийственных очередях. Электрон выглядел откровенно плохо, вместо смуглоты – бледность, весь в чёрном, из-за худобы кажущийся высоким. Мужская аудитория вокруг костра его не вдохновляла, превращала в кого-то ненужного даже самому себе. Так незаметно и растворился в броуновской базарной толпе, и больше уже не появился в моей жизни, говорили, уехал, далеко. Советская власть без устали следила за тем, чтобы каждый советский человек работал, поощряя особенно тех, у кого в трудовой книжке шёл непрерывный трудовой стаж, у таких пенсия была выше, и сами они этим почему-то очень гордились. Ты мог тридцать лет просиживать штаны в какой-нибудь конторе «Рога и копыта», зато шёл стаж! Произнести слова: я сейчас не работаю... - значило сильно удивить, даже вызвать подозрения, вопросы: - А как же ты живёшь? Без работы... Подруга из теперешнего времени вспомнила: - На 29-й день после ухода с одной работы (не ужилась там) я в панике забегала в поисках хоть какой-нибудь другой, через два дня мой стаж прервался бы, просто ужас. Сейчас странно, а в то время разговоры о стаже, о пенсии, о стопроцентной оплате бюллетеня, о вкладывании денег в покупку золотых украшений мне слушать было дико. До тех времён, когда эти способы выживания смогут пригодиться, было ещё более десятка лет, но некоторые, типа Ларисы-инженерши из порта, видели в волшебный бинокль будущее.

А ведь ещё Брежнев жив, ещё вместо реклам развеваются на ветру лозунги о победе коммунизма, ещё трамвай ходит через весь город за три копейки, ещё Пугачёва в телевизоре похожа на человека, а не на бандершу, и я, пока не нашла новую работу, все ещё как бы работаю в порту, просто пока в отпуску, мне же заплатили отпускные... Тёплая осень, шатаемся с Алёшкой, ходим на дневные сеансы в кино, где он бесстрашно, в темноте, бегаёт по огромному полупустому залу, потом находит меня, радуется и снова убегает.

(Окончание следует)

НЕ ПУЩАТЬ!

(Дружеский ответ на «Стерв» Е. Фёдорова)

Женщин на судно не пущать! – повелел Великий Пётр. И правильно сделал. Не женское это дело – по морям шастать. Поле их деятельности очень правильно определили немцы: всё начинается на букву «К» – киндер, кюхен и кирхен (дети, кухня и церковь). Но это было очень давно. Другими стали женщины, не хотят себя ограничивать тремя К, стараются ни в чём не уступать мужчинам. И тоже правильно делают. Чем они нас, мужиков, хуже? Они лучше! Им труднее. Дети и кухня остаются их уделом, да и к церкви они относятся более серьёзно. До чего немцы дошли – даже канцлер у них женщина, госпожа Меркель. Но – это немцы, они, как американцы и англичане, люди умные, знают, что делают. Правда, кто и поглупее, «датчане и разные прочие шведы» (ай, да Маяковский!), стараются от них не отставать. Россию Бог тоже умом не обделил. Беда, что у нас часто, как в пословице, телега впереди лошади несётся. И коль дело дошло до эмансипации, то, естественно, мы и тут впереди. Правда, сделать женщину президентом или хотя бы министром обороны мы ещё не доросли, но зато в других делах никто за нами в этой части не угонится. Ну, разве не равноправие? Где ещё (в советское, правда, время) можно было увидеть женщин, таскающих на плечах шпалы и рельсы или работающих на строительстве дорог лопатами, кирками и другими орудиями чисто женского труда? А на стройках? Таскать кирпичи и другие тяжести? Ну не чисто ли это женское дело? Однажды в Донецке довелось побывать на передовой шахте «Трудовская БИС – 5». Понравилось. Вниз, правда, нас не пустили, а наверху – красота, сплошная механизация. Идёт уголь сплошным потоком по транспортёрам наверх, к обогащательной фабрике, откуда

через бункер – прямо в вагоны. Наверху, вдоль длинного транспортёра стояло десятка два женщин. Одни выхватывали с ленты транспортёра куски породы (рыбаки назвали бы приловом) и бросали на другой транспортёр для доставки на террикон. Куски, как правило, были небольшими, но попадались и значительные (на мой морской глаз, до пятидесяти кг). Увидев такой кусок породы, к нему сразу же кидалось несколько бедолаг и, обхватив его, дружно тащили с транспортёра. При виде такой механизации мне почему-то захотелось запеть: «эх, дубинушка, ухнем!». Другой десяток работниц тяжёлыми кувалдами разбивали крупные куски угля, доводя их до общей кондиции. Тут даже не равноправие, женщины явно над мужиками превосходство обрели. Почему ж так происходит? Почему у нас женщинам самое трудное достаётся?..

Издавна в России женщин больше, чем мужчин, бывало. Причиной тому войны, смуты, революции, репрессии. Каждая из таких бед увеличивала диспропорцию. Особенно повлияли Гражданская и Отечественная войны. Да и проводившиеся между ними репрессии положение не улучшали. Сколько мужей, женихов погибло, сколько за границу сбежало, сколько уничтожили в лагерях! И как в известной песне, на десять девчонок осталось девять ребят. Это в песне девять, мне думается, осталось гораздо меньше. Большой женской проблемой стало обрести законного мужа. Существует два вида законных браков – церковный и гражданский, регистрируемый в ЗАГСе. С гонением на церковь наши женщины лишились одного «К», кирхен не стало. Законным браком стал только гражданский. Он и законный, он же и гражданский. Это уж слишком! Гражданским браком стали называть просто сожителство, совместное проживание. Рождаемость падала. Наши благодетели – партия со всеми прихвостнями (советы, профсоюзы и пр.) стали принимать срочные меры, понимая, что скоро не только мировую революцию будет делать не с кем, но и воевать будет некому, да и сажать будет некого. Запретили аборт, ввели налог на бездетность; при малейшем подозрении на отцовство заставляли мужиков (часто непричастных) платить алименты; пооткрывали множество родильных и детских домов (приютов). Законных браков не прибавилось, зато значительно увеличилось число «гражданских». Поскольку такие браки расторгались довольно просто (надел штаны, и будь таков), появилось множество матерей одиночек. Конечно, желанием каждой порядочной женщины является обретение прочной семьи, и это стало для наших соотечественниц настоящей проблемой. Какие меры ими только не принимались! Но положительных результатов это не приносило. Нельзя (в арабских странах можно) из шести мужчин сделать десять законных мужей. Узнав, что за «бугром» дела идут иначе, стадо ринулось туда. А пастухи с собаками (надзирающие и карающие органы) зачем? Немногим удалось вкусить заманчивого корма. Некоторым удавалось «поймать» иностранца дома, повезло, говорили про таких. Мне бы хоть негра поймать, думали многие. Всё это привело к тому, что, утратив «кирхен», наши дражайшие приобрели много

«киндер». Беда была в том, что по каким-то законам природы девочек и мальчиков рождалось примерно одинаково. Аномалии местного масштаба, конечно, случались. Оставшиеся набожные старухи говорили: «к войне», если мальчиков случалось больше, или «к хорошему урожаю грибов» в противоположном случае. Но женихов-то не прибывало! А как же шли дела по части «кюхен»? А никак. Для того, чтобы иметь кухню, нужно иметь квартиру. А это было позволительно очень немногим. Поскольку безбрачные и осчастливленные «гражданским» браком к таким немногим не относились, то для них существовали другие места проживания. По удобствам их можно расположить в следующем порядке: это вокзалы, сараи, «углы» в комнатах коммунальных квартир, общежития и комнаты, опять таки в общих квартирах. Жить в трёх последних местах обитания могли себе позволить только работающие. Никаких «кюхен» естественно нигде не было. В лучшем случае имелся уголок в общей кухне коммунальной квартиры или общежития, где можно было поставить маленький столик для примуса и кастрюли. Общежития в те благословенные времена были похожи на казармы. В комнате располагалось множество коек (в зависимости от площади), при каждой – тумбочка. Как в теперешних бесплатных больницах.

Дела по части «киндер» шли более успешно. Аборты сопровождалась уголовной ответственностью, противозачаточных средств не существовало, и родильные дома успешно выполняли и перевыполняли планы. Обладательниц древнейшей профессии в те времена было не меньше, чем теперь, но разница в том, что тогда эта «работа» не оплачивалась. Не было принято платить за такой «труд», а зачастую «работодатель» и не имел возможности его оплачивать. Детские дома ломались от перенаселения, детей, как правило инвалидов, стали продавать иностранцам. Появилось звание – мать-героиня для семейных женщин и пренебрежительное название – мать-одиночка для менее счастливых. Вначале быть матерью-одиночкой считалось неприличным. Однако таких матерей вскоре стало столько, что к ним начали проникаться сочувствием. Наконец (в теперешнее время) им стали предоставлять льготы по жилплощади, пособия на ребёнка и т.п. В общем, в нашей благословенной стране женщинам жилось несладко. Несладко было и мужчинам, но это уже другая история. Я с глубоким сочувствием отношусь к матерям-одиночкам, прекрасно понимая, что, заимев ребёнка, такая мать избавляет себя от пожизненного одиночества. Трудно? Трудно. Но лучше, чем всю жизнь быть одинокой.

С появлением пароходов указом Петра стали пренебрегать. На больших гражданских судах никто не хотел быть уборщиком, прачкой, а зачастую и поваром (зарплата меньше, да и престиж не тот). Вопреки желаниям судовладельцев, судовой администрации, общественному мнению, на судах (особенно пассажирских российских) стали появляться женщины. Очень немногим удавалось преодолеть препятствия, чтобы отправиться в море. Это и семейное положение (наличие детей, престарелых родителей и т.п.), и отборочный барьер

(порой требовалось дать взятку, зачастую «натурой»), и состояние здоровья, физических возможностей. Несмотря на множество препятствий, количество работающих на судах женщин росло. Ещё быстрее росло количество желающих пойти в море. Нельзя сказать, что их привлекала романтика. Всё было гораздо прозаичнее. Бездомная, одинокая, женщина обретала кров, неплохое питание, чистую постель, свободное время, а главное – множество поклонников. К тому же, ей ещё и деньги платили. Некоторым удавалось обрести мужей, большинство же довольствовалось любовниками. С течением времени стало изменяться в отношении плавающих женщин и общественное мнение. Появились штурмана, даже капитаны, а на научных судах – технические работники и учёные. Слава Богу! На рыболовном флоте женщины стали появляться только в послевоенные годы. Исключением являлся прибрежный лов (вспомним рыбачку Соню, причалившую к берегу баркас). Направлять же женщин в море на небольших траулерах, дрейфтерах и прочих подобных судах, где работу и условия жизни можно приравнять к каторжным, я бы посчитал преступлением. И опять же, слава Богу, до этого никто не додумался (до поры, до времени, правда). Не знаю, как обстояло дело в других рыболовных местах, но хорошо помню, как появились и распространились женщины на судах рыбной промышленности Калининграда.

Дело обстояло так: В 1948 году в БГРТ (Балтийский государственный рыбопромышленный трест) из Мурманского морского пароходства был передан сухогруз «Тунгус». Это было по тем временам довольно крупное судно американской постройки, типа «либерти». Передали его со всем экипажем, в числе которого имелось четыре женщины – две уборщицы и две буфетчицы. Они стали первыми морячками Калининграда. История не сохранила их имён, но им бы поставить памятник. «Тунгус» вышел в сельдяную экспедицию как плавбаза. Роль его была невелика – снабжать несколько мелких промысловых судов топливом, водой, продовольствием да принимать от них и складировать в трюмах солёную селёдку в бочках. Для этого, помимо штатного экипажа, имелось несколько матросов-грузчиков. В следующем году, с военного катера, где я был командиром, довелось наблюдать отход «Тунгуса» в экспедицию. На берегу толпилась куча провожающих, на палубе судна – не меньшая толпа уходящих в рейс. Наше внимание привлекло большое количество женщин на палубе. По аналогии с военным флотом, мы представляли, что и на гражданских судах женщин быть не должно. А тут на тебе – женское царство! Как мне стало известно позднее, ко второму рейсу подготовились более тщательно. Было решено в море, непосредственно на борту, производить готовую продукцию, годящуюся для отправки прямо в магазины. Для этого требовалась лаборатория – две женщины: завлаб и инженер химик. Для укладки сельди в бочки рядовой укладкой нужны были укладчицы. Появилась нужда в бухгалтере, завпроде, поварах, уборщицах, буфетчицах, зав. бельевым хозяйством, прачке, свинарке (взяли три десятка живых свиней). Были необходимы технолог,

рыбмастера, приёмщицы, весовщики, кто-то ещё Упустил упомянуть о врачах, медсёстрах, санитарках. Медблок составлял шесть человек. В третьем твиндеке оборудовали жилые помещения (четырёхместные каюты из досок и фанеры, без естественного освещения и вентиляции), по одному борту мужские, по другому – женские. Первому помощнику (комиссару, помполиту, зовите как хотите) дали соответствующий наказ – следить за моральным состоянием не меньше, чем за политическим. И не только следить, но и пресекать любые попытки сближения полов, как и попытки, ведущие к измене Родины, партии и любимому правительству. В том же году кому-то из власть имущих пришлось в голову и на промысловых судах использовать женщин. На некоторых судах имелись женщины-повара. Одна из них погибла на СРТ-103, утонувшем во время урагана 1952 года. На принадлежавшем промразведке СРТ-308 «Алазань» неоднократно выходили в море женщины-гидрологи, океанологи и прочие «учёные» сотрудницы. А будущая губернаторша Маточкина одно время была на нём старпомом. В море, правда, она, кажется, не выходила.

Так начали женщины в рыбной промышленности осваивать море. Как обстояли дела в дальнейшем, будет сказано ниже. Об этом много говорится в моих предыдущих повествованиях, а также в произведениях моего однокашника и наставника по творчеству Е.А. Фёдорова.

В последующие годы появилось много плавбаз-сухогрузов. На тех из них, где не занимались выпуском готовой продукции, где не было медицинских блоков, женщин было значительно меньше. Женский обслуживающий персонал особенно не перетруждался, работая в режиме судов морского флота. Иногда их привлекали к работе на подвахтах (сверхурочно), но это бывало редко. Иначе дело обстояло у производственного состава. Три бригады трудились по восемь часов, меняясь каждые четыре часа, ежедневно выходя на подвахту, работая, как правило, по двенадцать часов в сутки. Самая неприятная работа была у рыбообработчиц. Им приходилось укладывать в бочки сельдь рядовой кладкой. Стодвадцатка (120-литровая бочка) имеет высоту около метра. Женщины, одетые в ватные костюмы, поверх которых надевались ещё проолифленные (работали на открытых палубах – ветер, дождь, снег), на женщин не походили. Двойное чувство вызывал вид торчащих из бочек бесформенных задов с такими же ногами. Остальные части тел находились внутри бочек, постепенно, по мере заполнения последних, вылезая из них. Таких операций представительницам прекрасного пола за рейс приходилось делать, затрудняюсь сказать, сколько. Много.

По мере развития промысла появилось много женщин помимо судового состава. «Хожение за три моря» (Балтийское, Северное, Норвежское) стало модным и выгодным (командировочные, бесплатное питание, иногда инвалюты). Появились женщины-синоптики со своими радистками, преподаватели заочной школы моряков, множество проверяющих и комиссий (что за комиссии, Создатель?!). Известно, что при проверке качества работы самого проверяющего

учитывается количество обнаруженных им нарушений, ошибок, упущений. Естественно, на всяком судне такого добра предостаточно, что не делает чести тому, кому это добро принадлежит. С мужскими проверяющими было проще. В зависимости от ранга проверяющего и важности предмета проверки (техника безопасности, правил судовождения, противопожарных, безопасности мореплавания и пр.) дело заканчивалось различным качеством накрытого стола. К тому же большинство проверяемых и проверяющих часто оказывались приятелями или знакомыми. Акты проверки составлялись обычно так, чтоб и волки были сыты и овцы целы. Иначе обстояло дело с проверяющими женщинами. Какая-нибудь фифа из министерства, главка, треста, различных инспекций (санитарной, технологической, качества, бытовых условий, КЗоТ и пр.) выпьет, бывало, столько крови у проверяемого, что бедняга долго не имеет способности не только работать, но и соображать. А если его ещё и премии не лишат, то такую благодетельницу он будет рад осчастливить чем угодно и как угодно.

С появлением крупных, специализированных плавбаз-рыбозаводов количество морячек значительно возросло (на плавбазе их бывало до пятидесяти человек). Бедные комиссары, вначале стойко воевавшие за моральную чистоту, вскоре, видя бесполезность своих чаяний, бросили это дело. А ведь как старались! И кружки всевозможные создавали, и учиться заставляли, и самодеятельность организовывали. Рассказывали, что один из них даже сцены из балета Чайковского «Лебединое озеро» пытался воспроизвести. И как-то, придя с репетиции, на вопросы присутствующих о достигнутом успехе сказал в сердцах: «Да разве из этих б... сделаешь лебедей?» И всё пошло так, как и должно было идти. И даже в парткоме с таким положением дел смирились. Чего уж там, сами не без греха! Подобное положение дел было и на больших промысловых судах – траулерах-морозильщиках, тунцеловных базах, китобазе. Не хуже обстояло дело и в других портах приписки. В этом я убедился, работая несколько лет на Канарах. Посещая по долгу службы все заходящие в Лас-Пальмас суда минрыбпрома (да и морского флота также), я мог видеть, что и у мурманчан, и у черноморцев, и на всех Балтийских судах положение с работающими на них женщинами отнюдь не хуже.

Казалось бы, наконец-то, представительницам прекрасного пола выпала возможность воспользоваться подарком судьбы и хотя бы частично компенсировать её превратность...

Однако, несмотря на обилие поклонников, в зависимости от возраста, моральных качеств и многого другого, женщины вели себя далеко не одинаково. Находились такие, кто своей скромностью и воздержанием приобретали соответствующее уважение, находили женихов и с приходом в порт выходили замуж. Большинство же, не имевших таких качеств, довольствовались временным «счастьем» и даже за это благодарило судьбу. Бывали и такие, кто пускался во все

тяжкие, пытаюсь, на всю оставшуюся жизнь оставить приятные воспоминания. В народе шла молва о том, что только две морячки не поддавались искушениям и стойко хранили неприкосновенность. Обе были членами партии и свою стойкость обосновывали тем, что член партии должен быть честным и чистым во всех отношениях. Однако та же молва шла и о том, что они, невзирая на принципы коммунистической морали, были жрицами однополой любви и в мужчинах не нуждались. Однако удостовериться в этом не представлялось возможным. Но если молва была достоверной, то можно только порадоваться за партию, в которой пребывали такие морально стойкие члены. Вероятно, их плавающие соратницы говорили (скорее думали): сидели б вы дуры на берегу, там вам было бы вольготнее, а так только хорошее место зря занимаете.

Я сознательно не упомянул в заголовке о второй половине петровского указа, которая гласила:

«А ЕЖЕЛИ ПУЩАТЬ, ТО ПО ЧИСЛУ КОМАНДЫ»

В АЗЧЕРРЫБЕ (Азово-черноморском бассейне) существовало три построенных во Франции траулера-консервщика. Если не изменяет память, это «Мария Ульянова», «Мария Поливанова» и «Олег Кошевой». Это были очень хорошие суда, довольно большие (гораздо крупнее БМРТ). Единственно, что мне не нравилось как судоводителю, это то, что две дымовые трубы находились впереди рулевой рубки. За рейс эти суда производили из только что пойманной рыбы громадное количество отличнейших консервов. Прилов шёл на заморозку, а отходы – на рыбную муку и жир. Это было само совершенство! Экипаж состоял из сотни человек, половину которых составляли женщины. Именно половину, не больше и не меньше! За такое чёткое исполнение петровского указа его исполнителя следовало бы наградить если не орденом, то хотя бы медалью. Мне довелось побывать на всех трёх, всё было одинаково. Капитаны говорили, что такого мира и спокойствия, как у них, больше нигде не существует. Не знаю, как обстояло дело с приходом судов в порт в семьях трудящихся (могу только догадываться), но во время рейса за его участников можно было только порадоваться. Ещё во время подготовки к выходу в рейс на судне начинался процесс сближения, который можно было бы назвать сватовством. С отходом от причала начинались свадьбы. Естественно, не в одно время, а в зависимости от занятости женихов и невест (вахты, работы и т.п.). Свадьбы (а их, как можно догадаться, бывало до полусотни) сопровождалась переездами и обменами жилплощади. Впрочем, до прихода на промысел (около пяти суток), в основном, всё успевали сделать. В течение рейса жизнь текла по своим правилам, которые часто напоминали земные. Случались разводы и связанные с этим переезды и новые свадьбы.

Женщины в иерархии не хотели уступать мужчинам, а потому на всех

трёх судах (кстати, на большинстве судов Минрыбхоза) существовали названия: старпомша, боцманша, стармехша и другие, связанные с должностью «мужа». Случались попытки использовать своё «звание» и покомандовать, но такие попытки, как правило, пресекались, приводя к «разжалованию и разводу». Это немного напоминает сказку о золотой рыбке, где старуха захотела стать владычицей морскою, дабы золотая рыбка была у неё на побегушках.

Таково было положение с женщинами в наше время. С тех пор выросли новые поколения, не стало больших войн, ликвидировали большинство лагерей, женихов стало пропорционально больше. Женщины становятся другими. Большинство живёт нормальной жизнью. Надеюсь, что в дальнейшем женская доля будет более счастливой. Самая «древняя профессия», конечно, не исчезнет. Коль она является самой древней, то можно только предположить, что она будет и самой продолжительной. Пусть будет, но хотя бы не такой массовой, как теперь. Пусть больше заключается церковных и гражданских браков, они от Бога, они предназначены судьбой. Ну а тем, кто доживает свой век в одиночестве, остаётся только пожелать, чтобы они успели и на этом свете обрести своё счастье.

Всем Вам (всех возрастов и поколений) от имени большинства Вас уважающих и любящих – самые добрые пожелания мира и счастья!

2014

=== === === +++ === === ===

В прошлом номере «Кают-Компании» Вы читали рассказ о послевоенном детстве капитана Е. Фёдорова. Позже он был опубликован и в «Комсомольской правде». И вот чем это окончилось...

Этой тройке лидеров и будут вручены призы «Комсомолки».

Наши победители и «Донбасские чоботы» Евгения Фёдорова. Итоги

читательского конкурса «Так было!».

Грачёва. Поздравляем с победой наших лучших читателей-писателей! Итоги подведены, а расставаться жаль. Не все материалы, которые были нам присланы, попали на сайт, но можно с уверенностью сказать, что прошедшие отбор - лучшие. Варсегов, спецкор КП: В представлении лауреаты не нуждаются, перечислим лишь имена победителей: 1 место - Марат Валеев. 2 место - Евгений Фёдоров. 3 место - Александр Каменщиков. Этой тройке лидеров и будут вручены призы «Комсомолки».

ВНИМАНИЕ! Наши победители обязательно получат ценные призы. О том, какие конкретно, будет объявлено позже.

В заключение мы публикуем внеконкурсный «последний штрих» - работу одного из наших победителей.

Варсегов. Для меня этот рассказ Евгения Фёдорова особенно близок тем, что повествуется в нём о послевоенном Донбассе, то есть о тех местах, где сегодня я нахожусь, где опять война. Где так же снова страдают дети, как и дети той эпохи, гениально (не побоюсь перед читателем этого слова) описанные нам Фёдоровым. И ведь наверняка какой-то сегодняшний ребёнок войны через пару десятков лет столь же искренне и талантливо опишет всё, что пришлось ему пережить в тяжёлом 2014 году.

А вот он, тот самый ребёнок – внук капитана Фёдорова по прозвищу Билли Бонс, на «верфи» деда, на даче. Вот как любить надо внуков, друзья.

Предлагаем Вашему вниманию новый, как всегда невыдуманный, рассказ нашего постоянного автора:

Евгений ФЁДОРОВ

Сатисфакция (Non-fiction)

Моторист Бен Арутчев сегодня был растерян, как троечница на экзамене. Ещё бы! Его, моториста второго класса, вызвали в партком и стали допрашивать с пристрастием: что за жалобу он написал в Президиум Верховного Совета СССР? Вот пришёл вызов-приглашение Арутчеву в Москву на собеседование к референту ВС тов. Шевченко Т.И. через неделю, к 16 часам, кабинет №321!..

Адреса и места жительства у Бена Арутчева, как у большинства моряков Калининграда, не существовало, все были прописаны по судам, поэтому важное

письмо сразу доставили в партком. Только по третьему заходу, повторив все перипетии своего дела разным партийным чинам поочерёдно, его отпустили, но заставили поклясться на крови, что там, наверху, он о делах Управления Базы Реффлота – ни гу-гу! «Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю, Я – человек маленький, моторист всего-навсего!» С тем и отпустили. До возвращения из Москвы. Чтобы потом – всё как на духу выложил: о чём спрашивали, под кого копали?

После службы на Балтийском флоте мотористом в БЧ-5, на тральщике, Бен уже поработал таксистом (очень трудная, склочная работа!), рубшиком мяса на рынке (обширный круг полезных знакомств, особенно среди дам), мастером по ремонту холодильных камер в магазинах (халаявный дефицит, если автоматику настроить только на неделю!) и, наконец, мотористом на судах Реффлота. Одним словом, он уже был – тёртый калач! К тому же он имел весёлый и общительный нрав, быстро сходился с людьми.

Но! Идти на приём в Президиум Верховного Совета СССР! Тут его – запирало...

А всё дело было в том, что на родине, в Баку, один высокий партийный начальник, сосед, оттяпал двухэтажный каменный дом в центре, который по наследству принадлежал армянину – Бену Арутчеву. И сделано это неправое дело было ловко: сообщение о смерти матери было перехвачено, Бен находился в семимесячном дальнем плавании в Африке и срок предъявления претензий на наследство истёк... Прокуроры развели руками: «Всё – по Закону!»

Вот тогда-то один умник на судне, второй помощник капитана, студента-заочник юрфака Калининградского универа Антон «Красавчик» и накропал для друга Беника цыдуло в Президиум Верховного Совета. Прошло полгода, о ней уже и забыли, ан – нет! Провернулась со скрипом ржавая машина, где-то на «Входящем» надо было приставить «Исходящий» и Беника пригласили со всеми его жалобами-отписками в Первопрестольную.

Вот тут-то нагловатого и развязного Беника и перекосило...

А к кому бегут все армяне Калининграда за советом? Они бегут к Акопу!

Акоп Арутович Кочумян – самый мудрый из армян Калининграда, а то кто же бы его поставил начальником Областного управления торговли?

Что мог Акоп Арутович? Он мог – всё! Старик Хоттабыч (который выскочил из кувшина) выглядел бледно по сравнению с Акопом. Ну разве мог Хоттабыч в два дня «нарисовать» автомашину-мечту «Жигули» (очередь – 15 лет!) или холодильник «ЗИЛ» (очередь – 5 лет!). Об автомашине «Волга» вообще речи не шло, на неё даже очереди не существовало. «Достать» «Волгу» – это было из области сказок. Но, Акоп Арутович для друга Бена «Волгу» достал, да не какую попало, а цвета «Белая ночь»! Ну, разве Акоп Арутович – не сказочник шестидесятых годов, двадцатого века?

Коля Буторин, по прозвищу Кока, верный «оруженосец» Беника, как

Санчо Панса у Дон-Кихота, присоветовал сразу:

- Иди к Акопу! И к Антону-Красавчику – пускай тебе речь напишет, а ты выучи, чего там будешь говорить. А то от волнения ещё и матом брякнешь!

- Я двадцать пять лет в торговле. Я ещё ни разу не встречал большого начальника, который отказался бы от армянского коньяка! Дам тебе пять бутылок «Двина», его пил сам сэръ Уинстон Черчилль! Дам тебе копчёного угря: такое есть только в Прибалтике. И – поувереннее действуй! Не бойся. Они – такие же люди, они – не небожители. Они кушают, пьют и какают, как мы, грешные, – наставлял Бена Акоп перед отъездом.

- Акоп, а как же я вручу этому «члену», то есть – «референту» эту «дачку», как выражаются на «зоне» приличные люди? – усомнился Бен в таком раскладе, который нарисовал ему Акоп.

- Вручать ничего не надо. Они там «пасут» друг друга из зависти. Ты оставишь пакет в боксе автоматической камеры хранения на Белорусском вокзале, а референту передашь бумажку с номером кода и скажешь: «Там вам гостинец из Армении, любимый коньяк Уинстона Черчилля, заберите, когда время будет». Ну, кто же откажется постоять рядом на одной ноге с Черчиллем? Твой референт уже этим вечером сгоняет на вокзал гонца за «Двином», я знаю, что говорю! – учил Акоп Беника, недотёпу по части взяток.

Искать Антона долго не пришлось. В ресторане «Балтика», как обычно, второй стол слева. Задачу он понял слёту, и назавтра Беник уже зубрил свою, пробивающую слезу, речь...

Москва хорошего настроения прибывшему не прибавляет. Всеобщая отрешённость, все несутся вскачь, как угорелые, все – незнакомые и все заняты только собой! А ты – среди этих миллионов – совсем одинок и никому не нужен. И самое интересное в этом нескончаемом потоке «скакунов» – у них у всех одинаковое выражение лица: как будто их всех крупно обокрали. А что? Если вдуматься, с точки зрения научного коммунизма, может и впрямь?..

У огромной, пятиметрового роста, двери приёмной Верховного Совета (а зачем такая дверь? Атланты вымерли, а нынешним пигмеям и щели было бы достаточно) Беник ощупал затёртый до дыр конспект своей речи и мысленно повторил зачин.

Минута в минуту он уже открывал дверь с табличкой «Шевченко Т.И. - референт». «Спокуха, Беник, спокуха!» - мысленно медитировал Бен, и ковровая дорожка упёрла его в стол, за которым сидел толстый и лысый дядька в сильных очках.

- Садитесь, пожалуйста! К кому у вас назначен приём? – глядя в сторону, заученно изрёк толстый.

«Ну, блин, - успел подумать Бен, - с этим мурлом не договориться даже с коньяком Черчилля!» И Бена понесло точно по конспекту, слово в слово.

Окончив, он выдохнул воздух, как спущенный баллон, и устался на Толстого, глаза в глаза: дошло или не дошло?

- Так вы не ответили мне на мой вопрос: к кому вы приглашены? Если к товарищу Шевченко, то Тамара Ивановна вот она сидит, ждёт вас, а я – её помощник, веду регистрацию посетителей, - огоршил Бена Толстяк. Выходит, весь накопленный эмоциональный заряд его речи ушёл в песок. Пропал зря...

Бен поменял кресло. Перед ним сидела мужеподобная дама бальзаковского возраста, курила сигарету и насмешливо взирала на стушевавшегося огромного самца.

Бена переклинило. Он не мог вспомнить начало своей речи. Машинально вытащил затрёпанный свиток с речью, теребил его в руках, но шпаргалить при даме постеснялся.

- Вот что! Вы сейчас расстроены. Погуляйте, соберитесь с мыслями и через пару часов приходите вновь. Тогда мы с вами и побеседуем, - вошла дама в положение этого огромного симпатия-джигита.

И тут в дело вмешался Его Величество Случай!

В кабинет впорхнула молодая сослуживица, нагнулась к уху Тамары Ивановны и зашептала: «Не будет ли она приобретать билеты на сегодняшний концерт американской джазовой звезды – Дюка Эллингтона?» Тамара Ивановна сморщилась, как от зубной боли: «Джаз! Космополитизм! Культура, чуждая советскому человеку!»

- Да вы что? Конечно – нет! Я такие мероприятия не посещаю! – вполголоса отнекивалась Тамара Ивановна. Сослуживица пожала плечиками и развернулась было уходить.

- Минуточку! – В Бенике проснулись сразу двое: таксист и рубщик мяса. - Вы не возражаете, если два билета на Дюка возьму я, - обратился он к Тамаре Ивановне, играя огромными своими глазницами с явным намёком.

- Не возражаю. Так вы уже успели найти в Москве напарницу? – как бы между прочим, поинтересовалась Тамара Ивановна, - в ход пошла игра.

- Я приглашаю вас, - осмелел Беник, идя по тропе, завещанной великим Акопом.

- Ну, что ж! Тогда к шести ноль-ноль встречаемся у входа в приёмную. А по пути вы мне поведаете и о цели вашего визита в Москву. Идёт? - взяла быка за рога руководящая дама.

- Благодарю вас! – с дамами у Беника получалось классно: в соответствии со статусом каждой...

Дюк Эллингтон, при всём уважении к нему, не входил в планы Бена Арутчева в данное текущее время: не до него! Поэтому, подхватив у входа в приёмную Тамару Ивановну, он предложил:

- Тамара Ивановна, дорогая (восточный манер в обращении!), вы устали и голодны, зачем мы будем сидеть и слушать этого Дюка, когда нам самим нужно

слушать друг друга? Пойдёмте в ресторан и совместим приятное с полезным? – предложил сразу Бен.

- А вы – благоразумный парень! Согласна с вами на сто процентов. Но не так просто попасть вечером в московский ресторан. Разве что – с моим удостоверением? - они как раз оказались у дверей «Астории». – Возьмите, ведь меня ведёте в ресторан вы, а не я вас, - Тамара Ивановна протянула Бену своё удостоверение, украшенное государственным гербом СССР и тиснением «Президиум Верховного Совета СССР».

Бен раздвинул толпу у дверей ресторана и через стекло показал удостоверение швейцару с жандармской внешностью и в ливрее. У того сразу нарисовался доброжелательный лик, и он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы в неё протиснулись ягодицы Тамары Ивановны, а они были весьма близки к идеалу кавказца.

Цепочка опознавательных сигналов «швейцар – распорядитель в зале – официант», и VIP пару посадили за уединённый столик на антресолях переполненного зала. Однако Тамара Ивановна отложила поданное официантом меню в сторону:

- Беньямин, здесь сильно накурено и шумно. (Заметим, это изрекла курящая дама). Я живу неподалёку, двадцать минут пешком, у Белорусского вокзала. Если вы будете прилично себя вести, мы могли бы поужинать у меня дома. Только у меня нет никакой выпивки. А еды – полный холодильник. – предложила Тамара Ивановна.

- Какое совпадение! А у меня в боксе на Белорусском вокзале лежат копчёные угри и пять бутылок армянского коньяка «Двин», который обожал сэр Уинстон Черчилль! – Давайте заберём это добро и – к вам! - прямо расцвёл Беник, опять вспомнив Великого Акопа: «Как кстати!»

Пока хозяйка принимала ванну и накрывала стол, Беник, испросив у неё разрешения, позвонил в Калининград «по работе». (Конечно – Акопу!) Разговор шёл на армянском языке:

- Акоп, дорогой, этот Шевченко – референт который, оказалась – баба. Где-то – за сорок, наверное. Она – при теле, но, вроде – ничего так, если выпить. Она притащила меня к себе на хату. Что делать? - Беник явно трусил.

- Ешь её, как сидорову козу!- однозначно решил Акоп. – На четвереньки её и – ешь!

- Да ты с ума сошёл! Она же – государственная власть, а ты предлагаешь её – «на четвереньки»! - Бен даже стал озираться: не подслушивает ли его разговор Тамара Ивановна, но успокоился – они говорили на своём языке, очень сложном для русского уха.

- Английская королева – тоже баба и тоже стоит перед своим мужем на четвереньках и озирается, как корова на быка! Ешь и только ешь. До поросычьего

визга! Чтобы упала без сознания. И тогда твоё дело – в шляпе. Тебе жутко повезло. Лови удачу. Эта дура безмозглая (притащила кобеля с улицы к себе в хату!) нам ещё здорово пригодится, поверь старому Акопу.

...До четырёх утра, еле ворочая языком – уже открыли вторую бутылку, – Бен не мог спуститься с небес на грешную землю: его естество от страха даже ни разу не шевельнулось...

Наконец, Тамара Ивановна изрекла:

- Всё, Беньямин! Мне утром на работу. А вы можете дрыхнуть у меня. Ключи завезёте мне на службу. Ложимся спать. Я – в спальне. Вы – в гостиной. Как договорились, вы ведёте себя, как рыцарь...

Бен повёл себя, как рыцарь... «в тигровой шкуре» (Шота Руставели!), перекрестился, сказал: «Акоп, поверю тебе ещё раз!» и набросился на раскинувшиеся на широченной постели оголённые тела Тamarы...

«Если б молодость умела, если бы старость могла!» – так говорил один знакомый грузин, и он был прав. Когда соединились мудрость Акопа и мужская сила Бена – Тамарка оказалась на четвереньках и запричитала: «Шлёпни меня, Беник, по попке, меня это заводит, шлёпни посильнее, Беник, дорогой!»

- Ну конечно, моя царица Тамара! На тебе! На! Вах, какая попа! – И далее Бен перешёл на армянский язык: - Советская власть всю жизнь держала меня вот так, на четвереньках, а теперь вот я её: на! Заполучи! Заполучи, проклятая, которая меня держала за человека второго сорта... –В мозгу мгновенно, как в момент смерти, пронеслась вся жизнь, отмеченная унижениями и постоянной борьбой за достоинство своего существования. – Хлясь! Ещё сильнее! Хлясь!

- Что ты, Беник, говоришь, когда меня хлещешь, ты переведи мне!

- Я говорю: «Дорогая, как ты прекрасна, я тебя никому не отдам! (Ещё бы! Такая дура очень даже может пригодиться, Акоп наказал.) Это – счастье, что мы встретили друг друга. Но я стесняюсь признаваться тебе по-русски!»

- Не стесняйся, Бенчик, делай со мной что тебе хочется, только я уже не в силах. Перенесём на вечер. Давай спатки! Мне ведь – на работу, хотя я могу прийти на работу позже или вообще не пойти. У меня – ненормированный рабочий день.

...Неделя прошла в доме Царицы Тamarы, как во сне. Днём Бен отсыпался и отъедался деликатесами (холодильник Тамара забивала продуктами из «спецмагазина» типа инвалютной «Берёзки», не для «пиπλα»), а ночью работал, как шахтёр, в две смены... От избиений своей «царицы» (вслух) и «дуры безмозглой» (мысленно или на армянском) уже болели ладони, словно он в натуре отрабатывал смену в шахтном забое...

Но вот Тамара вручила Бену долгожданную бумагу: Решение Президиума ВС по делу гр-на Арутчева и т.д., где предписывалось все решения Горсовета Баку отменить и т.д. и т.п... дом вернуть законному владельцу... исполнение доложить... на контроле у референта Шевченко Т.И.

Спасибо тебе, дорогой товарищ Шевченко Т.И., даже, если ты, тов. Шевченко – баба, на сто процентов!

А Бен получил полную САТИСФАКЦИЮ, что в переводе означает – удовлетворение.

В родном Калининграде Бена Арутчева встретили Коля Буторин и Аноп Арутович Кочумян – как героя с поля сражений...

Но на этом история с «Царицей Тамарой» не закончилась...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После телеф. разговора Автора с дотошным Редактором: «А где сейчас герой рассказа Бен Арутчев, жив ли он»? - «Да, 42 года прошло, как расстались. Наверное, - умер уже...»

Через 2 часа после этого диалога из Москвы позвонил ...живой и, блин!, вполне благоденствующий Бен Арутчев, после 42-х лет полного забвения!

В разговоре Бен вспомнил нашего третьего героя многих рассказов и друга Илью Гольдмана и поинтересовался, где он и жив ли?

«Дак 44 года прошло, как расстались. Небось умер уже, хотя он и был Чемпионом Одессы по боксу (в одно время с нашим Редактором!)- ответил, вздохнув, Автор...

На ВТОРОЙ ДЕНЬ на эл.почту Автора поступило три письма из Израйля от... Ильюши Гольдмана!!!

После таких телепатических (мистических!) казусов Автор поверил в нечистую силу и потусторонний параллельный мир....

Татьяна ЧЕРКАСОВА

Ещё не бархатный сезон...
Полны влюблёнными скамейки.
Дожди – как будто бы из лейки.
В кофейнях с льдинками крушон.
И вокруг пальчика кольцо
От запотевшего бокала.
И солнцем белого накала
Под шляпкой женское лицо.

Ещё не бархатный сезон...
В беседках белые скатёрки.
Клубники полные ведёрки,
И с георгинами вазон
У наготы девичьих ног
С полосочкой незагорелой.
И изливание несмелых –
Высокопарных этих строк.

Ещё не бархатный сезон...
Грозы торжественные громы
И ночи, полные истомы,
И спичкой пахнущий озон.

Ещё не бархатный сезон...
Как воробьиный клюв короток,
Так взгляд необычайно кроток
У летних чаек и ворон.

Ещё не бархатный сезон...
Плаксиво маленькое лето,
И недосказанность сонета –
Как недокошенный газон.

Ещё не бархатный сезон...
Шмелём и птицей не допето...

Выводит пасмурное лето
Бравурным маршем Мендельсон
В приморский бархатный сезон.

июль 2012

Голубыми ромашками
По бескрайнему полю
Откровеньем рубашковым
Осень вышила волю.

Неба синь фиолетовым
Оттенила накалом,
Утро сделала ветреным,
Да закат небывалым.

Алых красок добавила,
Отлюбив, отражала.
Летом девичьим правила,
Да по-бабьи устала.

В запах женского волоса
Намешала калины,
Цветом спелого колоса
Написала равнины.

Нагуляла томящее,
Соков полное тело,
Словно барышня спящая,
Да в объятьях сомлела.

На ковыльное олово
Мягко падают груши...
Дурит осень нам головы,
Сыплет золотом в души.

Пахнут брагою пьяною
Хладноросые ночи.

Щурит лето духмяное
Жёлтой осени очи.

Не пытайся, разлучница,
Красотою своею
Ослепить – не получится,
Я сама так умею!

Не шепчи в вечер ласковых,
Колдовских мне советов.
Осторожнее с красками,
Бабье звонкое лето!

Не скупись, не задаривай,
Всё равно на закланье,
От осеннего зарева
Мне спирает дыханье.

Отступись, не сговаривай,
Отпусти невредимой!
Тех пой своим варевом,
Кто ещё не любимый!

Чудо
за 10 рублей
(Рассказ)

Октябрь был щедрым на тепло. В тени прозрачная прохлада благоухала шоколадом и горечью фруктовых смол. Окаменевший рыжий мол, где куст стелился, как лисица, будил желанье нарядиться в тон ароматному теплу.

Лишь быстрый «поплик», по стволу скача, голубоватым взглядом напоминал, что осень рядом. И платье летнее надев, в оранжево - розово-белом, я словно бабочка взлетела навстречу с тёплым октябрём, что на приколе ясным днём встал возле стынущего моря. На голубом его просторе неспешно испарялся день. От запада клонились тени, и солнце, трогая колени, почти не греющим теплом звало скорей вернуться в дом. Где так уютно на диване, за чаем и в горячей ванне. Но театральным был наряд, и потому всё остальное произошло

само собою...

После прогулки по магазину «Эльдорадо», где мне ничего не было надо, я побрела к трёхэтажной бетонной этажерке воздушного перехода. Не ожидая новостей от угасавшего дня, я потекла в извилистом людском потоке, глядя себе под ноги, чтобы ненароком не «зацепить» чужие «доверчивые» пятки.

На лестничной площадке, приподнятой над автострадой будто сцена, сквозь подвижный занавес мелькающих ног, неожиданно возник нищий. Это был паренёк лет двадцати. Он сидел на полу, как султан, являющий собой образчик не славы, но печали. Это «явление» вызывало мгновенную растерянность и желание «не смотреть» в его сторону. Что-то страшное и нелепое было в этом странном силуэте. Может неестественно прямая спина?

Юный, светловолосый. В меру чумазый. Обрубок. Ни рук, ни ног. Его чрезмерно узкие плечи были до подбородка задрапированы выцветшим, некогда вишнёвым лоскутом толстого портьерного бархата - домашней шторы. Она скрывала тщедушное тело и подстилку-трон бывшего мальчика, застывшего языческим божком. Его взор был покорно обращён вниз, к глазам восходящего к нему людского потока, текущего вверх по лестнице. Полуулыбка на слегка «подгоревшем» лице сидельца выдавала его смущение.

Невольно переживаю жгучее сострадание и неловкость за свою телесную «целостность», которую побыстрее хочется пронести мимо мальчика, чтобы забыть его боль. Торопливо достаю бумажную десятку и делаю то же самое, что впереди идущие люди: склоняюсь к шляпе на полу, где уже есть такие же бумажки, я откупаюсь от памяти об увечном. И кажется, что собранных денег уже много, но очевидно, что их всё равно не хватит, чтобы изменить судьбу бедного мальчика..

Приобщаюсь к всеобщей чаше милосердия. Невольной дрожью в голосе тихо роняю: Благословений тебе..

В ответ на «наклон» к шляпе, занимающей место, где должны быть ноги мальчика - он благодарно, молчаливо кланяется до земли. Кто принёс тебя сюда, посадил, как бессловесную куклу в придорожном театре, завернув в грубую тряпку.

Что случилось с тобой и где они, эти тебя любящие «близкие», которые оставили тебя здесь одного, под ногами у любящей зрелища толпы...

Над нищенской обёрткой полудетское лицо. Взгляд опущен.

Почему? Ты не можешь смотреть людям в глаза?

Явно смущаясь, мальчик не отвечает на эти молчаливые вопросы взглядов. Он не хочет их. И потому спасительно - низко кланяется, пряча глаза. Да разве поймёшь что в них....

Так размышляя, продолжаю вместе с другими «восхожанами» свой путь наверх, к воздушному перекрёстку почти легендарного «Гоголевского» моста. Оттуда начинаются все жизненные направляющие линии: продольные,

поперечные... Знай себе, выбирай: налево пойдёшь - на улицу Льва Николаевича Толстого попадёшь. Направо - в «развязку» имени Николая Васильевича Гоголя угодишь.

А многим из нас надо идти прямо - по воздуху, бетону и «над ними» одновременно. До тех особенных мест пересечения, поименованных как «Некрасовская», «Толстого». От переулка им. Достоевского, мимо улицы баснописца Крылова, у которого «...однажды лебедь, рак да щука...» (непонятной национальности), поглотила всех перечисленных с ней «тащителей», вместе с акциями их удачного для шук предприятия, чтоб не мешали тянуть в нужную сторону. Но раз всё уже случилось, то надо простираться вперёд, как сказал мудрец, и оставить всё произошедшее позади.

И гоголевское «Эльдорадо», и фасад сгоревшего банка, из окон которого горящими головнями летели в небытие

- Да что я о грустном-то? Значит и мне самой ещё топать и топать до того воздушного пути, что узкой кружевной тропой незаметно нависает над жизненной суетой.

А со спины меня уже догоняет чья-то насмешливая речь, дающая повод оглянуться и засожалеть: не зря ли я и те, кто рядом идут - наверх, сострадаем и сочувствуем всем нашим уникальным нищим.

И эта женщина, которая звонко рассказывает щедрым на даяния корейцам, как самую необходимую всем новость, что работает в здании, чей обгорелый корпус у моста, к которому мы все стремимся.

- Ну, как же это вы, уважаемые соседи по загранице, так обманываетесь нашими нехорошими нищими, которые вовсе и не калеки, а так. Зачем вы им раздаёте свои уважаемые доллары и центы? Как можно быть такими доверчивыми и щедрыми к тому, кто этого и не стоит, раз может изобразить из себя такого юродивого, какому и «за просто так» всё от государства полагается?

- Я лично,- говорит - и все наши сотрудники лично.... Каждый день, с рабочих мест наблюдаем, как буквально на гоголевских «подмостках» в часы пик разыгрывается весь этот авантюрный уличный спектакль. А когда зрительский поток иссякает, плутишка-актёр оказывается цел и невредим. Быстро сменив свою нищенскую униформу на обычную одежду, он оставляет своё сценическое кредо, собрав с нас изрядный куш...

Разоблачительный рассказ дамы, имеющей обыкновение наблюдать из окон кабинета весь этот театральный фарс российского нищенствующего гражданства, её насмешка над всеми нами - «восхожанами» по гоголевской тропе, отодвинула от меня на второй план главную - хорошую новость о мальчике: он не инвалид. Он не воевал в горячих точках. Ему не делали страшных операций, не отрезали рук или ног - они у него есть и он здоров. - Как же так?

В первую пару секунд меня постигло разочарование. Я почти не

поверила этой лестничной «вешунье». Но досадуя, что она очевидно права, слегка расстроилась.

А может мне просто стало жалко «театральной» десятки, отданной за просмотр? Мне и возможно другим, идущим со мной «театралам», узнавшим, что с ними «так» могут поступать какие-то уличные «ребята», играя на самых искренних человеческих чувствах, чтобы выманить у нас наши кровные рубли и копейки.

-Ах, ты ж! Паразит...

Что же меня так задело? Неужели то, что абсолютно здоровый «мальчик», прикинувшись «зябликом», разоружив мою бдительность, развёл меня на мои ничем не обеспеченные бумажные рубли, на виду у всего честного народа и... Банка? Или меня расстроило то, что он не калека, а я поверила? Что не так во мне самой? Ведь и корейцы, плохо говорившие на русском, услышав об обмане от работницы банка, - они удивились. Но не остановились. Не ввязались в осуждение обманщика, а лишь перестали говорить «по-русски», гортанно залопотав на своём «птичьём».

Вслушиваясь в шелестящий голосами людской поток, я решила насолить мальчику. Как? - Остановиться на месте, - наверху гоголевской развязки. Оттуда обманщик мне будет хорошо виден, но не сможет наблюдать за мной со своего «низа». Разве что, если донельзя повернёт свою тонкую шею. Он будет чувствовать, как я слежу за ним из своего недосягаемого для этого вряля «высока».

Людской поток почти иссяк, и артисту скоро станет незачем оставаться в его роли. Кто он перед пустым залом. Или залой? Да без разницы. Теперь я его зритель – та упрямая, обманутая шутом капля, которая добровольно отстала от схлынувшего потока затем, чтобы отомстить обманщику, готовая ради этого высохнуть на ветру вечеряющего октября...

В своём летнем бело-розово-оранжевом, почти театральном наряде, как большой осенний лист, став одновременно реквизитом, зрителем и соучастником уличного спектакля, приклеившись взглядом к спине нищего, а локтями - к железным перилам такого же, как у нищего - театрального балкона, я стала ожидать завершения осеннего театрального сезона. Единственным актёром на естественном ветру «уличной сцены» оставался нищий, в роли калеки, устремившего взгляд на слегка подремонтированный фасад банка, служащей которого, передо мной были уличены «обкрадывающие» народ уличные ребята. Которым мы сами отдаём свои тугрики, как Буратино, веря в то, что если в полнолуние посеять деньги в лунки, выкопанные в земле страны дураков, и прошептать над ними магические заклинания, то непременно что-нибудь вырастет. А вдруг?

Антракт.

Зрителей больше не было. Одни сошли вниз, другие ещё не взошли. День

таял, как летнее мороженое, а я зябла, будто его съевшая. Мальчик же продолжал одиноко сидеть. Поднялся ветер, и я переживала, что бумажная часть милостыни из шляпы нищего может улететь. О чём думал мальчик, я не знала. К нему никто не подходил. Лишь какая-то девушка в короткой юбке быстро поднялась к мальчику, наклонилась и, очевидно, положив подавание, снова спустилась и пошла прочь. Ничего примечательного не происходило. Вечерело. Прохожих не было. Жажда вендетты ушла туда, откуда и появилась. Ветер трепал мои волосы и нагло задирает юбку. Солнцу очевидно уже не терпелось за гору. Но оно не садилось, - толи желая досмотреть спектакль, толи, жалея меня и осознавая, что является моим единственным обогревателем на мосту и осветителем уличного театра.

Иногда я замечала, как мальчик боковым зрением проверяет : не ушла ли я. А может мне это только казалось. Но мальчик продолжал играть калеку, а я ждать, когда ему это надоест...

-« Когда что надоест? - спросил меня кто-то внутри меня, - Чего ты ещё ждёшь от этого мальчика? Тебе что мало того, что он тебе «продемонстрировал»? Битый час стоишь здесь, как будто бы наверху, а сама, мыслями своими ты там – внизу. У ног этого обманщика, которого хочешь уличить. Торчишь здесь, почти голая, в своём театральном декольте и газовом шарфике. Сколько это может продолжаться? А если мальчик действительно связан по рукам и ногам, и ему больно? А ты мешаешь его друзьям прийти и освободить его от верёвок! Ты что и, вправду, веришь тому, что он тебе здесь «изображает»? Он - то ладно – калека. А ты-то сама кто? Если тебе жалко поданной ему десятки, - так и скажи. Праведный гнев изображаешь? Мститель она...»

А я стою, а мальчик сидит. И никто не видит нашего с ним поединка. Как холодно!

- Господи! Ну не может же он целый час сидеть на цементе связанный, один?!

Всё! Я сдаюсь и готова изменить мотив моего стояния на Гоголевской высоте! Слышишь? Прошу, чтобы всё это было неправдой!- хочу быть обманутой

Я хочу чуда! Здесь и сейчас,- Если хочешь его для меня, то сверши! Пожалуйста! Да пусть же он встанет этот калека! Да отрастут у него эти его руки и ноги!

Я жажду!- слышишь? - прямо сейчас, сегодня, здесь быть обманутой им! Я мечтаю увидеть его целым и невредимым! Умоляя Тебя! Аминь».

И я заулыбалась, как зритель искренне поверивший сценическому действию. Слезы потекли из меня дождём радости за мать мальчика, которая больше не горюет потому, что её сын – он не калека.

- Ну хорошо – помедлив немного ответил внутри меня Тот, у кого я попросила. Чуда, - Раз ты действительно сдаёшься, то смотри продолжение этого спектакля, разыгранного специально для твоего сердца. Оно и его мотивы

изменилось, и теперь ты достойна посмотреть второе отделение.

- ...но никого же, кроме...

- Да что ты всё о деньгах, да о чужих поступках – жизнь она больше них

...

Из-за здания банка вышел пожилой мужчина К нему присоединился второй, с большой хозяйственной сумкой. Встретившись и что-то быстро обсудив, они неспеша направились к супермаркету. Исподволь следя за калекой, они встали возле подпорной стены «Эльдорадо» и закурили.

- Ну и что из того? –сама себе возразила я, - два деда с сумкой, какие живут в частных домах... на улице Н.В. Гоголя?

-Ну да. А, вот и та самая девчонка, что намедни подходила к нищему пареньку. ..

Она «подрулила» к тем двоим у стены. Стильная, чистенькая. Наклонив голову, она что-то сказала. Калекка боковым зрением взглянул на меня. Затем на «тройку», у опорной стены, вопросительно смотревших на калекку,(будто ожидая от него сигнала). Мальчик быстро и вымученно помотал головой, и я интуитивно догадалась, что это его ответ, запрещающий подходить к нему.

И мы все остались на своих местах: я наверху, друзья мальчика – и он - между нами. Я чувствовала, что ему досадно быть разоблачённым. Даже со спины было видно, как он стыдится моего зрительского взгляда. Вот оно что...

В прекрасном отечественном спектакле «Летучая мышь» актриса, носившая сценический псевдоним «Джулия Ламбер», чтобы переиграть соперницу, пытавшуюся украсть у неё главную роль и любимого мужа, играя второстепенную роль в спектакле с молодой соперницей, сделала настолько долгую паузу, что вывела соперницу «из образа» и победила её. А затем произнесла великолепную фразу «Чем выше артист, тем длительнее пауза».

Вряд ли кто-то из великих делал большую паузу, чем эти уличные лицедеи, «спектакль» которых остановил меня на гоголевском ветру.

- Ну же, - тихо ободрил меня кто-то, готовый открыть мне их секрет.

И тут я помахала актёрам высоко поднятыми руками и зааплодировала.

Я поняла. Это талант. Ведь я так сомневалась, что мальчик не калекка! Даже у Бога чуда попросила. Желая быть обманутой этим пареньком, который увидев, что разоблачён, убедительно закивал своим друзьям, чтобы шли его выручать. И они тут же это сделали.

Я не была разочарована, посетив заодно и уличную «гримёрную», где увидела, что артист, хоть и не был увечным, а лишь сильно связанным, но оставаясь один на «уличной сцене»,- он рисковал. Я видела, как трудно он выходил из роли: почти не может стоять. Меня утешало то, что его уличные «коллеги» помогают артисту размять конечности.

Быстро собрав свои простые реквизиты, бродячая труппа устремилась

вверх по ступеням. К тому самому месту, где мёрзла я, - их самодовольный разоблачитель...

И тут я поняла, что мне пора испариться с гоголевской «вершины», где, если не потороплюсь, может состояться премьеры и третьего театрального отделения, в котором мне без репетиции и проб могут предоставить роль и согласно её так накастылять за любопытство.

Вовремя сообразив, что уличные актёры больше не намерены со мной цацкаться, ожидая пока «нагляжусь» на них без грима, я подхватила свой газовый шарфик, да и полетела вслед за ним по ступеням – домой! Тем более, что, ребята, решительно двигаясь в мою сторону, всем видом давали понять, что мне пора убираться с улицы Гоголя, пока не надавали за умничанье, да не разучили это делать на общих, Гоголевских, - хоть и воздушных подмостках.

- Ма-ма-а !

Я наутёк. А они за мной, - все четверо.

- Может просто деньги хотят вернуть?- ехидно мелькнуло в голове.

- А как же? Конечно хотят. Вот подожди и увидишь...ответил тот же голос.

Я мчусь к институту. Они - следом. И, почти уже догнав, вдруг резко сворачивают к «Обжорке», что на другой стороне улицы.

Видно они нарочно меня так «турнули», чтобы не сомневалась, что могут надавать. Убедительные, шельмецы, прямо, как в кино. Бродяги...

- Хотя, пожалуй, просто люди, которым иногда хочется есть. А где взять?

Вот и зарабатывают, чем могут. Как и я - их бывший зритель и Ваш покорный слуга, который возблагодарил своего Бога за такое чудесное разоблачение «нищих» - всего за 10 рублей. И за радость понять, что не всё в жизни так плохо, как кажется, если на обстоятельства посмотреть другими, - не человеческими глазами. Как та сама капля, которая отстала от людского потока, чтобы, остывнув наверху, сложить своё оружие мести – гордость.

Сатира и юмор

Игорь ИВАНОВ

Письмо с флота

Молодой моряк пишет письмо в свою деревню – девушке.

Здравствуй, моя дорогая. Пищу тебе первое письмо. Я служу на флоте. Хожу в тельняшке. Скажи своим подругам – приеду в отпуск, тогда посмотрим кто кого будет уговаривать пойти на сеновал, я ещё посмотрю, у кого сеновал самый благоустроенный. Хотя сразу скажу, что к твоему сеновалу как-то больше привык. Это, наверное, потому, что там есть телевизор, и твоя мать нам часто приносила еду.

Вначале расскажу тебе, как мы проходили призывную комиссию. Сидят там человек 20 и все в белых халатах, прямо как доярки. Кто-то мне сказал, что они и вправду дояры, но я доильного аппарата так и не увидел.

Ты помнишь Ваньку картового из соседнего села? Что он говорил понимала только его собака, и то только с утра. Как он только начал говорить с комиссией, они замахали руками и сказали: - С тобой всё ясно, раз говоришь непонятно, то будешь шифровальщиком, у них тоже никто ничего понять не может.

Гошку, наркомана с трясущимися руками, определили в радисты: - С такой трясучкой ты просто находка, чтобы передавать азбуку Морзе, и главное – обеими руками сразу!

Димка «косой», вот чудака тоже – туда же, стал косить и от службы. У меня, мол, голова кружится, это ещё с детства. Иной раз иду, и так голова закружится, что всё как в стереокино.

Врач прямо-таки подпрыгнул: - Ну, дорогой, у такого давно ищем - пойдёшь обслуживать радиолокатор. У него антенна крутится на 360° круглосуточно. Вот вы вместе и будете крутиться, а так голова твоя кружится без толку. А то, что у тебя стереовидение, то это ещё лучше, экран-то плоский, а ты всё видеть будешь объёмно. Ох, парень, за тобой ещё ЦРУ охотиться будет, поэтому мы запрячем тебя на самой дальней базе, где кроме кораблей только белые медведи. А если ЦРУшники переоденутся медведями, то это не страшно, его легко определить – собаки от него не прячутся, мы уже столько их наловили!

Сашку «юркого» стали проверять на зрение, а он: - Ничего не вижу, буквы не знаю, ни маленькие, ни большие, и рамку, где эти буквы, тоже не вижу, а где врач – и подавно.

Ну, врач ему суёт под нос порно-журнал, а мы же голые!

- Ага, говорит, не видишь, а реагируешь. Зрение у тебя действительно

ни к чёрту, среагировал только на вторую секунду. Поедешь служить трюмным машинистом, там зрение не нужно, там темно, и они всё делают на ощупь.

Славку «придурковатого», помнишь? Так вот его определили заряжающим. Там ума много не надо – главное не спутать перёд и зад снаряда, а если рванёт, то всё равно, умный ты или, мягко говоря, не в себе, всё равно ничего не поймёшь.

Сёмку «шлёп нога» помнишь, у него правая короча левой. Так вот он подошёл к начальнику и ещё шибче стал хромать, чем обычно, и так умоляюще стал смотреть ему в глаза, будто говоря: «Неужели, даже и меня?» - Почему хромаешь? - Да вот, корова боднула, когда я её от быка вёл, видать, недовольна осталась...

Но мы то с тобой, Маруся, знаем, что это когда он к Надьке «безотказной» лез в окно, батька её ему по мослам оглоблей и захелал.

- Ну, что, служить хочешь и кем? - Да мне бы домой, там у меня корова, кто её обслуживать будет? Она же мне говорила, что уже привыкла ко мне.

- Это ничего, корове своей письма писать будешь, а то, что хромаешь, так корабль же качает, и твою хромоту никто и не заметит, там все с боку на бок качаются. Правда, у брюк одну штанину придётся обрезать, ну уж это ты сам сообразишь. А служить будешь в боцманской команде, научишься таким волшебным словам, что тебя ни одна корова и даже бык не боднут, а будут обходить стороной.

Ну и, наконец, о моём здесь «житье-битье». Корабль такой длинный! Ну почти как наш коровник, но его ещё не так растащили, хотя и бегают тут круглосуточно и что-то таскают, видать, пока перепрытывают.

Корабль весь из железа, а не тонет. Спрашивал, почему, никто не знает, все ссылаются на какого-то кавказца по имени Архимед – вот он точно знает. Напишу ему, интересно же!

Главный на корабле – командир, это как наш председатель, только чисто выбрит и чаще трезв.

Что я здесь буду делать, пока точно не знаю – коней нет, трактор грохочет где-то там внизу, а о коровах и говорить нечего. Хотя «старички» говорят, что на берегу тёлки полно, но говорят, что некоторые из них больны, и можно намотать на винт. Что это такое, я ещё узнаю и напишу тебе. Тёлкам я, может быть, смогу помочь, ведь как-никак мой сосед дядя Гоша был почти ветеринаром.

Темнота ты темнота, наверное, даже не знаешь, как называется перёд и зад корабля. Перёд – бак, а зад – корма. Да! Это почти, как у тебя. Ты же помнишь, как я любил держаться за неё рукой, чаще двумя.

Спим мы в кубриках, это как конторка кассирши, но там 10 человек. Что нам снится, кому что, кому дом родной, кому казённый.

Ты, наверное, не знаешь, что моряк это не человек. Человеком его называют, только когда он оказывается за бортом. Так и говорят: «Человек за бортом».

Зашёл вчера на камбуз, это, по-вашему, кухня. Там главный – кок, здоровяк,

ходит с ножами – кого хочешь, кокнет.

Есть здесь мичман (это как у вас бригадир) с вьетнамской фамилией – БОЦ- МАН. Мне сказали, что МЭН это по-иностранному – человек. В общем, это можно перевести как – Бац и нету Мэна.

Два дня назад драил палубу, ну это у нас так называется равномерное распределение грязи по поверхности. Задел боцмана шваброй (Ты не думай, швабра это не девушка, как звали у нас «кривую» Надьку), а швабра это такая длинная палка, такой толщины... ну, в общем, тебе бы понравилось. Так вот на одном конце этой палки привязаны... ну как бы тебе попонятнее разъяснить? Вот если взять твой шиньон, в котором ты приходила меня проводить, и к нему прибавить такой же от жены председателя и привязать их к палке, то получится плохонькая швабра.

Так вот, задел я его шваброй, а он у нас такой вежливый, раскланялся, говорит, извините, что помешал вам, и всё в этом духе – извинялся, извинялся. Ну, ты же знаешь, что в русском языке других-то слов, в общем-то, и нету. Я так много от него о себе узнал и в конце нашего разговора подумал: «Вот бы их свести с нашим пастухом дядей Васей и посмотреть, кто из них вежливее».

Если ты помнишь, какими верёвками вы с Ванькой скручивали меня, когда я застал вас вдвоём и без одежды, так здесь верёвки ещё толще и зовут их канатами. Если бы вы скручивали меня ими, то я бы, наверное, не вырвался и не набил бы вам морды. Когда корабль пристаёт к берегу, его с кормы привязывают этими канатами крепче, чем дядя Тимоня привязывает нашего племенного быка к стойлу, когда тот косит глазом на его жену.

Напиши, как там мой любимый жеребец «Резвый». Раньше, как он заржёт, так все бабы в деревне вздрагивали и зачем-то закатывали глаза.

Передай привет всем нашим парням и девчонкам.

Твой моряк, Жора!

Женский юмор (от Дианы Губочкиной)

Мужчины! А давайте вы будете стирать, убирать, гладить... а мы вас ХОТЕТЬ!!!

Дорогая, вы так часто заходите на мою страницу, что я не могу понять: вы любовница моего мужа или жена моего любовника???

Хорошо быть гусеницей: жрешь, жрешь, жрешь. Потом закутываешься: спишь, спишь, спишь...
Просыпаешься – красавица!!!

Не зря обручальное кольцо надевают на тот палец, из которого всю жизнь берут кровь.

Пошла доставать рюмки — подружки на кофе пришли.

Мы не пьём. Мы дезинфицируем душевные раны.

Барин, я постель постелила — идите угнетать!

Я его не ревную... умный □ от меня не уйдёт, а дурака я не держу.

Мне нравится моя зарплата, мне нравится моя работа, мне нравится мой мужчина, мне нравится моя страна...
Для тех, кто не понял - это медитация.

И почему все приглашают меня в ресторан или в сауну? Они, что, думают, что я голодная и грязная?

Вчера в бассейне подхватила какую-то заразу... Сегодня утром... еле-еле из квартиры выгнала.

Мужчину красивого, умного, щедрого, доброго, нежного, непьющего, не гулящего... хочется хотя бы просто увидеть.

Жена мужу:

- Ты помнишь, на рыбалку ездил?

- Ну помню, а что?

- Так вот, твоя щука звонила и сказала - у неё от тебя икра.

Прихожу домой, а там столько работы:

диван не лежаний, телевизор не смотренный, интернет не сижений.

Вот жила себе царевна-лягушка, не тужила... Так нет, явился Иван-царевич, и началось — пироги пеки, ковры тки, перед гостями пляши... да и утешай его! Называется, В СКАЗКУ ПОПАЛА!

Прежде чем диагностировать у себя депрессию и заниженную самооценку, убедитесь, что вы не окружены идиотами.

Встречаются две подруги:

- Маш, ты что, беременная опять?

- Да.
- От кого???
- Да бывший муж приходил извиняться, что бросил меня одну с тремя детьми.

Вежливость стала такой редкостью, что некоторые принимают её за флирт.

На холодильнике написала – ЗАВТРА БРОСАЮ ЖРАТЬ! Каждое утро читаю и думаю: ХОРОШО, ЧТО ЗАВТРА, А НЕ СЕГОДНЯ!!! Не грузите меня, я не сухогруз.

Я танкер, наливайте...

Наша страна полностью перешла на 3D – к дуракам и дорогам примкнули депутаты.

У круглого дурака есть одно неоспоримое преимущество – он легко катится по жизни...

Многое можно сделать за спасибо. Например, сказать пожалуйста!

В Африке принято откладывать деньги на белый день.
Русский человек болезненнее всего переносит здоровый образ жизни...

Людей без лишнего веса больше всего на кладбище.

Лучше всего концы с концами сводят ножницы....

В Англии выпустили книгу «О чём думают мужчины, кроме секса». Под обложкой – 200 пустых страниц...

Чем отличается обычный мужчина от настоящего?
От обычного голова болит, от настоящего – кружится.

Учёные выяснили, что по наследству передаются не только гены, но и чебурашки.

Женщина — как театр: сегодня комедия, завтра трагедия, а послезавтра гастролы в другом городе. Макияж, маникюр, эпиляции. Эх! А в детстве чтобы стать красивой, достаточно было надеть на голову бант!!!

Доверие — это когда тебе говорят: — «Знаешь, а он у тебя гуляет.» А ты отвечаешь: «Пусть гуляет... Он тепло одет».

Как закончилась вчерашняя ссора с женой? - Она приползла ко мне на коленях. - И что сказала? - Вылезай из-под кровати, придурок!..

Ну и что, что грудь маленькая, зато бусы ровно ложатся.

Ничто не бодрит так с утра, как осознание того, что ты проспал.

Ну и что, что я ем много сладкого!.. И это не значит, что я буду толстенькая... я буду сладенькая!

Задача жены – тратить столько, чтобы ему не хватало на любовницу!

ХОЧЕШЬ провести незабываемую НОЧЬ с несколькими КРОШКАМИ... тогда СЪЕШЬ сухарик в ПОСТЕЛИ...

Придумала: напишу на бумажке слово «диета», положу на стул и буду на ней сидеть...Купила мелок от тараканов! Теперь в голове тихо и спокойно... явно сидят, рисуют...

Вы думаете, управлять мужчиной легче, чем автомобилем? Тут права на халяву не купишь. На мужчине надо по всем правилам ездить, сцепление чувствовать. Руля у него нет, тормоза слабые, а передок то и дело заносит налево! Особенно, когда полный бак залит...

Калории – это такие мелкие пакостники, которые приходят ночью и ушивают твою одежду!

Что за параметры придумали мужчины для женщин 90-60-90?! Давайте и мы им установим параметры, и делайте что хотите: морковку жуйте, на дрожжах сидите, в «Растишку» что-нибудь макайте ...

Пришла домой в 4 утра... открыл дверь муж, и сразу вопрос «Чё пришла??? « я растерялась и ответила «Позавтракать»...

Женщины никогда не стареют – это у мужчин зрение портится!

Игорю Губерману 75 лет – *Игорь* ИРТЕНЬЕВ

Многолетний юзер алкоголя,
Боевого секса ветеран,
Славная тебе досталась доля,
Достославный друг мой Губерман.

Двух народов ты любовью греем,
Или согреваем, что верней,
Будучи потомственным евреем,
Ты для русских – Пушкин наших дней.

Что тебе сказать, мой старший тёзка,
Всенародно признанный пиит,
Нашей жизни катится повозка,
Хоть при этом гнётся и скрипит.

Сил тебе, здоровья и успехов,
Долгих лет и острого пера!
Тыщи вёрст в повозке той проехав,
Тыщи строк ты выдал на-гора.

Так подольше ей скрипеть и гнутья
Немощи завистливой назло!
Ведь с повозки этой нае*нуться
Нам покамест время не пришло.

И, покуда русский мат могучий
Вольным ветром в *гариках* сквозит,
Этот самый медицинский случай
Нам с тобой, Мироныч, не грозит!

Новые «гарики» *Игоря* ГУБЕРМАНА

А время нас и лысит, и беззубит,
И с каждым днём становимся мы старше.
И жёны нас по-прежнему не любят,
И очень редко любят секретарши.

Всё может быть, всё в жизни может быть.
Я сам, наверно, сильно изменился,
Но первую любовь не позабыть.
Забудешь тут, когда на ней женился!

Еврей умён. Еврей совсем не прост.
Еврей всё видит, слышит, подмечает.
И что удобно – что на свой вопрос
Он сам себе мгновенно отвечает.

Не знаю, зависть – грех или не грех,
Но всё-таки могу предположить,
Что свой позор нетрудно пережить.
Сложнее пережить чужой успех.

Я образ жизни замкнутый веду.
Живу тихонько, ближним не мешая.
Но я всегда на выручку приду...
Конечно, если выручка большая.

Фортуна в руки не даётся,
Она ведёт себя как хочет:
Сначала, вроде, улыбнётся,
А после – над тобой хохочет.

Мы живём в окружении строгом,
И поступкам всегда есть свидетели...
За грехи – наказуемы Богом.
Человечеством – за добродетели.

Шутить я не умею плоско,
Но всем скажу, не для красы,

Что неудач моих полоска –
Длиннее взлётной полосы.

В нас часто проявляется плебейство...
Ну, что ж, один – атлет, другой – Атлант.
Несовместимы Гений и Злодейство,
Но совместимы зависть и талант.

Яви мне милость, всемогущий Бог!
Прости, что оторвал тебя от дел...
Но если сделал ты, чтоб я не МОГ,
То сделай так, чтоб я и не ХОТЕЛ!

Еврею не важно – он там или тут:
И в жарком Крыму, и на дальней Аляске.
Евреи где хочешь легко создадут
Русский ансамбль песни и пляски.

Как мы умны, находчивы и дерзки,
Как отвечаем – остроумно, грозно.
И потому себе ужасно мерзки,
Что свой ответ всегда находим поздно.

Ошибки юности легко сходили с рук.
Ах, молодость! Далёкий звук свирели.
Мы часто под собой пилили сук...
И мы – не те, и суки постарели.

Детский сад

Клавдия АНОСОВА

Урок географии рассказ

Далёкие послевоенные годы. Город Сучан Приморского края, позже Партизанск, где определяющей отраслью развития была угольная промышленность, славился шахтами и знатными шахтёрами, а ещё всепоглощающей пылью, застывшей пригорки, холмики и сопочки города.

На одном из пригорков, также присыпанных пылью, стояло старинное одноэтажное здание, в котором располагалась семилетняя школа № 2.

Прошло уже очень много лет, но до сих пор помнятся замечательные педагоги, отдавшие много сил, теплоты и терпения своим подопечным: Ольга Иосифовна вела биологию, зоологию, ботанику; всегда с необычайно красивой причёской, преподаватель английского языка Римма Михайловна. Школьники между собой звали её «англичанкой», как принято в школах. Запомнилась преподаватель математики Серафима Михайловна. Всегда подтянута, скромна, сдержанна и доброжелательна.

Всеобщую симпатию школьников завоевал директор школы Порфирий Семёнович. Он преподавал географию. Рассказывал ту или иную тему так интересно и увлечённо, что сам, незаметно, уходил далеко от заданного материала. Так случилось и на очередном уроке.

Ребят захватил рассказ учителя о далёких странах, о жизни морей и океанов, их обитателей, о судовождении, кораблекрушениях...

Слушали учителя, затаив дыхание, казалось, муха пролетит – слышно. И вдруг в тишине, как выстрел, мальчишечий звонкий, возбуждённый голос:

- А как спастись, если что?

Порфирий Семёнович, немного подумав, начал издалека:

- Видишь ли! Море не прощает расхлябанности, неряшливости, тем более недисциплинированности. Рейсы бывают довольно продолжительными. За это время может выйти из строя двигатель, приёмник или передатчик судовой радиостанции. Может, наконец, судно получить пробоину. Да мало ли что может случиться?! Малейшая недоделка, халатность в подготовке судна на берегу может привести к серьёзным последствиям в море.

Школьники слушали учителя с упоением, хотя многие морские термины были им в новинку. А Порфирий Семёнович продолжал:

Судно даёт сигнал бедствия только после решения капитана судна. Представьте себе, что вышел из строя радиопередатчик. Как быть, что предпринимать? На этот случай есть один проверенный метод оповещения о бедствии. Берётся габаритный предмет типа большого одеяла или простыни, крепится на самом высоком месте, скажем, на мачте, хорошо крепится, чтоб выдержать штормовой ветер. Это правило знакомо всем мореходам. Согласно морским законам, судно, проходящее мимо и увидевшее поданный сигнал бедствия, обязано оказать посильную помощь...

Неожиданно прозвенел звонок. Не хотелось выходить из класса. В глазах мальчишек живой интерес, и до начала следующего урока они осаждали Порфирия Семёновича вопросами...

Наконец, позади учебный год. Начались каникулы. Одна группа школьников отправилась на экскурсии во Владивосток, другая – к подножию горы Пидан. Третьей группе повезло посетить рыбокомбинат на острове Путятин с последующим посещением плавбазы «Чукотка». На плавбазе ребята впервые увидели и штурманскую рубку, и судовую радиостанцию, и машинное отделение.

Завершая экскурсию по плавбазе, ведущий коснулся и способов спасения на море. Показал разнообразные приспособления. Там, кроме бытовых крупных предметов, были и огромные разноцветные шары, предназначенные также для видового оповещения.

Школьники во время экскурсии не однажды вспомнили рассказы Порфирия Семёновича.

Дирекция рыбокомбината отметила прилежное поведение ребят на плавбазе, их искренний интерес и подарила детям морскую прогулку по акватории залива.

Катер стоял у берега в ожидании. Группа из двадцати человек едва разместилась, кто в кубрике, кто на надстройке, другие вдоль бортов...

Уже более часа ребята в море. Солнце палит нещадно, лёгкий морской ветерок слегка освежает. Ребята торжествуют: как здорово, как красиво, какой простор! Лёгкая зыбь слегка прибивается к борту, экскурсия проходит успешно.

- Дома расскажем, ведь не поверят! – один восторженно сказал. - И правда! – кивнул другой.

Неожиданно катерок будто вздрогнул, потом странно заурчал, «закашлял»... Никто на эти звуки из ребят не отреагировал, впервые на море, мало ли что... Но катер снова «зачихал». Члены экипажа забегали то вниз, то вверх, то снова вниз. Видимо, пытались завести мотор, а он чуть поурчал, попыхтел и заглох окончательно. Члены экипажа пытались завести мотор, но он замолчал...

В чем дело? Почему стоим? – недоуменно взирали друг на друга дети. Ветер, меж тем, крепчал, усилилось волнение, одновременно – и волнение детей. Члены команды суетились, катер стоял. Однако, по мере усиления ветра катер

стало относиться. Несколько ребят спустились в кубрик, оставшиеся прижались крепко друг к другу. Шторм крепчал. Катер уносило всё дальше и дальше. Становилось страшно. Волны перехлёстывали через палубу, стало холодно и ещё страшнее – берега уже видно не было. Старший группы, как мог, успокаивал ребят... И тут, неожиданно из кубрика поднялся матрос. Он нёс громоздкое одеяло и большую простыню. Полез на мачту и пытался на сильном ветру всё это закрепить. Вот тут дети ещё раз вспомнили рассказы Порфирия Семёновича. С большим трудом матрос прикрепил к мачте предметы для подачи сигнала бедствия. Дети немного успокоились...

Далеко, на горизонте были видны большие, маленькие корабли, но никто не помог, наверно, не увидали знаков бедствия на сером фоне штормового неба.

Вдруг кто-то из ребят, увидев далеко-далеко какое-то судно, закричал возбуждённо:

- Вон! Вон! Смотрите! Пароход! Они нас увидят! Они нас спасут!.. Но время шло, стало смеркаться, катер тащило в океан. Надежды на спасение таяли.

Ребята истомились.

Спасение пришло, когда его уже отчаялись ждать.

За спинами сидящих на надстройке ребят послышался шум разрезаемой волны и приближающийся шум двигателя. Подходил траулер. Стоящий на палубе матрос пытался закинуть конец швартового каната на катер. Резкий ветер этому мешал. Матрос сделал ещё несколько попыток, смачно выругался. Странно, но ветер, как будто услышал брань матроса и притих. Швартовый канат зацепился, катер взяли на буксир и потащили к берегу.

Возвратившись домой живыми и невредимыми, дети долго рассказывали друзьям, подругам, соседям о своих замечательных морских приключениях. Им завидовали все белой завистью...

Наша публицистика

В изданной в 1936 году книге «Преданная революция» Лев Троцкий зафиксировал бюрократическое перерождение советской власти и предрёк будущий переход тоталитарного социализма к капитализму. Троцкий также предсказывал, что партийно-государственная верхушка превратится в «обычную»

буржуазию. «Привилегии, – писал он, – имеют небольшую цену, если их нельзя передать детям по наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в свою частную собственность». Так и случилось...

В нынешней российской элите высок вес миллиардеров, неожиданно появившихся в прежде исповедовавшей социальное равенство стране. В последнем перечне «Форбс» насчитывается 110 персон, неспроста наречённых олигархами. В совокупности им принадлежит 35% материальных богатств России. В целом по миру миллиардеры владеют 1–2% национального благосостояния. Но стоит обратить внимание и на другое.

Георгий Цаголов, д-р эконом. наук (ЛГ №11 2014)

До сих пор наука не представила исчерпывающих доказательств того, что здоровью россиян, репродуктивной функции человека не будет причинён непоправимый вред, а страна не лишится своего суверенитета. Наоборот, исследования на грызунах, употребляющих корма с ГМО, продемонстрировали, что такие животные начинают страдать от злокачественных опухолей и теряют способность к размножению.

Что касается суверенитета, то поводов для беспокойства также хватает. В России нет бизнеса, который производит продукты питания и семена с ГМО. И то и другое (пока ограниченно) покупаем за рубежом. С реализацией постановления закупки начнут увеличиваться практически бесконтрольно, а так как трансгенные сельскохозяйственные культуры не дают семян, их придётся постоянно закупать у транснациональных корпораций, в основном в США, что приведёт к потере экономической независимости в важнейшей стратегической отрасли.

Внедрение ГМО-культур нанесёт непоправимый урон нашему сельскому хозяйству, которое и так находится в худшем положении, чем конкуренты...

Кроме того, по мнению академика Александры Кудряшёвой, которая много лет проработала в США, в том числе в качестве эксперта ООН по проблемам здорового питания, проблемы генной инженерии нельзя рассматривать в отрыве от экологии. А реальность такова, что под воздействием вредных выбросов увеличивается количество уродств в растительном и животном мире, а человек под воздействием всё более агрессивных микробов резко теряет иммунитет. «Если к нашим экологическим проблемам добавить ещё и продукты с ГМО, то мы просто выйдем», – убеждена Александра Андреевна.

Галина Мыльникова, там же

Память

Николай РУБЦОВ

1936 — родился 3 января четвёртым ребёнком в семье начальника ОРСа леспромхоза Михаила Андрияновича и Александры Михайловны Рубцовых. В автобиографии сообщит: «Я, Рубцов Н. М., родился в 1936 году в Архангельской области в с. Емецк. В 1940 г. переехал вместе с семьёй в Вологду, где нас и застала война. Отец ушёл на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать, и я был направлен в Никольский д/д Тотемского района Вологодской области, где окончил 7 классов Никольской НСШ в 1950 г. В том же 1950 году я поступил в Тотемский лесотехнический техникум, где окончил 2 курса, но больше не стал учиться и ушёл. Подал заявление в Архангельскую мореходную школу, но не прошёл по конкурсу.

В настоящий момент подаю заявление в Тралфлот. Н. Рубцов 12.09.52г.».

После смерти матери 29 июня 1942 года старших детей взяли родственники, а младшие — Николай и Борис — попали в Красковский детский дом.

1950—1952 — Николай Рубцов кончил семилетку и, по его словам, «рвался к морю». Но попытка поступить в Рижскую мореходку закончилась неудачей.

Летом 1952 года, кончив два курса «лесного» техникума и, главное, получив паспорт, ещё раз пытается пройти конкурс в «мореходку», но теперь уже Архангельскую. Вновь неудачно. Поступает на Тралфлот — подручным кочегара на тральщике РТ-20 «Архангельск». Об этих годах сообщит скупое: «Учился в нескольких техникумах, ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Всё это в разной мере отозвалось в стихах». **1953** — поступает учиться в горный техникум в заполярном городе Кировске.

1954—1955 — бросает техникум и переезжает к брату Алексею в село Приютино под Ленинградом. Работает слесарем-сборщиком на артиллерийском испытательном полигоне.

1956—1959 — действительная служба на Северном флоте в заполярном городе Североморске, где находилась база флота.

Годы службы на эсминце прошли под знаком поэзии Сергея Есенина, которого именно в это время Россия открывала заново. Рязанский прозаик Валентин Сафонов, служивший с Николаем Рубцовым, рассказывает: «Коля прочитал всё, что было у меня о Есенине... Брат прислал мне двухтомник Есенина, вышедший в 56-м в Госиздате. Светло-сиреневый переплёт, зелёное пятно неприхотливого пейзажа на обложке. Вот это был праздник! Мне и теперь они дороже многих нарядных изданий... Тогда, в машинном отделении, мы не читали друг другу собственных стихов. Даже, кажется, и в голову не пришло

такое — читать себя. Говорили только о Есенине».

В годы службы Николай Рубцов посещает литературное объединение при флотской газете «На страже Заполярья», начинает печататься.

1959—1960 — после демобилизации, с ноября начинает работать кочегаром на Кировском (бывшем — Путиловском) заводе, живёт в заводском общежитии. «С полочки особенно хорошо, — сообщает он другу, — хожу в театры и в кино». Начинает заниматься в литобъединении «Нарвская застава». Поступает в вечернюю школу.

1961 — выходит коллективный сборник «Первая плавка» с пятью стихотворениями Рубцова.

1962 — 24 января Николай Рубцов выступает с чтением стихов на вечере молодой поэзии в ленинградском Доме писателей. Знакомится с Глебом Горбовским и другими ленинградскими молодыми поэтами. Подготовил рукописный (самиздатовский) сборник из 37 стихотворений «Волны и скалы», в который вошли такие известные в будущем стихи, как «Видения на холме», «Берёзы», «Добрый Филя», раздел «звукзаписных миниатюр». По предисловию к сборнику можно судить об отношении молодого поэта к официальным литературным и околосредовым кругам. Николай Рубцов заявляет: «И пусть не суются сюда со своими мнениями унылые и сытые «поэтические» рыла, которыми кишат литературные дворы и задворки».

Сдаёт экстерном экзамены за среднюю школу. Представляет рукописный сборник «Волны и скалы» на творческий конкурс и поступает в Литературный институт.

Начало московского периода жизни поэта.

1963 — июлем этого года датирован первый вариант стихотворения «В горнице». В течение года написаны: «Я буду скакать по холмам...» и другие стихотворения, ставшие рубцовой классикой. «В моей памяти, — вспоминает Вадим Кожин, — Николай Рубцов неразрывно связан со своего рода поэтическим кружком, в который он вошёл в 1962 году, вскоре после приезда в Москву, в Литературный институт. К кружку этому так или иначе принадлежали Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Владимир Соколов и ряд более молодых поэтов — Эдуард Балашов, Александр Черевченко, Игорь Шкляревский и другие. Нельзя не подчеркнуть, что речь идёт именно о кружке, а не о том, что называют литературной школой, течением и т.п. Правда, позднее, к концу шестидесятых годов, на основе именно этого кружка сложилось уже собственно литературное явление, которое получило в критике название или, вернее, прозвание — «тихая лирика». Более того, течение это, вместе с глубоко родственной ему и тесно связанной с ним школой прозаиков, прозванных тогдашней критикой «деревенщиками», определило целый этап в развитии отечественной литературы».

Но к этому же периоду вхождения в литературу относятся и первые

исключения Николая Рубцова из Литературного института, как значилось в приказе, «с немедленным выселением из общежития».

1964—1965 — в конце июня Николай Рубцов вновь отчислен из Литинститута, 15 января 1966 года — вновь восстановлен, но на заочном отделении, что фактически лишало его возможности иметь хоть какой-то свой «угол» в Москве. О годах учёбы в Литинституте бытует немало легенд, связанных в основном с «недостойным поведением Рубцова Н.М.» в ЦДЛ и «нарушением общественного порядка» в общежитии. Очевидцы рассказывают, как однажды он устроил «застолье» с классиками — Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Блоком, сняв их портреты со всех этажей и собрав у себя в комнате. Сокурсники застали его «чокающимся»: «Ваше здоровье, Александр Сергеевич!.. Ваше, Михаил Юрьевич!..» Утром, под надзором коменданта общежития, он послушно разнёс и развесил портреты, но продолжал бурчать: «Не дали раз в жизни в хорошей компании посидеть...»

Не менее ощутимой была и такая административная мера, как «снятие со стипендии», которая тоже не единожды применялась к Николаю Рубцову, оставляя без средств к существованию.

Лето проводит в Николе. «Здесь за полтора месяца, — сообщает он в письме к Александру Яшину, — написал около сорока стихотворений. В основном, о природе, есть и неплохие, и есть вроде бы ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». А в письме к другу земляку-вологжанину Сергею Викулову сообщал: «Все последние дни занимаюсь тем, что пишу повесть (впервые взялся за прозу), а также стихи, вернее, не пишу, а складываю в голове. Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове».

В августовском номере журнала «Октябрь» появляется первая крупная публикация Николая Рубцова в «толстом» столичном журнале. Среди опубликованных стихотворений — «Звезда полей», «Взбегу на холм и упаду в траву!..», «Русский огонёк». В октябрьском номере «Октября» появляется ещё одна подборка Николая Рубцова — «Памяти матери», «На вокзале», «Добрый Филя», «Тихая моя родина!..». Он сдаёт в набор первую книгу «Лирика» в Архангельском книжном издательстве, подписывает договор с издательством «Советский писатель» на книгу «Звезда полей».

1966—1967 — проводит в странствиях: Вологда — Барнаул — Москва — Харовск — Волго-Балтийский канал — Вологда. Николай Рубцов принимает участие в обычных для того времени писательских поездках, выступлениях в сельских клубах, Домах культуры, библиотеках. Вологодский поэт Александр

Романов так описывает публичные выступления Рубцова: «Николай Рубцов стихи читал прекрасно. Встанет перед людьми прямо, прищурится зорко и начнёт вздымать слово за слово: «Взбегу на холм и упаду в траву...» Не раз слышал я из уст автора эти великие «Видения на холме», и всегда охватывала дрожь восторга от силы слов и боль от мучений и невзгод Родины. А потом — «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий», — и воображение моё уносилось вместе с журавлиным клином в щемящую синеву родного горизонта. А затем — «Я уеду из этой деревни», — и мне приходилось прикрываться ладонью, чтобы люди, сидевшие в зале, не заметили моих невольных слёз... Вот какими были выступления Николая Рубцова!»

На литературном семинаре

К лету 1967 года вышла книга «Звезда полей», ставшая звёздным часом поэта. «Эпопею издания сборника стихов Рубцова я знал хорошо, — вспоминал однокурсник Анатолий Чечетин. — Заходили с ним в издательство, когда ещё только созрел договор, и на других этапах. Уже тогда я понимал, какое важное дело совершает Егор Исаев, отстаивая, проводя и «пробивая» почти в целостности эту подлинно поэтическую книжечку стихов, явившуюся к нам словно из другой галактики».

1968 — в журналах появилось несколько рецензий на «Звезду полей», по ней Николай Рубцов защитил диплом в Литературном институте и 19 апреля был принят в Союз писателей. Получил в Вологде комнату в общежитии.

Ранней весной исполнилась давнишняя мечта поэта: он побывал на

родине Есенина — в селе Константиново. В августе-сентябре гостит в деревне Тимониха — у Василия Белова. Там написана поэма-сказка «Разбойник Ляля».

1969 — вышла третья книга Николая Рубцова «Душа хранит» (Архангельск). Закончились годы скитаний, бытовой неустроенности: Николай Рубцов получил скромную, но всё-таки отдельную однокомнатную квартиру. Казалось, что налаживается и личная жизнь поэта...

1970 — вышла четвёртая книга Николая Рубцова «Сосен шум», изданная благодаря хлопотам Егора Исаева, в том же «Советском писателе». Появились публикации в «Нашем современнике», «Молодой гвардии».

К этому времени относятся стихотворения — «Судьба», «Ферапонтово», «Я умру в крещенские морозы...».

1971 — гибель поэта Николая Рубцова 19 января, в крещенские морозы...

В кочегарке

Бьётся в топке пламень белый,
 Белый-белый, будто снег.
 Жилистый и смуглотельный
 Возле топки человек.
 Вместо «Здравствуйте»
 - В сторонку! –
 Крикнул – новенький, кажись?
 И добавил, как ребёнку
Мне:
 - Смотри, не обожгись!..
 В топке шлак ломал с размаху,
 Раскрасневшись от жары.
 Проступали сквозь рубаху
 Потных мускулов бугры.
 Бросил лом. Платком утёрся,
 На меня глаза скосил.
 - А тельняшка что, для форса? –
 Иронически спросил.
 Я, смеясь:
 - По мне, для носки
 Лучше вещи нету. Факт.
 - Флотский, значит?
 - Значит, флотский.
 - Что ж, неплохо, коли так!

Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, - произнёс.
И лопату,
 Как награду,
Мне вручил. – Бери, матрос!
В жизнь, конечно, входит атом,
Атому хвала и честь.
Но кой-где ещё лопатам
Тоже много дела есть!..
И теперь я тоже с жаром
С ним тружусь,
с дружкой,
 на пару,
Будто отдан был приказ:
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

* * *

Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!
Печально пела радиола
Про мимолётный наш уют.
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.
Они с родными целовались.
В лицо им дул знобящий норд.
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт.
И вот опять – святое дело!
И наш корабль, заботой полн,
Совсем не так осиротело
Плывёт среди бескрайних волн...
Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал...

Глядя из железной рубки на убегающий за корму в бушующие волны и пропадающий вдали пенный след от винтов быстро мчащегося эсминца, поэт сравнивает надёжность выполняемых дел с надёжностью мачт (в стихотворении «Мачты»). Морской жаргон проникает в стихи Рубцова.

«Старпомы ждут своих матросов»:

Старпомы ждут своих матросов.
Морской жаргон с борта на борт
Летит, пугая альбатросов...
И оглашён гудками порт.
Иду! А как же? Дисциплина!
Оставив женщин и ночлег,
Иду походкой гражданина
И ртом ловлю роскошный снег.
И выколачиваю звуки
Из веток, тронутых ледком,
Дышу на зябнущие руки,
Дышу свободно и легко.
Никем по свету не гонимый,
Я в этот порт явился сам
В своей любви необъяснимой
К полночным северным судам.
Вот бледнолицая девица
Без выраженья на лице,
Как замерзающая птица,
Сидит зачем-то на крыльце.
- Матрос! – кричит. – Чего не спится?
Куда торопишься? Постой!
- Пардон! – кричу. - Иду трудиться!
Болтать мне некогда с тобой!

* * *

У тралмейстера крепкая глотка -
Он шумит, вдохновляя аврал!
Вот опять загремела лебёдка,
Выбирая загруженный трал.

Сколько всякой на палубе рыбы!
Трепет камбал – глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груди больших окуней!

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадуют мурманский стан!

А на мостике в мокрой зюйдвестке
С чашкой кофе стоит капитан.

Капитан, как вожатая птица,
В нашей стае серьёзен один:
Где-то рядом в тумане таится
Знаменитый скалистый Кильдин...

Романтика моря, романтика океана и судно, пропахшее
треской – всё это было в жизни Николая Рубцова:

Забрызгана крупно и рубка, и рында,
Но час отправления дан!
И тральщик тралфлота треста «Севрыба»
Пошёл промышлять в океан...

Подумаешь, рыба! Треске мелюзговой
Язвил я: - Попалась уже? -
На встречные злые суда без улова
Кричал я: - Эй, вы! На барже!

А волны, как мускулы, взмылено, рьяно,
Буграми в суровых тонах
Ходили по чёрной груди океана,
И чайки плескались в волнах,

И долго, и хищно, стремясь поживиться,
С кричащей голодной тоской
Летели большие клювастые птицы
За судном, пропахшим треской...

